ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

ISSN 2312-8321
№06 2018
ИНФОРМАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕМА НОМЕРА

Пространство России

КЛАСТЕРЫ РАЗВИТИЯ | ИНДУСТРИЯ НАСЛЕДИЯ | ТАЙНЫ ДОМА МЕЛЬНИКОВА

ISSN 2312-8321

Учредитель - Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» (ФГБУК АУИПИК)
127006, г. Москва, Дегтярный пер., д. 8, стр. 3.
Тел./факс: 8 (499) 705 20 00

http://ohrgos.ru

Издатель - Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)

Свидетельство о регистрации СМИ выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл. № ФС77-56187 от 15 ноября 2013 г.

Распространяется бесплатно

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Директор
Константин Михайлов

Замдиректора
Евгения Твардовская

Шеф-редактор
Олег Фочкин

Арт-директор
Илья Шпагин

Редактор
Екатерина Линевич

Фото на обложке: Вадим Разумов
Использованы материалы Wikimedia Commons

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕНКО Игорь Андреевич
Директор НИИТИАГ

ДЕМИДОВ Артем Геннадьевич
Председатель Центрального совета ВООПИК

КОПЫЛОВА Елена Ивановна
Ректор Института искусства реставрации

КУДРЯВЦЕВ Александр Петрович
Вице-президент РААСН

МАЛАНИЧЕВА Галина Ивановна
Почетный председатель ВООПИК

МУЗЫЧУК Валентина Юрьевна
Замдиректора Института экономики РАН

ОКОРОКОВ Александр Васильевич
Замдиректора Института наследия

РЫБАКОВ Сергей Евгеньевич
Член Совета Федерации

САВОСТИНА Елена Анатольевна
Доктор искусствоведения, профессор

СОЛОВЬЕВА Наталья Федоровна
Замдиректора ИИМК РАН

СТЕРЛИНА Вера Валерьевна
Генеральный директор НП «Русская усадьба»

ФИЛАТОВА Надежда Владимировна
Руководитель Центра Всемирного наследия Института наследия

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119019, Москва, Гагаринский пер., 4/2
Тел.: 8 (495) 695 07 06
© ФГБУК «АУИПИК»

Охраняется государством

№06'2018

4 Колонка редактора

Живая история

6 Павел Кузнецов. Секреты дома в Кривоарбатском

Тема номера: Пространство России

12 Феликс Разумовский: «Границы России там, где кончаются святость и святыня»

22 Ирина Кравец: «Для пространственного развития страны нужен каркас точек активности»

28 Рустам Рахматуллин. Четыре четверти русского

34 Юрий Веденин. Культурный ландшафт – хранитель исторической памяти

42 Павел Шульгин. Индустрия наследия

50 Станислав Абакумов, Виктор Ливцов, Роман Богатырев. Зачем мы штурмуем «Орловскую крепость»

54 Владимир Гнездилов. В Россию к Мао

60 Евгения Твардовская. Вопросы и ответы пограничья

68 Ольга Грицан. От Выборга до Дербента

74 Евгения Евграфова. Восстанавливая связь времен

Мнения

20 Александр Ракитин. Проектирование будущего.

32 Андрей Боков. Между городом и не-городом

48 Ник Перумов. Москва как точка сборки

66 Алексей Крашенинников. Каркас, ткань и плазмы

Картина мира

26 Усадьба Рассказово. Новая жизнь

40 Форты Кронштадта: конверсия во имя сохранения

58 Манеж в Дворцовых конюшнях Петергофа

72 Купцы и «зеркало Дракулы»

86 Ильич отмыт, но заржавел

Документ

76 Константин Михайлов. Ярославский протокол № 7

88 ***Книжная полка***

90 ***Акценты***

Лица номера

Нетта БЁЭК
Андрей БОКОВ
Юрий ВЕДЕНИН
Ольга ГРИЦАН
Леся КОЛЕСНИКОВА
Ирина КРАВЕЦ
Алексей КРАШЕНИННИКОВ
Павел КУЗНЕЦОВ
Ник ПЕРУМОВ
Феликс РАЗУМОВСКИЙ
Александр РАКИТИН
Рустам РАХМАТУЛЛИН
Ольга РЫЖКО
Александр САКСА
Минна СИЛЬВЕР
Мадис ТУУДЕР
Павел ШУЛЬГИН

От мегаполиса к малой родине

Олег Фочкин,

шеф-редактор

Для каждого из нас познание мира начинается с очень близкого и личного: сначала это твоя колыбель и мир вокруг нее, чуть позже – дом, в котором мы живем, двор, улица и ее окрестности. С периодом взросления и познания это пространство расширяется и растет, наполняясь все новыми и новыми отличительными чертами и милыми нашему сердцу воспоминаниями, постоянно дополняющимися новыми фактами из нашей жизни, равно как из жизни наших родителей и друзей.

Мы перемещаемся по миру и ищем не только что-то необычное и удивительное, но и хорошо знакомое, то, что напомнило бы нам о родном доме, о том историческом пространстве, без которого мы уже не можем представить ни себя, ни то, что сами всю жизнь созидаем, снова и снова возвращаясь к истокам.

Наша страна – это огромное пространство, которое даже невозможно представить в полном объеме, как невозможно побывать во всех городах и деревнях, поселках и прекрасных местах, которыми мы гордимся и восхищаемся.

В силу разных обстоятельств этот мир, это историческое пространство меняется, иногда стирая огромные и маленькие поселения. В лучшем случае они остаются в нашей памяти, в книгах и на фотографиях. В худшем – предаются забвению и тлену.

Но память удивительная штука, она хранит даже то, что мы сами никогда не видели, что досталось нам от предыдущих поколений и существует на генетическом уровне. Сумеем ли мы донести это видение до наших детей и внуков – зависит только от нас.

Этот номер журнала «Охраняется государством» посвящен теме российского пространства. Архитекторы, фантасты, культурологи, историки и другие специалисты вместе с нами пытаются разобраться в том, что же это за понятие, почему оно так для нас важно и как его можно и нужно развивать и сохранять с учетом существующих реалий.

Одни говорят, что будущее – за огромными мегаполисами, которые просто поглотят привычный нашим предкам и нам мир и будут развиваться дальше, увеличиваясь в размерах и подчиняя наш ритм жизни своим законам. А что произойдет с остальными? Куда денутся небольшие российские города и поселения? О том, что может дать статус исторического поселения, как поднимать регионы, рассуждают наши авторы, приводя аргументы pro и contra.

У нас остаются прежними главные проблемы, и одна из них – дороги, которые на протяжении многих веков пытаются развивать, снова и снова наступая на одни и те же грабли. А как выжить маленькому городку, если до него никто не может добраться, не говоря уже о туристах? Будь там даже очередное чудо света, его никто не увидит, если не сможет добраться каким-то простым способом. А если дорога будет, то и инфраструктура наладится. И работа у людей появится, и будет на что не только выживать, но и восстанавливать памятники культуры, возможно, вдохнувшие новую жизнь в умирающую, казалось бы, местность.

Без таких малых поселений не выживет ни один мегаполис. Вокруг него останется выжженная земля, пустое пространство, которое со временем поглотит и городской массив.

Сельский священник в тверской Карелии рассказал мне в этом году, что некогда богатые и многочисленные деревни за Вышним Волочком пустеют, и природа постепенно забирает свое назад, поглощая лесными зарослями дома и любые следы человеческой жизни. Он борется с этим почти в одиночку, восстанавливая уникальный храм XVIII века. Уже 17 лет, как уехал из Москвы. Сейчас к нему потянулись туристические группы, летом работают реставраторы из московского колледжа. Появилась надежда, что эта и окружающие деревни оживут. Именно с таких людей и с таких дел и начинается возрождение, заново воссоздается историческое пространство, некогда привычное и почти потерянное.

> Мы начали понимать, что можем потерять собственную идентичность

Мы начали понимать, что можем потерять собственную идентичность, что за этим краем уже ничего нет. Потому и крепнет волонтерское движение, потому на государственном уровне развертывается масштабная программа пространственного развития России, включая развитие малых городов и сел.

В этом номере вы сможете познакомиться и со статистическими выкладками, которые доказывают, что индустрия наследия – одно из перспективных направлений формирования глобального валового продукта в будущем. И это не просто теория, а уже существующая мировая практика.

Узнаете вы и о том, как урбанистика объясняет обусловленность городской среды когнитивными (внутренними умственными, эмоциональными и иными) особенностями человека и социальных групп.

И конечно, мы обязательно поговорим о границах, поскольку любое пространство их имеет. И в первую очередь мы затронем не политико-территориальные вопросы пограничья и приграничья – здесь все более определенно и понятно. Мы порассуждаем о границах культурных, которые и определяют историческое пространство, его дух и атмосферу, его память, сочетающую в себе разные эпохи и этносы. В какой момент начинают взаимодействовать соседствующие, но очень разные пространства?

Затронем в этом номере и вопросы избранности, и само понятие «Русская земля». Насколько оно помогло объединению разных этносов и народов, что послужило основой для этого объединения и дальнейшего формирования и существования того, чем мы сегодня гордимся и на основе чего зародилось наше самоопределение.

Тема исторического пространства сегодня обсуждается на самом высоком уровне. Этому посвящены форумы и заседания, деловые встречи и исследования. Но все это не будет иметь никакого смысла, если мы сами не поймем, что это для нас значит. Надеемся, этот номер журнала поможет всем нам ответить на эти важные вопросы.

Секреты дома в Кривоарбатском

И метафорически, и буквально архитектура Мельникова базируется на фундаменте прежней русской архитектуры

Павел Кузнецов,
директор Государственного музея Константина и Виктора Мельниковых

Дом архитектора Константина Мельникова в Москве (1927–1929) – всемирно известный памятник советского архитектурного авангарда. На протяжении ряда лет его судьба вызывала беспокойство из-за неопределенности статуса. С момента включения дома в 2014 году в состав Музея архитектуры им. А.В. Щусева как филиала – Государственного музея Константина и Виктора Мельниковых – начаты планомерные работы по его сохранению и представлению наследия Мельниковых для профессиональной аудитории и широкой общественности.

Дом Мельникова в процессе строительства в 1927 году. Из архива Дома Мельникова

В 2018 году на средства гранта Фонда Гетти (США) и пожертвования Группы компаний ПИК (Россия) завершается важнейший этап – углубленное предреставрационное обследование памятника, которое определит последующие долгосрочные меры по его реставрации. Само масштабное обследование, первое такого рода в истории памятника, стало важным международным проектом. Опыт научного обследования и последующей реставрации должен стать образцовым примером методологического подхода к сохранению архитектурного наследия России XX века.

Слушать памятник

Когда четыре года назад был создан музей Мельниковых, дом казался нам своеобразным «черным ящиком» – мы не знали, как к нему подступиться и с чего начать. Так бывает, когда памятник, казалось бы, всем известен, но на самом деле он является «шкатулкой с секретом». Решили сделать паузу, посмотреть, как здание себя чувствует в разное время года, какие проблемы действительно актуальны, а какие надуманы. Накопили статистику по климату – температуре и влажности в доме на протяжении трех годовых циклов. Делали только самое минимальное и очевидно необходимое: подрезали ветки выросших за последние 20 лет деревьев-дичков, по которым текла вода, быстро разрушавшая уличный фасад; провели профилактику гидроизоляции кровли в месте протечек и стали регулярно чистить ее от снега; благоустроили участок вокруг, позволив воде уходить от дома; отремонтировали сгнившие трубы центрального отопления, грозившие взорваться в любой момент.

Созвали международный наблюдательный совет во главе с одним из лучших специалистов по архитектуре XX века Жан-Луи Коэном, пригласили в качестве ведущего эксперта Тапани Мустонена – финна, одного из лучших специалистов по реставрации авангарда межвоенного периода. Он совсем недавно помог возродить к жизни шедевр Алвара Аалто 1930-х годов – библиотеку в Выборге. Главный принцип Т. Мустонена как реставратора – слушать памятник, больше времени проводить непосредственно в нем, тогда он сам поделится своими секретами.

Мы сформировали международную команду экспертов, подали заявку и, наряду с 11 зданиями XX века по всей планете, выиграли грант на проект исследования памятника перед реставрацией. Наш подход очень прост – прежде чем лечить больного, необходимо провести все необходимые тесты и поставить диагноз.

Проект является международным и по финансированию, и по участникам. Российский партнер музея по сохранению Дома Мельникова – Группа компаний «ПИК» – дала средства на проведение обследования геологии. Мы решили начать не с самого дома, а с условий, в которых он находится, с участка земли, на котором он расположен. Безжалостное коммерческое строительство с двухэтажными подземными паркингами в последние 20 лет вокруг дома изменили ситуацию. Было много спекуляций на тему того, что изменился уровень подземных вод, что дом подтапливается и проседает. Да и риск карстовых пустот в центре Москвы никто не отменял. Но ни геодезический мониторинг, ни глубокие скважины, ни электродинамическое зондирование, ни другие современные методы исследований,

Фото: Денис Есаков

использованные геологами прошлой зимой, не подтвердили опасений. Подземные воды находятся достаточно глубоко, и их уровень не вырос за последние десятилетия. А высокоточные наблюдения за двадцатью с лишним маркерами на стенах дома показали равномерную осадку в пределах не более 1 мм за пять с лишним лет: осадочные явления от активных строек вокруг, закончившихся в 2013 году, угасли.

Подземные открытия

Это позволило команде экспертов вздохнуть с облегчением и перейти к работе непосредственно с самим домом. Когда были отрыты три шурфа непосредственно у фундаментов здания, то выяснилось: и бутовые камни, и скрепляющий их раствор находятся в почти идеальном состоянии, фундаменты сухие, крепкие. Само качество работ в 1927 году было высоким, и это понятно: строили-то для себя. И тут первое открытие – глубины фундаментов всюду разные. Даже в периметре одного цилиндра от 2,40 до 3,50 м! Мельников, который был в одном лице и заказчик, и архитектор, и инженер, и инвестор, экономил каждый рубль и каждую копейку. Не идя на компромиссы по важным вопросам, он был гибок в своих решениях и часто импровизировал, буквально «по месту».

Еще одно подземное открытие ждало нас чуть позже, в самом доме. Под помещением туалета на первом этаже обнаружили стену предшествующего здания XIX века. Она играет важнейшую конструктивную роль, принимая часть нагрузок с «колечек» мельниковского фундамента. Теперь мы можем утверждать, что и метафорически, и буквально архитектура Константина Мельникова базируется на фундаменте прежней русской архитектуры. Он никогда не противопоставлял старое и новое, написав однажды: «Классика и модерн – две архитектурные клячи». В этом его принципиальное отличие от современников (и оппонентов) – конструктивистов, работавших с чистого листа, отрицавших прошлое, изобретавших, как средневековые алхимики, десятки новых строительных материалов – ксилолит, камышит, фибролит.

Традиции и авангард

Мельников же использует абсолютно традиционные стройматериалы: кирпич, дерево, стекло, штукатурку (бетона в доме практически нет), меловые краски на натуральных пигментах, но добивается инженерных решений на пределе возможного и неповторимой минималистичной архитектурной формы, невероятных сочетаний цвета и света. Десятиметровые в диаметре цилиндры без балок и колонн, двенадцатиметровые стены, в которых почти в два раза меньше кирпича, чем в привычной нам кирпичной стене, – разве это не магия?

Самое время вспомнить и согласиться со словами еще одного из творческих оппонентов – Ле Корбюзье: «Большое искусство создается малыми средствами». Это авангард, но выросший из традиционной строительной культуры прежней России: он практически полностью построен по нормам «Урочного положения графа де Рошефора», основного строительного стандарта России XIX – начала XX веков. И сам Мельников вырос из деревенской, глубоко православной духовной культуры. Он получил отличное «олдскульное» образование художника и архитектора с 1905 по 1917 год. Не случайно он оптимально расположил дом на участке не только с точки зрения инсоляции, но и с точки зрения красивых видов на городские доминаты того времени: три церкви – Николы в Плотниках, Спаса на Песках и колокольню Ивана Великого в Кремле.

> Дом Мельникова – это авангард, но выросший из традиционной строительной культуры прежней России

Для него в архитектуре была важна функция, но в первую очередь архитектура – это красота, искусство.

Вот лишь один из многочисленных примеров разгадки мельниковского подхода: почему в доме, наряду со знаменитыми шестиугольными окнами (их 62!), существует только одно восьмиугольное, на глухой западной стене гостиной? Было и раньше известно, что через него проникали лучи закатного солнца, создавая особый световой эффект.

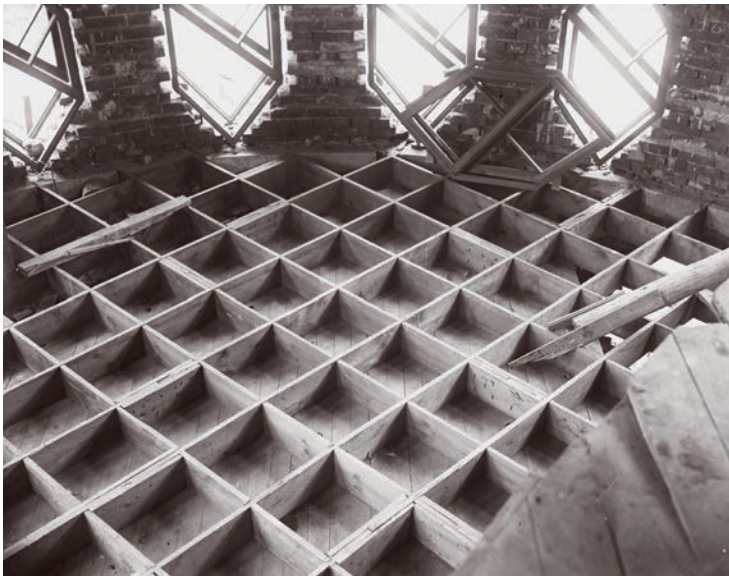
Но только в ходе нынешнего обследования наш эксперт по архитектурной колористике 1920-х годов Мариэль Польман (Нидерланды), проанализировав стратиграфию окраски, обратила внимание, что, хотя сейчас рама окна, как и все остальные, белая, изначально была коричневой. Потому что, по сути, она была не оконной рамой, а рамой для своеобразной «картины» – вида на церковь Николы в Плотниках. И чтобы не перечеркивать этот вид своей знаменитой диагональю шестиугольного окна, ставшего символом дома в Кривоарбатском, Мельников

срезал верхний и нижний углы и поставил в него вертикальную планку. Она идеально делила вид на колокольню слева и основной объем церкви справа. Из-за этого оконный проем стал восьмигранным.

Возвращаясь к конструкциям и материалам, дом вышел экономным по финансам, но хорошо продуманным и просчитанным. Об этом мы можем судить по дневникам архитектора, точнее, по страницам отрывных календарей 1927–1929 годов, обратную сторону которых автор дома использовал для кратких записей о прошедшем дне. Ранее эти календари не только не публиковались, но и об их существовании вообще не было известно! Мы обнаружили их в ходе музеефикации дома и описи его мемориальной обстановки совсем незадолго до начала предреставрационного обследования. Специалисты музея расшифровали их и предоставили инженерам и реставраторам. Эти записи позволяют отследить детали истории проектирования и строительства дома буквально по дням и очень помогают современным специалистам понять логику решений Мельникова-инженера и Мельникова-архитектора.

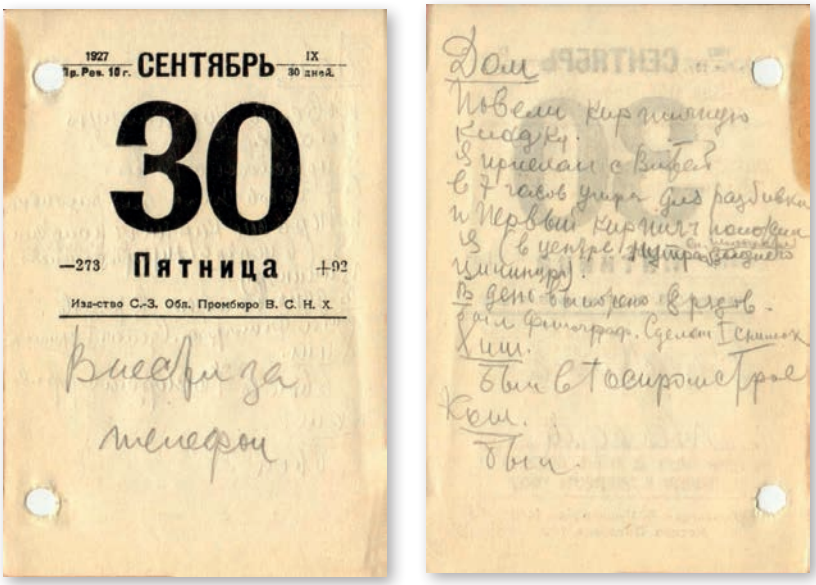
«Умный» дом: версия Константина Мельникова

Следом за геологами и геодезистами в Кривоарбатский переулок пришли инженеры-конструкторы, технологи, микологи, специалисты по сетям и даже теплотехники; они методично и последовательно обследовали все три этажа, террасу и подвал. Опытный глаз технологов позволил обнаружить фрагменты оригинальной окраски стен лестницы, столовой и гостиной, которых никогда не касались ремонты и перекраски. Работа в доме шла в постоянном контакте с сотрудниками музея и главным экспертом



по документальным исследованиям по проекту фонда Гетти, историком архитектуры Татьяной Царевой. То есть архивные данные сразу шли в дело, а не были, как это часто бывает, формальной исторической справкой, живущей своей жизнью.

Несколько недель стены дома были опутаны проводами тепловых датчиков, шла съемка тепловизором, измерялись скорость, влажность и температура воздушных потоков – строилась модель отопления. Удалось сделать современные расчеты теплового баланса дома и сравнить с расчетами самого К. Мельникова. Удивительно, насколько просто, но точно он их сделал, они практически совпали с высокоточными измерениями наших дней! За счет «тепловых аккумуляторов» в заложенных в ходе строительства конструктивных шестиугольных проемах (сыпучей песчано-глинистой смеси с большим содержанием воздуха между частицами) и «умной» системы воздушного отопления дом, говоря современным языком, энергоэффективен и требует почти в два раза меньше тепла по сравнению с типовыми советскими квартирами. Сейчас он получает от города избыточное неконтроли-



Вверху: межэтажные перекрытия, разработанные К. Мельниковым, – мембраны из дюймового теса, поставленного на ребро.

Внизу: отрывной календарь за 1927 год, сохранивший записи К. Мельникова о ходе строительства дома.

Из архива Дома Мельникова

руемое количество тепла зимой, что ведет к перегреву и порче музейных предметов, отделки интерьеров и деревянных конструкций. Отказ от брутальной подачи тепла в дом с сохранением авторской системы воздушных отопительных каналов – важнейший инженерный проект на ближайшие годы.

Дом Мельникова не только архитектурная икона, но и невероятный строительный и инженерный объект. Невероятный в своей простоте и низкой технологичности, сочетающейся с хорошо продуманными, со-масштабными человеку связями (звуковыми, зрительными) внутри дома. Российские специалисты смогли проследить эволюцию водопровода, вентиляции и даже «воздушного телефона» – системы коммуникаций внутри и вне здания. Пришлось даже заняться «археологией модернизма» – в палисаднике перед домом были обнаружены остатки труб линии оригинального «воздушного телефона», соединявшей первый этаж с уличной входной калиткой в переулке – прообраз современных домофонов. Теперь мы знаем его точную трассировку.

Всего специалистами было сделано более 50 вскрытий и зондажей (примерно тридцать внутри здания и двадцать по фасадам). Это была бережная, ювелирная работа, которая не нанесла ущерба нашему 90-летнему «пациенту». Буквально над каждым гвоздем, который предстояло вынуть, собирался целый консилиум, чтобы не повредить деревянные полы. Теперь у нас есть полная информация о действительном состоянии дел.

Свежие новости из 1929 года

Важнейшей частью обследования стала работа с межэтажными перекрытиями, придуманными К. Мельниковым, – мембранами из дюймового теса, поставленного на ребро. Важная подробность: в 1928–1929 годах строители (и Мельников вместе с ними) шли внутри дома снизу вверх и в процессе работы учились. Поэтому перекрытия на верхнем этаже в мастерской оказались в наилучшем состоянии – хорошо изолированы от гниения «хвосты» досок, соприкасающиеся с внешними кирпичными стенами, эффективная звуко- и теплоизоляция в ячейках мембраны. Увы, перекрытие под спальней на втором этаже в значительно худшей форме и требует серьезной вычинки и консервации.

Одно из открытий: в мастерской в каждой ячейке мельниковской мембраны, помимо легкого и пористого «пирога» изолятора (опилок, пропитанных известковым молочком), сверху были обнаружены аккуратно сложенные в несколько слоев листы газет того времени. Мы смогли прочитать свежие новости мая 1929 года – о параде физкультурников на Красной площади, о Максиме Горьком, недавно вернувшемся из эмиграции, о только что подписанном торговом договоре с Эстонией... Версия технологов – Мельников использовал листы газет как гигроскопичный материал, оттягивающий влагу из деревянных конструкций наподобие мешочков с силиконом, которые в наше время кладутся в коробки с обувью.

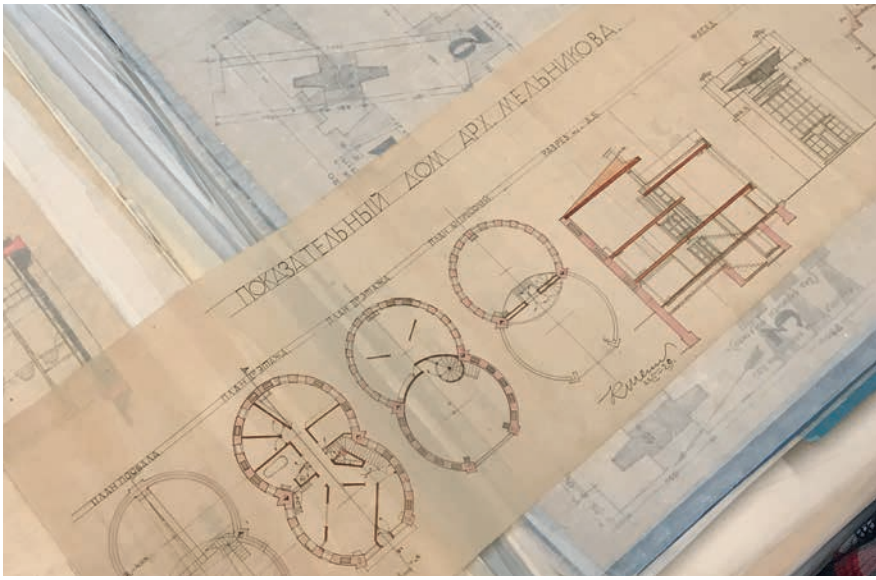
> Проблемы дома нужно решать постепенно, без спешки и штурмовщины

Неотъемлемая часть любого обследования перед реставрацией – работа с архивами и документами. В нашем случае это особая история. Музей как заказчик стал еще и активным участником, предоставляя весь спектр исторических источников, хранящихся в доме. Это и фотографии, и даже живопись, и художественная графика разных лет авторства

Фото: Денис Есаков

Константина Мельникова или его сына – художника Виктора. Из нее опытный глаз реставратора может «считать» многое – от цвета стен до трассировки дорожек вокруг дома и устройства сада-огорода. А ведь восемь соток вокруг дома – это на самом деле музей под открытым небом, который мы шаг за шагом воссоздаем как неотъемлемую часть памятника. Но, повторимся, главное открытие – календари архитектора, о которых шла речь выше.

Стоит сказать о нашем концептуальном подходе к обследованию, которое близится к завершению. Это первый подлинно научный проект в истории памятника, интегрировавший в себе все составляющие: и технические, и архитектурные, и мемориальные. Мы рассматриваем дом как цельный, живой, хрупкий организм, а не только отдельные аспекты его устройства и функционирования. Именно таким его проектировал архитектор К.С. Мельников.



Финальный проект дома 1929 года. Из архива Дома Мельникова. Фото П. Кузнецова

Хотя, строго говоря, это еще не финал обследования. Например, по архитектурным цветам и окраскам интерьеров мы предполагаем сделать отдельный исследовательский проект, история с ними сложная и интересная, возможно, нас еще ждут новые открытия.

Что дальше?

Все – согласно охранному обязательству и здравому смыслу. В будущем году предстоит разработка проекта консервации – музей готов поставить памятник тому, кто возьмется и примет этот сложнейший вызов и ответственность. Предстоит ликвидировать последствия ошибочных решений 1990-х годов, а главное – решить те проблемы (прежде всего, с вычинкой и сохранением оригинальных межэтажных плит-мембран), которые нужно было решать еще четверть века назад, в период предыдущих работ. При этом сохранив всю подлинную штукатурную и красочную отделку, являющуюся по сути настенной живописью, своего рода фресками.

Над детальными выводами и рекомендациями работают специалисты, но в одном мы уже точно уверены – с конструктивной точки зрения (несущие стены, фундаменты) здание находится в неплохой форме и непосредственных угроз для него нет. С другой стороны, мы идентифицировали «проблемные зоны»: подгнивший брус витража, ослабленные межэтажные перекрытия под спальней, конфликт между цементной штукатуркой фасада поздних ремонтов и оригинальными кирпичными стенами, которым она не дает полноценно «дышать», и другие. Но все это хотя и важные, но все же локальные проблемы, которые нужно решать постепенно, без спешки и штурмовщины. Мы предполагаем, что консервационные и ремонтные работы продлятся не один год. Часть из них будет проходить на глазах у посетителей, естественно, с соблюдением всех мер безопасности, поскольку музей не планирует закрывать дом для посещения на этот период.

Стоит закончить этот далеко не полный обзор формулировкой философии нашего подхода. Нашего – не только музейного, но и всей команды российских и зарубежных специалистов.

Приоритетом для музея как заказчика и непосредственного участника обследования является сохранение не только первоначального дизайна, но и подлинных материалов. Даже с учетом потерь на протяжении всего XX века, на сегодня мы оцениваем уровень аутентичности дома в 80–90 %! То есть не реставрация как замена, воссоздание и обновление, а консервация как сохранение памятника и связанной с ним памяти с уважением ко всем слоям его 90-летней истории.

Одновременно с этим мы уже начали долгую и непростую работу по включению дома в Кривоарбатском в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Есть полный консенсус среди специалистов по истории архитектуры, что он этого заслуживает. Но все же это не самоцель, а средство сохранения уникального памятника архитектуры, истинно русского по духу и мирового по значению.

Феликс Разумовский: «Границы России там, где кончаются святость и святыня»

Пространство как национальный способ богопознания

Что такое русское пространство? Где его границы? Как мы распоряжаемся этим щедрым даром и как он на нас влияет? Об этом и многом другом «Охраняется государством» беседует с публицистом, телеведущим Феликсом Разумовским.

– Феликс Вельевич, еще в школе все мы слышали: Советский Союз, да и нынешняя Россия – крупнейшая страна мира. Как вы считаете, это закономерность или игра исторического случая? Национальным кодом заложено владение такой большой территорией или просто некому было нам поставить заслон в этом углу Евразии?

– Желающих распространиться вширь было всегда много. У японцев не очень комфортная среда для проживания и цивилизация древняя – могли бы перешагнуть через пролив, но не перешагнули. А для нас не то что пролив – океан, в общем-то, ерунда. В 1812 году у нас Бонапарт в Москве, а мы в Калифорнии крепость Форт-Росс строим. Между тем Алеутские острова уже освоены, на главном острове Кадьяк построен деревянный Воскресенский собор, который сохранился до сих пор. И до сих пор действует...

То есть речь идет об особом национальном даре. А раз о даре, то и о призвании, поручении. И, конечно, о неизбежных в таком случае испытаниях. Надо быть достойным своего высокого призвания, к которому нация долго и основательно приуготовляется. По нашей истории хорошо видно, как происходило это приуготовление. Ведь недаром первый попавший в национальный пантеон исторический свод называется не «История государства Российского», а «Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля». Историки до сих пор спорят о том, как появилось это понятие – «Русская земля». До полной ясности тут еще далеко. Но есть вещи несомненные. Наши предки не назвали свою землю славянской или киевской. Не так ли? Тем самым они не захотели подчеркивать ни какое-то определенное этническое начало, ни название главного города. Понятие «Русская земля» позволило объединить жителей разных городов и представителей разных этносов. (Как известно, на Восточно-Европейской равнине жили не только славяне.) К тому же славяне сюда именно пришли, с запада. И помимо Киева тут было множество других городов.

Русская земля объединила все. И всех! Всех, кто ценил, дорожил этим могучим пространством, обживал, украшал его. Эти реки, леса, поля... Совершенно очевидно, что земля – прежде всего категория пространственная. Однако это пространство не только, так сказать, физическое, но и духовное, и эмоциональное, и культурное. И, может быть, прежде всего культурное. Иначе говоря, мы – люди, собравшиеся на земле, вокруг земли, мы взаимодействовали с этим пространством больше тысячи лет, мы его умели защитить и приумножить. Это, конечно же, не слепой случай, это наша судьба.

– Но ведь так про любой народ можно сказать...

– Ну, это едва ли. Вот я сейчас довольно много занимаюсь Сибирью. Громадное, ни с чем не сравнимое пространство было освоено русскими землепроходцами в XVII веке. Поразительный факт! За 60 лет русские люди смогли пройти от Урала до мыса Дежнева на берегу Великого океана без вертолетов, карт, навигаторов и вездеходов. Продвигались они в основном по рекам, из одной водной системы в другую. И при этом сталкивались с необходимостью иметь проводников. Обращались к местному населению, мол, расскажите, покажите, как добраться до «новыя землицы». И чаще всего – это зафиксировано в донесениях в Сибирский приказ – им отвечали: «Мы так далеко не ходим». То есть это не составляло жизненной традиции местных людей, они к такому не привыкли. Ореол жизнедеятельности остяков, вогулов, самоедов был небольшой. А главное – их отношение к пространству совершенно иное.

То же самое в Западной Европе, там свое жизнеустройство и, как следствие, своя цивилизация. В этой цивилизации пространство не имеет такого фундаментального жизнестроительного значения. Это у нас, как сказал Бердяев, в основе всего «мистика земли». А у западноевропейских народов – «мистика крови», то есть родовое, этническое начало.

Разумеется, это разделяет, противопоставляет и, в конечном счете, разрушает. Механизм любой западноевропейской колонизации – это именно разрушение. В России даже в имперский период не могло возникнуть предприятие, подобное британской Ост-Индской компании. Хотя такие проекты у нас появились и сулили громадные дивиденды. Но подобные проекты шли вразрез с нашей культурной топикой, с образом Русской земли. Мы не могли «закатывать в асфальт» коренных жителей, своих братьев. Тогда как, к примеру, для немецкой колонизации подобная практика весьма характерна. Когда-то немцы пришли в район Прибалтики, и через некоторое время от жившего там балтийского племени пруссов остался только топоним.

Совершенно иначе Россия «приросла Сибирью». На сибирских просторах и по сию пору живут коренные народы, которые порой состоят из нескольких тысяч человек. Сохраняется язык, никто резервации здесь не устраивал и за скальпами не охотился...

Так что с пространством все более чем серьезно.

Например, не удалось создать Великую Польшу. Хотя после батыева разгрома Руси у поляков были все возможности освоить западнорусские земли. Но в ответ на польскую колонизацию там поднимается волна народного протеста. Мы эту историю знаем хотя бы по «Тарасу Бульбе» Гоголя: о ненавистных ляхах, украинском казачестве, Запорожской сечи. И нескончаемой войне, «русской силе» и «Русской земле». Тут о каком-то ином, польском освоении пространства говорить не приходится. У поляков, очевидно, нет этого дара (разумеется, есть другие, но это уже иная тема). В таких случаях остается рассчитывать только на силу и использовать политические средства – как правило, весьма ненадежные. Как видим, с пространством надо уметь работать, не каждая цивилизация имеет необходимые инструменты. Мы умеем, точнее, умели.

– Слово «дар» вызывает вопросы. Ведь зачастую наше расширение в пространстве происходило как будто само собой. Иван Грозный не ставил цель присоединить Сибирь к 1584 году, а к нему приходят казаки и говорят: «Царь-батюшка, не вели казнить, она твоя». Боярская дума или Земский собор не ставили задачу за 60 лет колонизовать Сибирь и выйти к Тихому океану. Что, нам наше пространство само в руки упало?

– Это обманчивое впечатление. Про «упавшую с неба Сибирь» написал Карамзин, имея в виду царя и «государство Российское». Ведь почин в освоении Сибири (Западной, т.н. Передней Сибири) принадлежал казакам, русскому народному началу. Но на следующем этапе «подключилось» государство. Это нисколько не отменяет вольное народное движение, однако государственная сила и государственный порядок имели в этой эпопее наиважнейшее значение. Без государства не было бы сибирских городов (острогов), не было бы системы управления во главе с сибирскими воеводами, не было бы специально снаряжаемых экспедиций и т.д. и т.п. И продовольствие в северные остроги, в тот же Березов и Мангазею, завозилось по государственным распоряжениям.

Другое дело, что если бы не было русского человека, обладавшего нашим великим даром освоения пространства, то и Сибирь невозможно было бы осваивать. Ни в XVI, ни в XVII веке, ни в более поздние времена. Русская культура с ее пространственной доминантой воспитала русских землепроходцев. Эти люди не терялись в громадном пространстве. Обладая поистине удивительным стремлением к бесконечному и абсолютному, они шли вперед, в неведомую даль. И там, в этой дали, за 7000 верст от давно обжитых русских мест, они помнили и несли в себе образ стольного града Москвы, образ русского царя, великого православного Государя, и идею Русской земли. И, конечно, православную веру и мирочувствие.

Об этом следует сказать особо. Потому что если брать языческую традицию, то язычника пространство пугает. И он пытается отгородиться от внешнего мира. В чем когда-то, судя по летописям, преуспели наши предки вятичи.

Освоение пространства связано с феноменальной открытостью.

– Где же в таком случае границы России, чем они определяются?

– Если говорить коротко – там, где кончаются святость и святыня. Безблагодатное пространство к Русской земле не относится. Но там, где есть живая вера и красота, – это Русская земля. Вне зависимости от политической принадлежности. Здесь геополитическую тему вообще нужно оставить в стороне. Есть известные духовные русские стихи, в которых спрашивается: что является главным городом Руси, какая на Руси главная река – и все эти объекты оказываются на Святой земле, то есть в Палестине. Стало быть, главный русский город – Иерусалим, главная русская река – Иордан, а гора – Фавор.

– Есть такая теория, что у всех государств есть естественные пределы, за которые заходить бесполезно и даже опасно. Мы пытались освоить Аляску, Калифорнию, Гавайские острова и другие заморские территории – не смогли. Перешли за Карпаты –заплатили через полвека отпадением Украины и т.п. Такие пределы есть?

– Здесь мы переходим от историко-культурной проблематики, от идеалов и ценностей к реальности, в том числе политической реальности. К той же геополитике. Конечно, в каждую историческую эпоху состояние Русского мира и цивилизации разное. Бывают времена, когда русский мужик может дойти до мыса Дежнева – собственно, именем этого мужика мыс и назван. А бывает, как у персонажа чеховского «Иванова», которому, как известно, «до порога дойти тяжело». В XIX веке это еще первые симптомы, а теперь, в начале XXI века, – род национального недуга. Тут о даре и национальном призвании говорить не приходится, и наша основа – собственно, главное, что у нас есть, Русская земля – пребывает в постыдном небрежении. Ныне мы осваиваем лондоны, парижи и нью-йорки, только это, конечно, не освоение, а бегство. От себя в первую очередь. Такое «пространственное развитие страны» иначе как бесплодным не назовешь.

> «Где есть живая вера и красота – это Русская земля. Независимо от политической принадлежности»

Совсем иной опыт обрели мы на рубеже XVIII–XIX веков в далекой Аляске. Там у нас не все пошло гладко... И тем не менее главный православный святой Америки сегодня – русский человек, преподобный Герман Аляскинский. И алеутов мы приобщили к православию. До сих пор на каждой воскресной службе они читают по-русски молитву «Отче наш», хотя языка уже почти не понимают. Значит, вопреки всему, что-то важное осталось.

Казачий острог в Сибири. Опираясь на такие крепости, Россия освоила огромные пространства

Кроме того, осталась святыня под названием Еловый остров, где подвизался преподобный Герман. Вот и получается, что, бросая Аляску, мы оставили на произвол судьбы наши святыни и святость, оставили частицу Русской земли, что для русского человека непозволительно.

Политики-либералы, принимавшие в разные времена решения по принципу «удобно – неудобно», «можем или не можем удержать», действовали, как банальные прагматики. Сначала было решено, что для освоения Аляски достаточно коммерческого предприятия под названием «Российско-американская компания». Это Екатерина Вторая как мудрый правитель в последний момент решила послать туда духовную миссию, в составе которой и был отец Герман. И вот едешь в наши дни по Аляске – и деревянные храмы стоят, и служба в них идет.

– Оставим геополитику и обратимся к Сергею Соловьеву с его знаменитой первой главой «Природа Русской государственной области и ее влияние на историю», где он доказывал первичность географического фактора в истории. Согласны ли вы, что география определяет национальный характер и ход истории?

– Думаю, здесь телега ставится впереди лошади. Сначала все же идеи и образы, воспитание национального духа, формирование культуры. Потом обретение дара, осознание призвания. Мы ж не сразу стали такими бескрайними. Мы жили на Днепре и Волхове. Но уже новгородские «ребята» дошли до Югорской земли, то есть Западной Сибири. Русский Север осваивался в основном в раннемосковский период русскими пустынножителями. Это знаменитая Русская Фиваида, великое созвездие монастырей.

В XVII веке Московское царство создает грандиозный оборонительный пояс – Засечную черту и превращает южную степь в русское срединное пространство. Тогда же разворачивается сибирская эпопея... К тому времени с момента появления «Повести временных лет» прошло ни много ни мало полтысячелетия. По-моему, все более чем наглядно. Ход истории определяло наше призвание, но никак не наоборот.

Пространство Русской земли осваивалось постепенно, шаг за шагом. На каждом этапе появлялись свои особые формы и способы превращения природного окружения в окультуренное очеловеченное пространство. Русский Север осваивался совсем не так, как южные степные и лесостепные районы. И если представить, что Киев и Новгород заселены французами (точнее, их предками), то едва ли здесь появилась бы столь обширная страна, едва ли французы поладили бы с татарами, отбились от ливонцев и шведов и отправились бороздить просторы Сибири. До Урала, может быть, они б и дошли, но не дальше. Просто у них другой дар, другое призвание и другие возможности.

> «Освоение пространства связано с феноменальной открытостью»

– В образе пространства заложен наш культурный код или мы его сами создаем?

– Есть такая поговорка: «Красота в глазах смотрящего». То есть все от человека – и образы, и культурный код, и особенности национального ландшафта. Очень рано в нашу судьбу вошло понимание того, что красота видимого мира дана человеку не для праздного взгляда, не для чувственного удовольствия, но для духовного устроения.

Здесь мы подошли к самому важному вопросу нашей темы – особенностям русского богопознания. В России долгое время не было богословия, книжного богословия, как на Западе. Это потому что у нас было свое, другое – пространственное богословие. Созерцая природу, мир – мир как Божье творение – русский человек мог возвышаться до познания Творца. На этом фундаменте стоит все здание русской культуры.

Много времени спустя, на рубеже XIX–XX веков, художник Левитан почувствовал и гениально выразил русское пространствопонимание с помощью языка пейзажной живописи. Образы его главных «философских» картин, прежде всего «Владимирки» и «Над вечным покоем», построены на русской традиции восприятия духовных понятий в ландшафтных формах. Земля, небо, поле, дорога, озеро – все в пейзаже обретает символический духовный смысл. Созерцание пейзажа становилось «умозрением», или, иначе, духовным размышлением о вещах неизреченных, которые трудно, а подчас и невозможно выразить словом, – о Боге и человеке, жизни и смерти.

В наше время замечательный исследователь древнерусской культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев писал об этой традиции и назвал ее «пейзажным мышлением». Поэт Иван Бунин

сумел сказать об этом очень просто, буквально в нескольких строках:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

На самом деле это давняя библейская традиция. В поэтических книгах Ветхого Завета можно встретить множество образов природы: образы неба, солнца, земли, древа... И я более чем уверен, что недаром древнерусский мастер поместил изображение царя Давида на храме Покрова на Нерли – первом покровском храме на Руси, храме XII века. Потому что русский человек смотрит на природу, на всю Русскую землю глазами псалмопевца – царя Давида. Многие псалмы на Руси были широко известны, их знали наизусть, ведь по псалтири в те времена учили читать. Особо отметим знаменитый 103-й псалом. Может быть, это самое лучшее и значительное из того, что написано человеком о природе: «Как многочисленны дела твои, Господи, – поет псалмопевец, – земля полна произведений твоих». То есть мир – это Божье творение. Мир прекрасен. Тот, кто созерцает красоту природы, приближается к познанию Творца.

Теперь понятно, каким духовным и культурным багажом обладали устроители Русской земли. Понятно, откуда этот пространственный размах и, как следствие, беспредельность и величие России. Обладая таким мирочувствием, можно дойти до мыса Дежнева. И даже дальше.

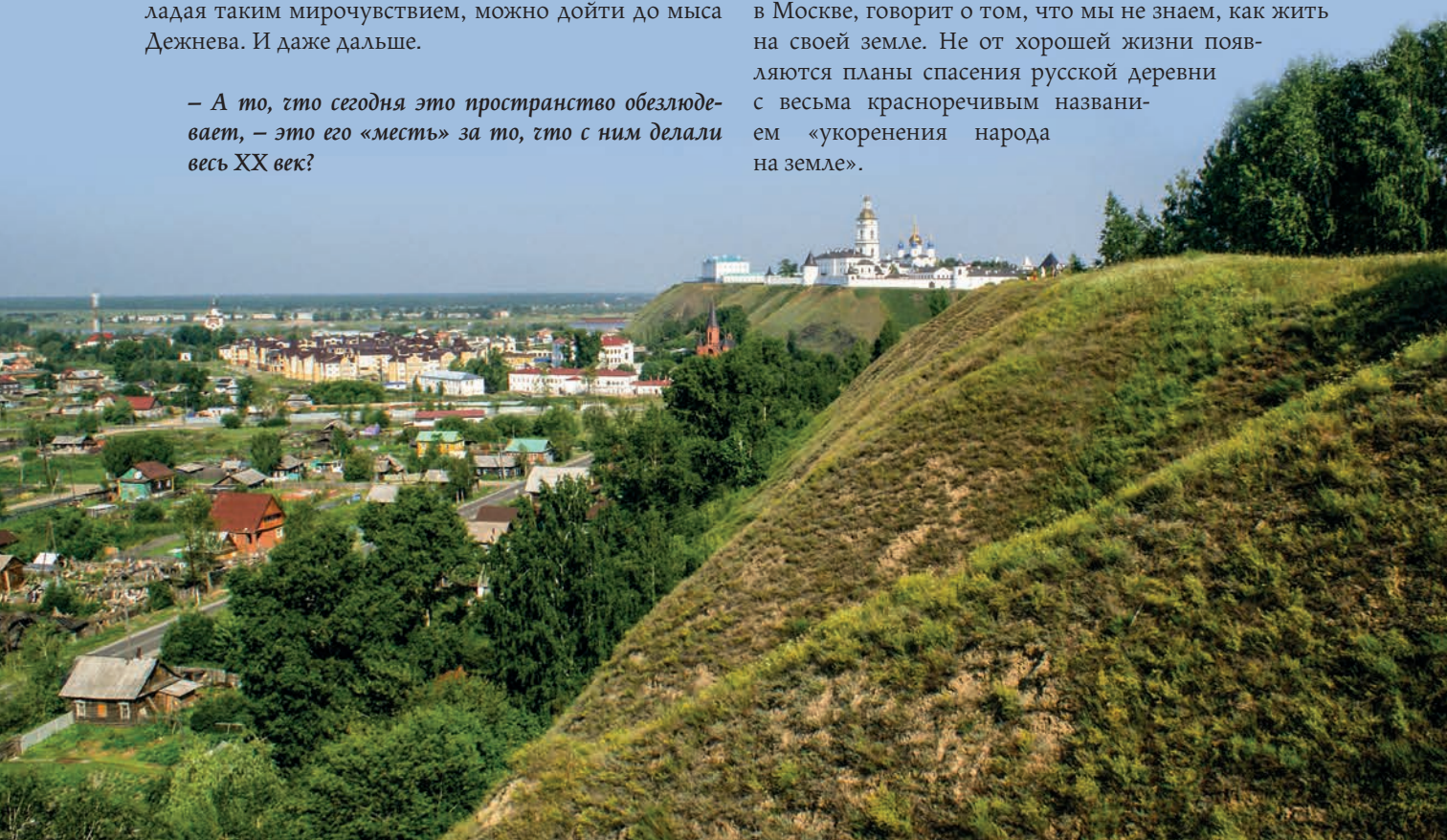
– А то, что сегодня это пространство обезлюдевает, – это его «месть» за то, что с ним делали весь XX век?

– Мы не только опустошили русское пространство, осквернили его святыни. Прежде всего, мы опустошили себя. Тогда как пространство – слепок человека. Я сейчас много ездил по Сибири и сделал вот какое наблюдение. Сколь неприятным, отталкивающим образом выглядят в наши дни советские «голубые города» типа Лесосибирска. Ободранные пятиэтажки создают удручающее зрелище, вокруг трубы на подпорках, из них клочьями торчит утеплитель – абсолютный Солярис. А совсем рядом расположен старый русский город Енисейск. Да, и его основательно искромсали в советское время. Но когда попадаешь в него после Лесосибирска, то такое ощущение, словно вышел из какого-то узилища на свободу.

Вот вам два различных способа освоения пространства: красота и человечность русского города и удручающее, мертвенное однообразие советских «голубых городов». О затянувшейся экономической стагнации и отсутствии перспектив экономического роста мы не говорим, это только усугубляет внешне неприглядную безрадостную картину.

– Многие считают, что вообще на большей части нашей страны жить невозможно. Почему мы так распределены на нашей земле – огромные пустующие земли и 19 мегаполисов? Километрах в 80 от Москвы начинаются населенные пункты, на картах помеченные знаком «нежил.».

– То, что уже десятая часть россиян живет в Москве, говорит о том, что мы не знаем, как жить на своей земле. Не от хорошей жизни появляются планы спасения русской деревни с весьма красноречивым названием «укоренения народа на земле».



Вообще, о «развитии территорий» сегодня говорится много. Есть «либеральный рецепт», призывающий неведомым образом избавиться от своего пространственного проклятья, ограничиться территорией «Московского княжества» и в результате зажить, как в Швейцарии. Что тут скажешь. За подобными откровениями стоит, прежде всего, феноменальное невежество. В сущности, это все та же наша смердяковщина, или, по-другому, отступничество – продолжение большевистской истории.

Тем временем мы неуклонно приближаемся к поистине трагическому рубежу. Исчезает, умирает Русская земля. Остается территория. В советские годы, как ни странно, русские исторические ландшафты деградировали гораздо медленнее. Потому что худо-бедно повсеместно поддерживалась хозяйственная деятельность: пашню пахали, коров гоняли, луга косили. В любой советской столовой можно было смело вешать картину Левитана «Золотая осень». Подобный пейзаж еще сохранялся практически в каждой деревне, даже в так называемых неперспективных.

Слов нет, утрат было много, разрушение национального сознания приобретало катастрофический характер. Нация стремительно теряла свою идентичность. Но пейзаж еще жил, деревня жила, точнее, существовала после всех потрясений XX века. 90-е годы обернулись катастрофой. На громадных пространствах русской равнины остановилась жизнь. Мы бросили свою землю. И Русский Север, и Центральную Россию... Все бросили. Деревень в районе Спасского-Лутовинова, которые описаны в «Записках охотника», больше нет. Ни одной.

В качестве нелепого оправдания этого позорного «обвала» явились теории, что, мол, не надо косить в районе Великого Новгорода и уж тем более на реке Пинеге, а косить и пахать имеет смысл в Краснодарском крае. Ну и еще где-то на юге. Эта абсолютно безобразная, преступная экономическая философия застала русского человека безоружным, беспомощным. Он так долго не слышал ничего, кроме пустых партийных реляций по поводу «аграрно-промышленной политики», его так долго отучали от любых форм самодеятельности и самоорганизации, что он впал в анабиоз.

– Но это же его выбор – не косить. Он не хочет там жить, уезжает.

– Этому выбору способствуют, его оправдывают и одобряют. И потому нация не может осознать масштаб бедствия. Тогда как происходящее имеет последствия едва ли не худшие, чем разорение батыева времени.

Обратите внимание: та катастрофа была своевременно отрефлексирована, появилось «Слово о погибели Русской земли», еще один ярчайший памятник нашей национальной культуры. Сегодня это в высшей степени поучительный текст. Судите сами. Конец 1238 года, может быть, немного позднее. По русской равнине прокатился вал монгольского нашествия. И неизвестный нам современник пишет о том, о чем скорбит его сердце. Без чего он не мыслит своего существования: «О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями...» Вот главный ресурс. Основа национальной жизни! Увы, сегодня он таковым не является и не осознается.

– Но образ земли неразрывно связан с тем, есть там жизнь или нет. Жизнь может вернуться на покинутую землю? Или же мы сможем ее сохранить только в искусственных музейных резервациях?

– Если мы хотим остаться в истории и продолжить жить как нация, нам придется найти ключ к национальному возрождению. На пепелище, на разоренной Русской земле, в таком состоянии, как сейчас, мы существовать не сможем. Отгородиться от окружающего пространства безобразными заборами из профнастила не получится. От себя не уйдешь. С порушенным, угасающим национальным сознанием мы и дальше будем бесплодны.

Эта беда пришла на нашу землю не сегодня. Андрей Платонов в «Котловане» (1930) безошибочно поставил диагноз: «Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое или ища укромной доли для угрюмого покоя. Но родина ему была безвестной, и он опускал вниз затихшие глаза». Эти страшные слова – «родина была ему безвестной» – объясняют все. Ему – герою повести Елисею, крестьянину, между прочим, русскому крестьянину!

Но если «Родина безвестна» крестьянину, родившемуся до «великого перелома», что же тогда говорить о нас с вами? Россия теперь «безвестна» всем. Нам, жителям городов, деревень; простым людям и людям, принимающим важные решения... Наконец, страна «безвестна» власти. Ни у кого из нас нет верного и точного представления о своей стране. И потому нет у нас общего отечества, и гибнет на глазах Русская земля не от нашествия врагов-иноплеменников, а от нашего собственного небрежения. И даже музейные резервации не могут сохранить исторические ландшафты. Пример Савкиной горки в Пушкинских горах и заречного карьера в Поленове, пример Соловков с новым музеем на Святом озере слишком хорошо известны. Кризис идентичности, о котором было сказано в известной речи на Валдайском форуме, парализовал наш великий дар и сделал нашу жизнь скудной и безрадостной.

> «Прежде всего, мы опустошили себя. Тогда как пространство – слепок человека»

Если вы спросите, с чего начать, как сделать первый шаг к опамятованию, к собиранию себя, то я бы предложил открыть текст старинного русского документа середины XVI века, т.н. «Стоглава», и затем прочитать и осмыслить самое начало: «Некто мудрый сказал: прекрасно утром является солнце, ибо оно свет. Тьма им отгоняется, луна уходит, и ночи нет... И если зримое солнце такую силу света имеет, то насколько же сильнее духовное солнце. Зримое солнце, освящая земной мир, влагу земную иссушает, духовное же солнце, являющееся нам, много делает в душе: иссушает влагу страстей и всякую нечистоту, душу от них очищает и землю души удобряет».

Другого пути у нас нет, прежде всего, придется привести в порядок «землю души».

Беседовали
Евгения Твардовская, Константин Михайлов
Фото: Феликс Разумовский,
Евгения Твардовская, Александр Ракитин

Чукотский полуостров. За 60 лет русские землепроходцы вышли к крайней северо-восточной точке Евразии

Проектирование будущего

Александр Ракитин,

историк, руководитель Православного историко-культурного общества

Традиционно историк работает с документами – историческими источниками, археолог – с предметами, найденными в земле, литературовед – с текстом, но всем им необходимо пространство. Невозможно изучать Отечественную войну 1812 года, не побывав в местах главных сражений – на Бородинском поле, в Малоярославце и Тарутине, или исследовать творчество Гоголя, не увидев просторы Полтавщины, Диканьку, Миргород, Нежин.

Больше всего – пространство, ибо оно вмещает все.
Фалес Милетский

Археологи и так почти всегда «в поле», но и им не помешает познакомиться с ландшафтами, на которых разбросан изучаемый материал. Это касается всех гуманитарных наук. Пространство не просто исторический источник, но, что особенно важно, носитель другого рода информации. Информации ментальной, которая помогает чувствовать историю, передает «дух времени», погружает в событие. Примеров тому масса. Хотите почувствовать противостояние русского и западного миров? Вам прямая дорога в Ивангород, русскую средневековую крепость на границе с Ливонией. Где с противоположного берега Наровы на нее «как в зеркало» смотрит другая крепость – города Нарвы с башней святого Германа. Здесь до сих пор граница, самая восточная точка, до которой дотянулся Евросоюз. Пространство русского заканчивается резко – рекою, название которой намекает то ли на крепостной ров, то ли на разорванные в середине XVI века отношения с Ливонией.

Иное ощущение пространства, когда путешествуешь на запад от Москвы по Смоленской дороге в историческую Литву и Речь Посполитую. Здесь русское тает постепенно, видимые изменения начинаются от Смоленска; буквально в 30 км от города рядом с Рудней в селе Любавичи стоит грандиозный «костел» в духе виленского барокко – бывший собор василианского (униатского) монастыря. Напротив василианской базилики высятся железные заборы частных владений с баннерами на иврите. Ко всему прочему, Любавичи – место рождения особого религиозного движения в иудаизме – хасидизма. Когда-то здесь находилась крупнейшая еврейская община Витебской губернии, об этом напоминает еще один необычный памятник – жертвам фашизма – на месте массовых расстрелов евреев. С одной стороны, плотность нового в Любавичах очевидна, с другой стороны, характер нового другой, нежели в Нарве. Западная Русь значительно отличалась от Московской Руси, но все же оставалась частью русского пространства. Да, эта территория вошла в состав соседних государств, но сохранила этническую и религиозную (православную) общность и поэтому осталась частью русского мира.

Об этом свидетельствует соседний крупный город – Витебск, губернский центр Российской империи и столица древнерусского удельного княжества. На берегу Западной Двины соседствуют домонгольская церковь Благовещения (XII век) и огромный базиликальный храм Успения (воссоздан в 2000-е годы). На этом же берегу дом генерал-губернатора, в котором остановился в 1812 году Наполеон. В 2012 году, когда отмечали 200-летие Отечественной войны, я читал краеведческие лекции о местах, которые миновал Бонапарт, двигаясь к Москве. Цель была следующая – попробовать увидеть Россию глазами солдат и офицеров Великой армии, ощутить, как для них открывалось русское пространство. А первоначально перед глазами оккупантов были Вильно, Полоцк и Витебск, которые формально (внешне) не сильно отличались от барочных городов восточной Польши. Они не увидели здесь русского пространства, скорее наоборот – увидели близкое им западное, утратили бдительность и в результате поплатились.

> Самое интересное – наблюдать за продвижением русского пространства, за освоением нового мира

Кроме внешних, есть внутренние границы русского, они не менее важны для исследователя. Границы между племенными расселениями и удельными княжествами, между губерниями и епархиями. От Ростова Великого до Ярославля всего 60 километров, но их архитектура в рамках одного стиля (русского узорочья), одной епархии (Ростовской митрополии) и власти одного архиерея (митрополита Ионы Сысоевича) различна существенно. Монументальные соборные о пяти главах и пяти столпах храмы Ярославля не похожи на ростовские сказочные церковки. Распространение той или иной архитектуры определялось границами уездов – Ростовского и Ярославского. То же касается, например, Тотьмы.

Но самое интересное – наблюдать за продвижением русского пространства, за освоением нового, запредельного мира. Движение это было в основном в восточном направлении – на Каму, за Камень, в Сибирь. В Чердыни есть место – Вятское городище, оттуда открывается панорама иного, загорнего мира. Чердынь, когда-то воеводский город, держит восточную границу Русского государства. Отсюда начинались в XV–XVI веках походы русских в Сибирь, за пушным зверем.

Похожее чувствуешь на противоположной стороне Урала, в Верхотурье. Крепость поставлена на каменный выступ у реки Туры и развернута в сторону большего мира, метрополии – Москвы. Верхотурский кремль так же, как и крепость Чердыни, держит оборону, отсюда начиналась официальная (но не единственная) дорога в Европейскую часть страны – Бабиновская. Верхотурье – ее восточный конец. В русском пространстве нужно разбираться, изучать его, наблюдать, как и почему оно меняется, где его пределы, внутренние границы. Сохраняя памятники архитектуры, природные достопримечательности, историческую среду, ландшафты, мы сохраняем пространство – не только важнейший источник знаний о прошлом, но и основу для проектирования будущего.

Ирина Кравец: «Для пространственного развития страны нужен каркас точек активности»

И. о. руководителя Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры – о приоритетах и мотивациях

Реставрация стен и башен Окольного города во Пскове

– Ирина Владимировна, каковы сегодня основные приоритеты деятельности Агентства?

– АУИПИК – это учреждение, созданное в целях эффективного управления памятниками истории и культуры. За ним закреплено на праве оперативного управления 489 объектов культурного наследия, которые находятся в федеральной собственности. Объекты вводятся в хозяйственный оборот приоритетным образом через аренду. Арендатор берет обязательства по сохранению объекта: разработка проектной документации, экспертиза, проведение работ; и, конечно, по дальнейшему использованию. Агентство жестко контролирует исполнение обязательств и сроки по всем работам.

Второй приоритет – реставрация объектов, которые пока по различным причинам не обрели арендатора. Возможности госбюджета, как известно, ограничены. Поэтому средства, которые Агентство получает от арендных платежей, оно направляет на реставрацию таких объектов. В 2018 году заканчивается реставрация объектов в Москве на Комсомольском проспекте, в Кирове, во Владивостоке. Идет реставрация городской усадьбы на Большой Никитской в Москве, а также консервационные и противоаварийные работы на иных объектах.

– АУИПИК – одно из двух учреждений во всей России, работающих по федеральной программе сдачи в аренду объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии, по льготной ставке «1 рубль в год». Расскажите об этом опыте.

– Да, сейчас по этой программе в соответствии с постановлением Правительства РФ № 966 Агентством передано в аренду 8 объектов культурного наследия (в составе 13 объектов недвижимости). Пока ни один из арендаторов еще не завершил полностью работы по сохранению объекта, но трое из них уже досрочно закончили проектирование.

Программа весьма перспективна в силу ее инвестиционной привлекательности. Начальная ставка аукциона всего 1 рубль, для участия нужна небольшая сумма в виде залога (как правило, 1–1,5 % от кадастровой стоимости). Таким образом, «порог входа» максимально снижен, что удобно субъектам малого предпринимательства и обычным гражданам. Максимальный срок аренды – 49 лет. В настоящее время объявлены конкурсные процедуры по 12 объектам культурного наследия. Информация о них есть на официальном сайте АУИПИК.

– В чем для вас главная специфика понятия «управление объектами культурного наследия»?

– Есть три аспекта. Первый – экономический. Понятно, что экономика объектов наследия сложнее, больше затраты на содержание, дороже ремонтно-реставрационные работы со всеми составляющими: проект, экспертиза, осуществление работ только организациями, имеющими лицензии, технический и авторский надзор.

Второй аспект – регулятивный. Соблюдение всех ограничений, связанных с предметом охраны, в том числе в процессе использования.

Третий аспект кажется мне основным, хотя он, скорее, философский. Некоторые инвесторы сначала говорят: «О, какой интересный объект с точки зрения инвестиций. Расположение интересное, объект небольшой, затраты небольшие». Когда начинают заниматься реставрацией, слышишь: «Это же сложно, это же дорого, зачем я с этим связался?»

Проходит еще какое-то время, человек погружается в работу с проектировщиком, ему требуется узнать историю дома, понять, как он был задуман, почему сконструирован именно так. Через полгода он говорит: «Да, я понимаю, что потратил чуть больше денег, что я чуть дольше делал, чем ожидал, но я так влюбился в этот дом... Я уже не хочу сдавать его в аренду, у меня здесь будет офис или даже собственный дом...» Ощущение того, что ты своими руками, своими средствами возродил историю, настолько меняет мировоззрение, что инвестор продолжает работу с памятниками, он приходит за следующим объектом. В Иркутске я знаю три таких случая. В Москве есть объект в Денежном переулке, арендаторы его отреставрировали и открыли в нем иммерсивный театр. Они с такой любовью об этом памятнике говорят, что становится ясно, что подходят они к нему не только с точки зрения экономики.

Внешний вид (вверху) и интерьер отреставрированного памятника архитектуры в Денежном переулке в Москве

– Возможно, мы эти неэкономические факторы не научились оценивать. Все то, что наследие дает людям эмоционально, статусно...

– В Дании есть Институт счастья. Они проводят исследования на тему: что дает человеку возможность чувствовать себя счастливым. И это совершенно не экономические параметры. Чувство общности, чувство причастности к чему-то значимому, большому, великому, чувство созидательного процесса. Как раз то, что могут дать, наверное, объекты культурного наследия.

– Много говорится о том, что надо встроить наследие в стратегию пространственного развития России, что возрождение памятников может стать драйвером экономического развития регионов, городов. Это реально или просто лозунг?

– Это не лозунг. Любой отреставрированный памятник – это точка активности, опорная точка. Как только эта активность начинает существовать, вокруг среда преображается.

Какая должна быть у этого процесса государственная поддержка? Если мы говорим, что для пространственного развития страны у нас должен быть каркас таких точек активности, давайте думать, что нужно сделать, чтобы эти каркасы создать. Потому что для инвесторов, для бизнеса, работающего с наследием, сейчас не так уж много вариантов поддержки.

Во всяком случае, их недостаточно для того, чтобы говорить в целом об участии культурного наследия в пространственном развитии страны. Нужно понимать, например, какие меры предусмотрены по поддержке исторических поселений, тогда мы сможем говорить о связанных с наследием кластерах, населенных пунктах, территориях.

В Минкультуры России сейчас впервые разрабатывается национальный проект «Культура». Надеюсь, он заложит и приоритеты для наследия как драйвера экономического, социального, культурного развития. Это, наверное, очень важный шаг, который выносит сферу наследия в поле политического управления, в определение национальных приоритетов. Я думаю, что после

этого станет возможно существенное изменение ситуации.

– Заканчивается Год волонтера, по инициативе ВООПИК на базе АУИПИК создан Центр информационной поддержки добровольцев в сфере сохранения наследия. Каковы предварительные итоги этой работы?

– Когда мы говорим о национальных приоритетах, очень важно, чтобы они стали частью менталитета людей. Популяризация объектов культурного наследия может быть связана именно с поддержкой волонтерских движений.

Что такое волонтерство? Это не только субботники, это формирование сообщества людей, которые неравнодушны к наследию, которые могут объединиться и сделать для него что-то полезное.

Информационный центр поддержки волонтерских движений в сфере наследия создан. Эта деятельность должна в следующем году перейти на системный уровень уже как часть национального проекта, на пятилетний период. Через эту деятельность будут формироваться общности, команды, возможно, профессиональные группы. Вопрос – что эти группы через пять лет предложат государству? Количество должно перейти в качество.

Если таких людей, которые осознают значимость культурного наследия для страны, станет в сто раз, в миллион раз больше – наверное, они предложат актуальную повестку: что должны государство и общество предпринять, чтобы сохранить все то достояние, которое мы имеем.

Приведу простой пример. Недавно я была в Пскове, в том числе на крепостных башнях Окольного города XVI века. Это очень сложные красивейшие сооружения. Часть объектов были отреставрированы за счет средств, выделенных Министерством культуры РФ.

> «Волонтерство – это создание среды людей, неравнодушных к наследию»

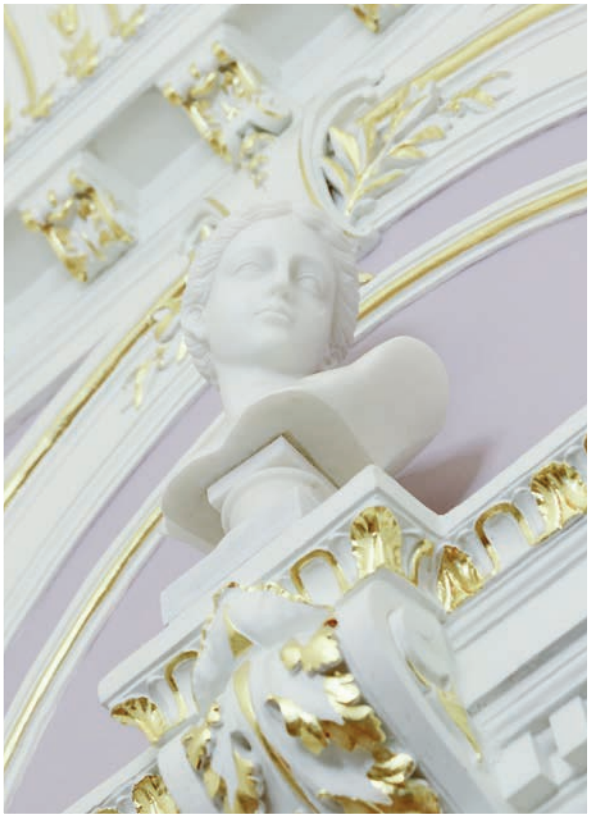
Но, поскольку не создана соответствующая инфраструктура, те же лавочки, урны, точки общепита – нет возможности гулять, смотреть на памятник, наслаждаться атмосферой, посещать мероприятия в нем, устраивать фотосессии... Для кого мы, собственно, делаем реставрацию: только для памятников или все-таки и для людей?

И если нацпроектом будет определено, что надо заниматься не только процессом сохранения памятников, но и в целом формированием среды, интереса к этой отрасли, то это, наверное, более правильный подход. Посмотрим лет через пять.

Беседовали
Константин Михайлов, Олег Фочкин

Международный волонтерский кампус ВООПИК в Донском монастыре (Москва)

Усадьба Рассказово. Новая жизнь



20–21 октября 2018 года в городе Рассказово Тамбовской области был праздник: усадьба Асеевых открыла свои двери для всех желающих, приняв сотни гостей.

Особняк фабриканта Василия Тихоновича Асеева, построенный в 1902–1906 гг. по проекту знаменитого Льва Кекушева, задумывался как небольшой дворец в классическо-модернистском стиле.

С 1950-х годов здесь размещалась школа, потом детский сад. После 1991 года усадьба в Рассказове оказалась бесхозной. За последующие 20 лет часть богатейшего внутреннего убранства была безвозвратно утрачена.

В 2011 году государство нашло деньги на спасение уникального памятника. На реставрацию ушло четыре года. Затратив немалые бюджетные средства, удалось восстановить прочность несущих конструкций здания, вернуть многим комнатам и залам их изначальный вид и назначение, восстановить росписи в интерьерах.

Однако в 2011 году, когда создавался проект реставрации памятника, не ставилась задача найти усадьбе нового собственника. Предполагалось, что объект «сам» найдет инвестора или арендатора. Поэтому после завершения реставрации в 2015 году перед Агенством по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК), в оперативном распоряжении которого находилась усадьба, встал вопрос – что делать с этим активом? Планов было много: передать усадьбу в аренду с последующей организацией базы конного туризма, яхт-клуба, гостиницы, ресторана – или просто сдавать дворец под свадьбы, корпоративы и конференции. Но в небольшом районном центре не было инвесторов. Коммерческое использование усадьбы Асеевых привело бы к тому, что доступ туда для местных жителей и туристов стал бы как минимум ограничен.

В Тамбове находится другая усадьба Асеевых, с очень похожей историей. Но за одним исключением. В 2009 году началась реставрация. И здесь решение о дальнейшем использовании особняка было принято быстро. 27 сентября 2014 года министр культуры РФ Владимир Мединский торжественно передал усадьбу региональным властям под «Историко-культурный музейный комплекс “Усадьба Асеевых“». В тот же день она открылась для посетителей.

А вот в Рассказове за три года, что прошли с момента завершения реставрации – без эксплуатации, без отопления – уникальный дворец Асеевых вновь начал разрушаться. Ситуацию взял под личный контроль министр культуры, который несколько раз инспектировал объект. Была организована рабочая встреча Владимира Мединского и губернатора Тамбовской области Александра Никитина. Результатом стало обращение губернатора в адрес федеральных властей: передать усадьбу в пользование Тамбовской области для создания нового музея. Министр дал указание АУИПИК максимально оперативно рассмотреть вопрос. В итоге, получив согласования Минкультуры РФ и Росимущества, 3 сентября 2018 года АУИПИК передало объект «Бывшая усадьба фабриканта Асеева: дом усадебный» в безвозмездное и бессрочное пользование Тамбовскому областному государственному автономному учреждению культуры «Историко-культурный музейный комплекс “Усадьба Асеевых“». Таким образом, благодаря совместным усилиям руководства Минкультуры России, АУИПИК и Тамбовской области, а также Российского военно-исторического общества, жителям тамбовской земли и всей России вновь стал доступен прекрасный образец русского искусства и архитектуры начала XX века. Государству удалось не только спасти уникальную усадьбу от разрушения, но и найти ей достойного нового пользователя.

Этот позитивный результат, без сомнения, достигнут благодаря принципиальному подходу Минкультуры РФ к сохранению объектов культурного наследия: ситуаций, что реставрация проведена, а пользователя нет - не должно возникать в принципе. Министерство за последние годы осуществило реставрацию, после чего безвозмездно передало сотни зданий под музеи, культурные и общественные организации и образовательные учреждения.

В 2013 отреставрирована крыша в доме Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. В 2014 году сотни тысяч экспонатов Литературного музея переехали в бывшие палаты мецената Саввы Морозова. Тогда же закончилась реставрация усадьбы Г.Р. Державина в Петербурге. В 2015 году в Архангельском переулке в Москве отреставрированы палаты XVII века, где впоследствии разместился «Росконцерт». В 2016 году в Москве завершилась реставрация усадьбы Тургеневых - Боткиных, в здании которой сейчас располагается Музей военной формы одежды. В 2017 году в Смоленске была отреставрирована часть стены вместе с Громовой башней, внутри которой открыт новый музей. В том же году на ВДНХ в Москве отреставрированы два павильона, один из которых отдан под Музей кино. А сколько спасено за эти годы уникальных храмов, переданных затем в пользование Церкви! Только в рамках ФЦП «Культура России» (2012–2018) отреставрировано более 250 объектов.

Алексей Соколов, историк-культуролог

Четыре четверти русского

Московские дороги отмечают половины часа, а не полные часы

Рустам Рахматуллин

Столица приходит в устроенный мир, чтобы переустроить его.

Мир до Москвы был устроен иначе.

Долгота и широта Москвы делят Русь и Россию на четверти. У московского мира нет севера, востока, юга и запада.

Есть Юго-Запад – верхнеокский, приднепровский, южно-балтийский и причерноморский.

Северо-Запад – верхневолжский и северобалтийский.

Северо-Восток, текущий в Волгу от Шексны до Камы и в Ледовитый океан по обе стороны Урала.

Юго-Восток – средне- и нижнеокский, донской и нижневолжский, кавказский и южносибирский.

Двенадцать

Четыре доли мира сообщаются с Москвой двенадцатью дорогами. Точнее, по двенадцати дорожным направлениям. Не в том шутейном смысле, что в России нет дорог, есть направления. А в том, что версии дорог одной направленности, от древнейших до новейших, от заросших просек до коммерческих дублеров, не идут в счет.

Среди двенадцати нет ни строго северного, ни восточного, ни южного, ни западного направления, коль скоро нет таких долей в московском мире. Удобно совместить компасный круг с кругом часов – так навигаторы по солнцу определяют направление и время разом, – чтобы видеть: московские дороги отмечают половины часа, а не полные часы. Лучше сказать, их градусные отклонения удерживаются в пределах часа, или 30-градусного сектора.

Четыре доли мира сообщаются с Москвой двенадцатью дорогами

Северо-Восток есть область первого, второго, третьего часов. Это дороги Ярославская, Стромынская (она же Щелковская) и Нижегородская (Владимирка).

Часы Юго-Востока размечены дорогами Егорьевской (Касимовской), Рязанской и Каширской (Донской).

На Юго-Запад едут Симферопольской (Серпуховской), Калужской (либо Киевской) и Минской (Можайской) дорогами.

Северо-Запад достигается по Рижской (Волоколамской), Петербургской и Дмитровской дорогам.

ЧЕТВЕРТЬ ПЕРВАЯ. СЕВЕРО-ВОСТОК

Ополье

Ополье не корчевка, а природная открытость. Не культурный, а естественный пейзаж. Заброшенное поле в нем не делается лесом, словно ждет, что человек опомнится и возвратится на бразду.

Лес близко, стоит по Нерли. Он виден сразу против Кидекши – суздальской резиденции Юрия Долгорукого. Стрела едва не долетает до его чернеющих в разрывах темной зелени ворот. Он начинается как собственный, домашний, и не кончается уже. Ополье есть предполье этой сизой крепости, вдох воздуха перед ее воротами. Не перед задыханием, а перед сменой способа дыхания.

Ополье растворяет ширь и высь, окормлено церквями часто, по нескольку в окне пейзажа. Впрочем, у пейзажа нет окна, кроме кулисы зрения. Но и она раздвинута, поддернута в углах. Светило, помогая себе легким газом облаков, в нечаянном порядке зажигает белые и отжигает темные столпы церквей. Словно сигнальный телеграф уносит весть за горизонт. Небесная игра ставится без утайки, целиком, до окоема сферы, по всей поверхности спокойного волнения хлебных и отдыхающих полей.

Церквей так много потому, что много было хлеба, крестьянский кошт достаточнее барского. Нет деревень, все села.

Иван Аксаков, сосланный за критику Берлинского конгресса в усадьбу Тютчевых Варварино под Юрьевом, нашел себя поэтом, огласителем Ополья:

...По гибким скатам желтых нив
Бродящей тени перелив
И рощей сумрак отдаленный...
Виднеют села... Здесь и там
Сверкает крест, белеет храм...

Гороховец. «Максимум красоты в отсутствие большой истории знаменует близость рая»

Это не любой, а именно польской пейзаж. Различать ландшафты русской поэзии так же важно, как различать ландшафты русской равнины. Для больших пространств нужна оптика малых различий.

Уже древний хронист дает пейзаж сражения 1216 года на Липицком поле. Чтобы найти в Ополье поле, надо оградить его: «Оплетено бо бе место то плетнем и насовано колья...». Чтобы найти в Ополье горы, надо их прозвать: «Есть гора, словет Авдова: ту поставиша Юрьи и Ярослав свои полки, а Мстислав и Костянтин на другой горе, еже словет Юрьева гора; а ручей посреде горы тоя: имя ему Тунег». Это Мстислав Удалой, «не имевший совместника в битве», идет с горы распорядиться владимирским столом.

В Ополье и в его городах – а Владимир, Суздаль, Переславль, Ростов и Юрьев суть его города – москвич сдает культурное старейшинство. Опознает в себе обходчика насованных кольев. Деревянного сторожа белокаменных городов. «Замосковное» пространство поместилось в домосковском времени. Времени, помнящем Москву, которая, однако, в нем себя не помнит.

«Грачи прилетели» А.К. Саврасова. Церковь села Молвитина – образ русского Северо-Востока

Подмосковные поля поэтому не богатырские, даже Бородино. Понять, как делается богатырским юрьевское поле. Как ворона обратится вороном, скирда – походной вежей, складка воздуха – Мстиславом Удалым.

Испуг истории

Большая история, как смена войн и катаклизмов, покидает Ростово-Суздальскую землю раньше других долей. Равноудаленность от внешних угроз – еще одно ее определение.

Татарская угроза устранена со взятием Казани. Внешний Запад пришел сюда однажды, в Смуту, и немного задержался после Смуты – с «лисовчиками», польскими лихими людьми. В нашествие Наполеона Ярославская, Стромынская, Нижегородская дороги, да еще Рязанская, стали путями эвакуации Москвы.

Уход большой истории снимал угрозу красоте и полноте культуры. Ростово-суздальская четверть насыщена произведениями древности как мирный, а не просто древний и богатый край. Сравнить, к примеру, со Смоленщиной, Черниговщиной, Новгородчиной.

К слову, туристический проект «Золотого кольца» охватывал одну ростово-суздальскую землю и при этом замосковную, то есть не тронутую оккупацией и боевыми действиями.

Лишь революционный вандализм прошел по всем частям страны, свидетельствуя: революция была вторжением большой истории, подобным иностранному вторжению. Но Северо-Восток особенно противился и вандализму. Уцелевший Суздаль есть максимум культуры по уходе большой истории.

Другой подобный город Северо-Востока – Гороховец. Его вершина, Пужалова гора, хранит предание о всаднике, явившемся над нею в час татарского нашествия. Татары испугались небесного видения и отступили; потому гора Пужалова. Это была казанская угроза, с ней исчезла, «испужалась» военная история. Явилась красота XVII века: три каменных монастыря, семь каменных палат, собор и городские церкви, а позже – деревянные хоромы модерна, продолжающие старую сказку. И все в незабываемом пейзаже. Наверное, тайное имя Гороховца – Пужалов.

Максимум красоты в отсутствие большой истории знаменует близость рая.

Иван Сусанин

Изгнание истории неявно торжествуется в предании о подвиге Сусанина.

Не видевшие Костромской земли могут решить, что вражеский отряд искал пути в болотистом краю. Однако враг ходил по Галицкой возвышенности,

на высоких и сухих горах. Пейзаж казался твердым. Враг не ждал болота. Оно единственное здесь. Вид на него с горы есть вид округлой лесисто-рыжей котловины, дно которой скрыто. Скорее, высохшее озеро. В этом озере леса, Исуповском болоте, Сусанин утопил историю. Привел к концу прорыв внешнего Юго-Запада на русский Северо-Восток.

Собственно, эта же земля, дугой от Нижнего до Ярославля, ополчается в защиту царства и Москвы. Нижегородец Минин находит суздальца Пожарского в лухском лесу, где тот залечивает раны. Сравнить с Черниговщиной и Рязанщиной, в минуту ставшими за самозванцев.

«Грачи прилетели»

В селе Молвитине, близ места подвига Сусанина, писал своих «Грачей» Саврасов. Саврасовская церковь занята теперь сусанинским музеем, переименовано в Сусанино само село.

В Исуповском болоте Сусанин утопил историю

Церковь взята Саврасовым предельно обобщенно: белые стены, пятиглавие, свеча шатровой колокольни. Гнезда грачей, березы и простор тоже не уникальны. Однако явлен образ Северо-Востока. И даже архетип – центральный образ, протообраз.

Рационально это не обосновать. Разве что от обратного, спросив, есть ли другой, сильнейший образ, достигающий архетипического и притом географического обобщения. Тогда к Саврасову приблизится Кустодиев, и тоже с костромским материалом.

Белая пятиглавая с шатровой колокольней церковь повторена в другом шедевре – «Московском дворике» Поленова. В ансамбле с деревянной городской усадьбой она являет архетип Москвы. Это наитие равно саврасовским «Грачам». Сродство церквей свидетельствует, что Москва есть часть (добавим: край и угол) Северо-Востока. Только отсутствие большой истории, запечатленное Саврасовым в сусанинских местах (если отсутствие можно запечатлеть), в поленовской Москве – мечта, воспоминание о невозможном.

ЧЕТВЕРТЬ ВТОРАЯ. СЕВЕРО-ЗАПАД

Балтика

Русский Северо-Запад обращен к морю спиной. Новгород, имея выход к Балтийскому морю, не основал Петербурга. Даже на выходе к Белому морю новгородцы отворачивались к озеру Онего, отделяя его балтийский сток от Беломорья административной межой метрополии.

Это был старый импульс варяжства – пиратской власти, пришедшей из-за моря и ставшей к морю спиной. Варяга, призванного володеть, интересует море суши, земли, богатой и обильной.

Так грек и римлянин, сойдя с триеры на краю приморской ойкумены, становились к ведомому морю спиной. Им предстояли чьи-то степь и горы, а не тоска по дому.

Новгородец, повернувшийся спиной к земле, становится помором. Тогда и там Северо-Запад переходит в Северо-Восток – Поморье, область океана. Помор есть обернувшийся варяг, то есть нисколько не варяг. Он должен овладеть не сушей – морем. Путь по морю для помора – Божий путь.

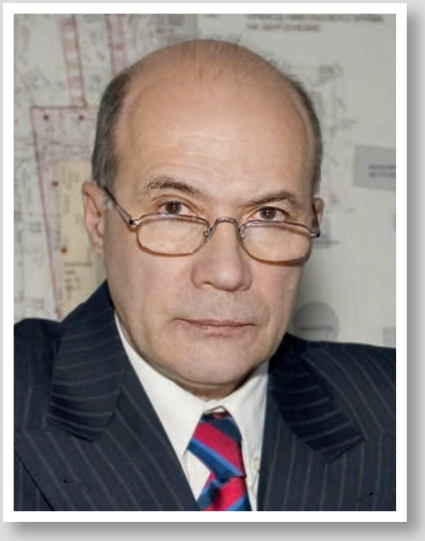
Когда царь Петр пытался развернуть Северо-Запад к морю, он мыслил, как помор. Как Северо-Восток, достигший моря-океана. Петр начинал как гений Северо-Востока – Архангельска и Новодвинска. Но Петербург, как прежде Новгород, становится спиной к земле с трудом. «Все флаги в гости будут к нам» важнее для него, чем наши флаги в гости к «ним».

Драма Петра: хотеть быть взглядом суши, обращенным к морю по-поморски, – и оказаться взглядом моря, обращенным к суше по-варяжски. Из человека Северо-Востока превратиться в человека Северо-Запада. В нового варяга.

Северо-Запад смотрит с моря. Устремленность его рек ко внутренним озерам важнее истечения его озер во внешнее море. Божий путь северо-западного человека лежит по морю суши.

Тексты Рустама Рахматуллина – фрагменты новой книги о России и ее пространстве, над которой работает автор.
Фото: Евгения Твардовская

Старая Ладога – древняя столица Русского Северо-Запада



Между городом и не-городом

Андрей Боков,

почетный президент Союза архитекторов России, народный архитектор РФ

Традиционно, с момента зарождения профессии архитектора в России, архитектура играет в пространственном развитии страны чрезвычайно серьезную роль. Архитекторы успешно справлялись с ролью «пространственных организаторов». Вспомним хотя бы «Комиссию о каменном строении…» Бецкого, которая в екатерининские времена осуществила масштабнейший проект по радикальному переустройству сотен городов. Архитекторы прошлого были теми, кто формировал российское пространство. Эта роль сохранялась и после революции 1917 года.

После революции единственным субъектом формирования национального пространства, окружающей среды было государство. Оно достаточно четко формулировало архитекторам задачи. Архитекторы, несомненно, принимали участие в этой процедуре. Иногда их слушали, иногда нет. Но в любом случае их влияние и роль чрезвычайно значимы.

Конечно, не нужно преувеличивать значимость профессии архитектора ни сегодня, ни тем более в прошлые времена. Собственно, профессиональный контроль распространялся на относительно незначительный объем всего строящегося в стране. Гигантское число прежде всего жилых домов до революции, а отчасти и до 1955 года, строилось без участия профессионалов. И сегодня в США и Западной Европе значительная доля строительных объектов делается без участия профессиональных архитекторов. Существуют весьма жесткие регламенты самого разного свойства, которые позволяют заниматься этим землемерам, инженерам, людям иных профессий.

Но тем не менее лидерами, решавшими наиболее сложные задачи, оставались архитекторы. Дома в центре городов, правительственные здания, крупные коммерческие учреждения создавались по проектам весьма квалифицированных профессионалов – и до революции, и после. Плоды их деятельности мы видим – это то, что называется «сталинской архитектурой», что построено в XIX веке, что существует в исторических городах.

Иначе не могло быть. Это был «имперский порядок» формирования среды. Даже в хрущевское время, когда формально основной фигурой стал строитель или инженер, роль архитектора не редуцировалась. Он оставался достаточно влиятельной фигурой. Генпланы советских городов и сами жилые дома все-таки делались с участием архитектора. Другое дело, что эта роль – роль человека, скорее обслуживающего интересы власти, чем человека свободной профессии, который может и вправе выбирать.

Сегодняшняя ситуация достаточно противоречива. Архитектор стал практически обслуживать интересы крупного бизнеса, который слился с властью. Все полномочия, принадлежавшие раньше строительному комплексу, сегодня полностью унаследованы крупным застройщиком в городах. Москва, конечно, являет собою несомненное исключение, потому что здесь роль власти более значима, чем за пределами города. По той простой причине, что бюджет столицы огромен, несопоставим с бюджетами других городов и регионов. Московская власть является, бесспорно, одним из главных заказчиков. И она сегодня диктует архитектору вместе с крупным застройщиком, что и как делать. Все программы реновации, все идеи создания крупных 25-этажных комплексов, концепция расширения тротуаров, программа «Московская улица» – это инициативы мэрии, которая опирается на огромные финансовые и административные ресурсы.

Архитектор в этой ситуации теряет, конечно, очень многое. Если сравнить, например, полномочия главного архитектора Москвы сегодня и тридцать лет назад, вы увидите, что нынешние полномочия едва ли не декоративны. К сожалению, немного зависит и от тех документов, которые создавались с участием архитекторов-градостроителей, которые занимаются планировкой городов, организацией пространства. Это прежде всего Генеральный план и Правила застройки и землепользования городов. Сегодня они не имеют того статуса, который подобные документы имели в советское время. Их роль, конечно, несопоставима с той, какую законы о зонировании играют сегодня в большинстве стран мира. Это, конечно, рискованное состояние. Лидерами процесса являются два сообщества – бизнес-сообщество крупных застройщиков и городские власти. И по этой модели сегодня обустраивается большинство российских городов.

> От тотального регулирования мы пришли к состоянию тотального произвола

Я думаю, что тот архитектурно-градостроительный хаос, в котором пребывают сегодня российские города, во многом является следствием отсутствия внятного порядка. Когда приезжают коллеги-иностранцы, первым делом они отмечают полное отсутствие какого бы то ни было эффективного регулирования. Это, конечно, удивительно, потому что сравнительно недавно, тридцать лет назад, регулирование было тотальным. И вот от тотального регулирования мы пришли к состоянию тотального произвола. Тотальный произвол, конечно, не предполагает сколь-либо серьезного влияния архитектора. Но я думаю, что это состояние не может быть вечным. Оно будет каким-то образом преодолеваться. Градостроительные документы и профессионалы будут, несомненно, востребованы.

Речь идет не только о городах, но и о российском пространстве. Значительная часть наших граждан живет не в городе. 30 процентов россиян живут в сельской местности, значительная часть наших сограждан связана с другими формами поселений. Это и дача, и малоэтажное строительство. Это другой образ жизни, который на городской совсем не похож. И это неплохо. Достаточно вспомнить, что 70 % американцев живут в своих собственных домах, в пригороде или за городом. Судьба российского пространства, российского ландшафта в большей части зависит именно от этих территорий. И я полагаю, что в недалеком будущем внимание архитекторов будет справедливо разделено между городом и не-городом.

Культурный ландшафт – хранитель исторической памяти

Его восприятие требует умения считывать историко-культурные коды

Юрий Веденин,
доктор географических наук, член Президиума ВООПИК

Есть множество определений культурного ландшафта.

Во-первых, культурный ландшафт рассматривается как результат «сотворчества» человека и природы, осуществляемого в процессе утилитарного, интеллектуального или духовного освоения пространства.

Во-вторых, это сложная территориальная система, в которой определяющую роль играет человек как носитель определенных культурных ценностей.

В-третьих, культурный ландшафт представляет особый текст, содержащий информацию о ценностях – хозяйственных, социальных, духовных, которые были заложены людьми в процессе формирования и развития ойкумены.

Культурный ландшафт и историческая память

Одной из важнейших функций культурного ландшафта является его особая роль в трансляции исторической памяти ойкумены.

Историческая память определяется нами как совокупность передаваемой из поколения в поколение информации об истории формирования и развития человечества и окружающей его среды.

Характерной чертой исторической памяти Земли является ее дискретность. Это обусловлено тем, что значительная часть информации теряется в процессе перехода от одного поколения к другому или остается непознанной. Это позволяет говорить о существовании скрытой и актуальной (открытой) исторической памяти, о переходе актуальной памяти в скрытую и обратно.

Очень важной для современного общества проблемой является отношение государственных и общественных институтов к исторической памяти. Не секрет, что на определенных этапах политического, социального и экономического развития в качестве актуальной, то есть востребованной, исторической памяти государство и общество начинают выделять определенные ее фрагменты, исходя из современных оценок происходивших в прошлом процессов. Для политической власти, установившейся в большевистской России, а затем в СССР, было выгодно перевести значительную часть исторической памяти из актуальной в скрытую. Отсюда стремление государства к ликвидации религиозных институтов, разрушению культовых сооружений, монументов, посвященных памяти видных государственных деятелей Российской империи. Желание стран Восточной Европы и бывших советских республик зачеркнуть некоторые страницы своей истории, связанные с коммунистическим прошлым, проявляется в разрушении напоминающих об этом времени монументов и памятных знаков, переименовании городов, улиц и площадей. Это проявляется и в отношении к памятникам советским воинам, погибшим во время Второй мировой войны. Об аналогичных проблемах, связанных с переоценкой истории, свидетельствует борьба с памятниками на приграничных территориях Западной Украины с Польшей, Венгрией и Румынией.

Такое же отношение к истории, к исторической памяти проявляется и тогда, когда хотят подчеркнуть вклад того или иного этноса в формирование среды обитания, показать преимущество одного этноса над другим, определить, кто был первым или являлся основным игроком при освоении и обустройстве тех или иных территорий. Об этом свидетельствует характер дискуссии, ведущейся по поводу Нагорного Карабаха, Абхазии, Крыма и т. д.

Культурный ландшафт как наследие

Наиболее значимая информация, имеющая особое значение для сохранения наивысших достижений мировой, национальной или региональной культуры, начинает восприниматься как информационно-культурный код, с помощью которого историческая память включается в современные процессы жизнедеятельности общества. Носители наиболее ценной исторической памяти рассматриваются обществом как объекты наследия.

Культурный ландшафт как объект наследия обладает рядом специфических свойств. Особый интерес представляют подлинность, историческая репрезентативность и документальность культурного ландшафта.

Фото: Олег Фоткин

Подлинность предполагает высокую степень сохранности носителей информационно-культурных кодов, сформировавшихся в процессе создания и развития данного объекта; значительную долю сбереженных в результате постоянного поддержания или консервации созданных или сохраненных нашими предками объектов, явлений или их элементов, фрагментов и даже следов от них; высокую степень сохранности исторических и традиционных функций ландшафта.

Историческая репрезентативность характеризует процесс формирования и развития ландшафта, его преемственность и дополнительность. Этот признак свидетельствует о высокой степени сохранности памяти об истории объекта, о действиях, связанных с необходимостью его постоянного поддержания, целенаправленной и последовательной деятельностью, направленной на его развитие. Это предполагает максимально полную представленность всех исторических слоев или природно-естественных стадий эволюции, свидетельствующих о процессах формирования и развития объекта, который впоследствии стал рассматриваться как наследие.

Документальность указывает на особую роль ландшафта в хранении и передаче от одного поколения к другому информации об историко-культурных и природных ценностях, объектах и явлениях, имеющей универсальное значение для человечества. В данном случае ландшафт выступает в форме документа, в котором в виде определенного текста закодирована память о предшествующих эпохах, представляющих ценность для будущих поколений. Это предполагает высокую степень изученности объектов наследия как носителей ценной в историческом, научном, художественном отношении информации. Д.С. Лихачев указывает не только на необходимость изучения наследия, но и на то, что его восприятие требует глубоких знаний и умения «считывать» соответствующие историко-культурные коды.

Деградация культурного ландшафта

В процессе формирования и развития культурного ландшафта происходят два диаметрально противоположных процесса. С одной стороны, значительная часть исторической памяти исчезает и оказывается невостребованной обществом. С другой стороны, общество стремится сохранить свою историческую память и даже расширить ее объемы и содержание.

Деградация культурного ландшафта – результат утраты исторической памяти. Потеря исторической памяти связана со многими процессами. Это происходит в результате гибели или деградации подлинных материальных объектов наследия. Аналогичный процесс происходит в результате замены подлинных исторических памятников на их копии или фантомы (здания «Военторга» и гостиницы «Москва» в столице России).

Серьезные проблемы, ведущие к потере исторической памяти, возникают в результате проведения исторических реконструкций и попыток вернуть сохранившемуся до наших дней объекту наследия облик, относящийся к более раннему времени. В связи с этим обычно освобождаются от более поздних наслоений, в том числе от капитальных строений, пристроек, изменений в планировочной структуре, которые возникли в течение длительного процесса формирования архитектурного памятника или исторического культурного ландшафта. И вместе с тем воссоздаются утраченные объекты – здания, малые архитектурные формы, аллеи, дорожная сеть и т.д. Ярким примером такого подхода являются работы по реконструкции Летнего сада.

К потере исторической памяти ведет и уничтожение или сокрытие письменных исторических документов, закрытие архивов, запрет на распространение ранее изданных книг или на доступ к произведениям искусства, относящимся к определенным периодам истории

или к творчеству художников, к которым в государстве неоднозначное отношение, ликвидация исторических «граффити» или надписей со стен реставрируемых памятников архитектуры. Это можно видеть на примере удаления следов ГУЛАГа в старинных храмах Соловецкого монастыря.

Наиболее ранимый пласт исторической памяти – это живая традиционная культура. Об этом свидетельствует гибель или деградация традиционных культурных ценностей в сельской России, в том числе фольклора, народных ремесел, традиционных технологий, исчезновение исторических функций городов, отдельных районов города. Эти потери особенно велики в случае депопуляции коренного сельского населения, когда исчезают не только нематериальные культурные ценности, но и материальные свидетельства уходящей культуры – сельские усадьбы, церкви и часовни, мельницы, амбары и бани, сельскохозяйственные угодья, кладбища и т. д.

Наиболее ранимый пласт исторической памяти – живая традиционная культура

Сохранение культурного ландшафта как объекта наследия

Культурный ландшафт как носитель исторической памяти не может быть сохранен без бережного отношения к расположенным на территории ландшафта подлинным объектам наследия и окружающей их среде. При этом имеется в виду сохранение не только самого объекта, но и патины времени как свидетельства длительной истории его существования. Подлинность объекта может быть сохранена только в контексте его взаимосвязи с естественной исторической средой. Нарушение этого принципа может быть проиллюстрировано на примере очистки стен Соловецкого монастыря от лишайников, наросших на камни в результате многолетнего процесса адаптации искусственного сооружения к природной среде. Попытка удалить лишайники с поверхности каменных строений монастыря ведет к нарушению установившегося баланса, способствующего сохранению этого объекта наследия.

Нередко при воссоздании утраченных памятников истории и культуры в качестве аргумента ссылаются на необходимость сохранения исторической памяти. Особенно часто эта проблема возникает в городских культурных ландшафтах. Так, например, в Москве с 1990-х годов началась кампания по восстановлению разрушенных в советское время храмов. Однако при этом, казалось бы, явно позитивном процессе был нарушен принцип исторической репрезентативности ландшафта. Город должен хранить память обо всех событиях, которые происходили в течение длительного времени его существования. Возникает вопрос, каким образом можно решать эту проблему? Построить копию утраченного храма или сохранить память об этом объекте через организацию на этом месте мемориала, посвященного истории этого места? В первом случае воссоздается исчезнувший памятник архитектуры, восстанавливается исторически достоверный визуальный облик города. Во втором случае сохраняется историческая память ландшафта, включающая всю историю этого места, причем связанную не только со снесенным в советское время храмом, но и с более отдаленными или более близкими событиями.

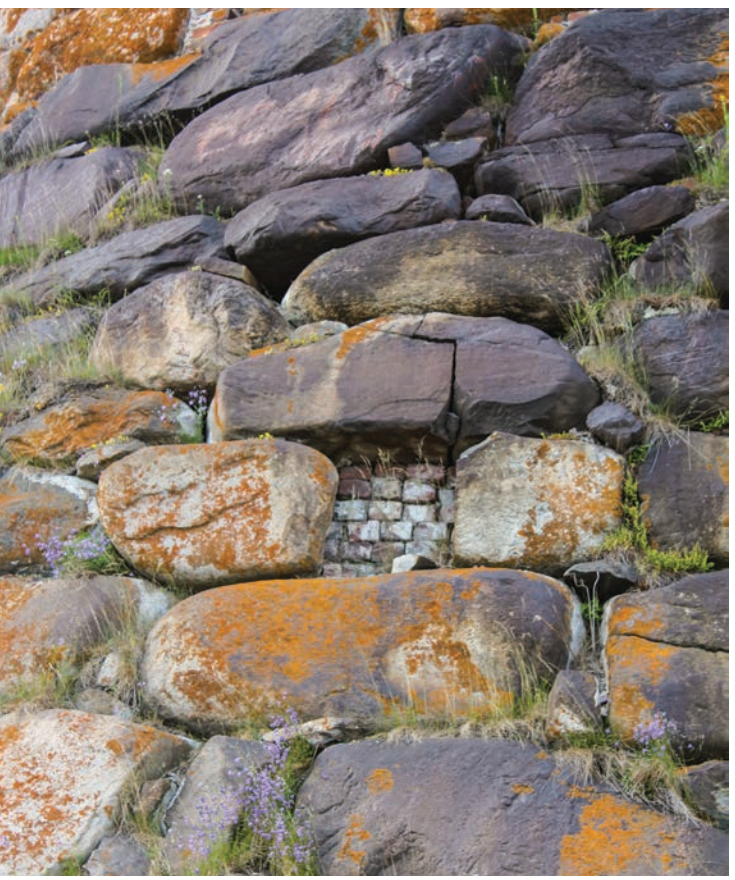
Важным направлением в сохранении исторической памяти ландшафта является бережное отношение к исторической функции места. Наиболее яркие примеры такого подхода – старые университетские города Англии Оксфорд и Кембридж, Ватикан как центр католического мира, исторические кварталы Праги, где располагаются традиционные рестораны и пивные. Некоторые исторические города потеряли свои исторические функции, но именно эти, казалось бы, давно исчезнувшие функции являются центральным градоформирующим фактором, определяющим их современное существование. В качестве примера может быть приведен бывший город медеплавильщиков Рерос (Норвегия), ныне один из популярных центров туризма.

Рукотворный ландшафт на Куликовом поле

Выявление скрытой исторической памяти и ее актуализация как необходимое условие повышения ценности культурного ландшафта – объекта наследия. Для решения этих задач необходимо в первую очередь проведение научных исследований, с помощью которых можно было бы расширить объем знаний об истории формирования ландшафта и ввести эту информацию в его историческую память.

Второй шаг на этом пути заключается в актуализации исторической памяти. Для того чтобы эта информация была доступна населению, необходимы установка новых памятных знаков, популяризация исторической информации через формирование новых музейных экспозиций, насыщение этой информацией всего пространства обитания людей, издание путеводителей и т. д.

> Ландшафт часто является единственным аутентичным объектом наследия



«Зачистка» мхов и лишайников с башен Соловецкого монастыря вызвала ожесточенную дискуссию: многие эксперты и реставраторы считают их неотъемлемой частью культурного ландшафта архипелага

Нередко возникает проблема, связанная с необходимостью, с одной стороны, сохранить подлинный культурный ландшафт, а с другой – расширить объемы доступной информации о мемориальной ценности этого ландшафта. При этом следует иметь в виду, что с того памятного события или исторического периода, которые определили мемориальную ценность ландшафта, прошло много времени и его облик заметно преобразился. В этом случае возможно использование исторических реплик, напоминающих об этих событиях и вместе с тем не нарушающих представление о подлинности культурного ландшафта. С такой ситуацией пришлось столкнуться при мемориализации Бородинского поля, где были воссозданы фрагменты старинных окопов и флешей. Возможно также использование современных технологий, позволяющих создать виртуальный образ объекта на определенную дату его существования.

Историческая память в музеях-заповедниках

Актуализация исторической памяти может быть осуществлена через придание культурным ландшафтам статуса музеев-заповедников, музеев-усадеб или национальных парков. В ряде случаев мемориальные усадьбы были созданы в местах, где почти ничего не сохранилось. Только ландшафт и остатки парка. Тем не менее для того, чтобы увековечить память живших там людей, было принято решение о воссоздании разрушенных строений и придании этому месту статуса музеев-усадеб. Это позволяет вдохнуть жизнь в культурный ландшафт, превратить его в культурный центр, оказывающий влияние на развитие этого места.

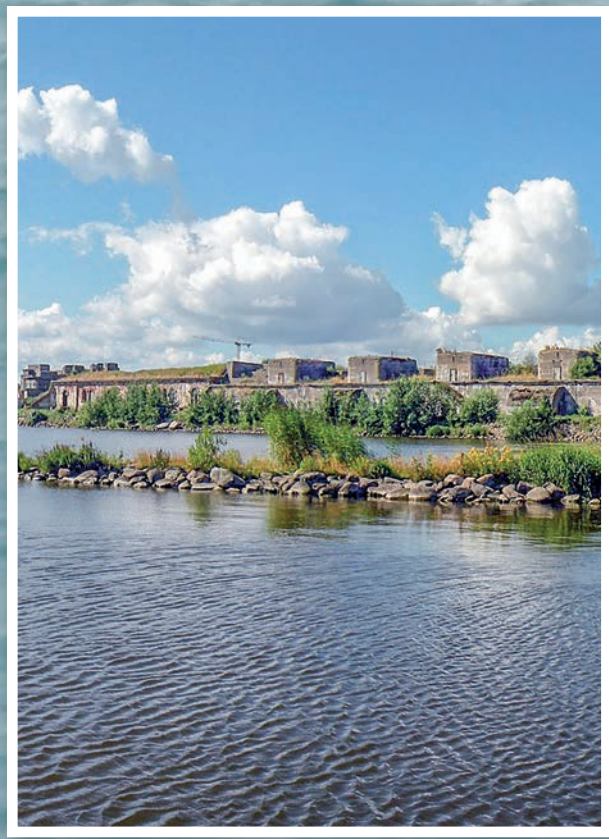
Большой опыт работ по актуализации исторической памяти был накоплен при создании крупных музеев-заповедников. Это может быть показано на примере музеев-заповедников «Михайловское» А.С. Пушкина и «Куликово поле». В Михайловском от времен А.С. Пушкина практически ничего не сохранилось. Основным аутентичным объектом наследия, хранящим историческую память этого места, являлся окружающий ландшафт. Тем не менее государство приняло решение об объявлении территории, включающей места утраченных усадеб и окружающий их ландшафт, музеем-заповедником. Были воссозданы утраченные усадьбы, проведена реставрация усадебных парков. В экспозициях музеев были собраны сохранившиеся мемориальные предметы или их аналоги, хранящие в себе память о быте дворянских усадеб первой половины

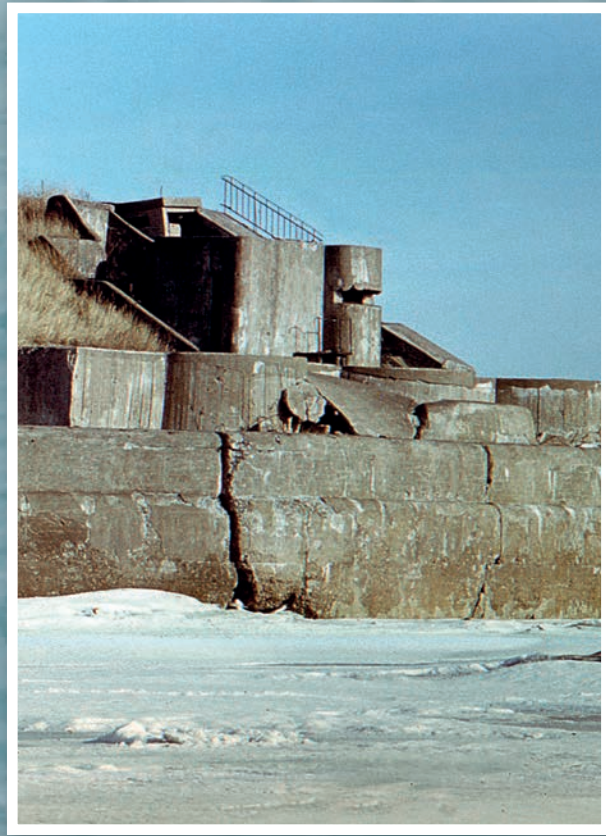
XIX века. На наш взгляд, такое решение было абсолютно правильным, потому что исторический культурный ландшафт был дополнен историческими репликами, позволяющими в полной степени ощутить время пребывания в этих местах Пушкина и вместе с тем не нарушить подлинность самого ландшафта.

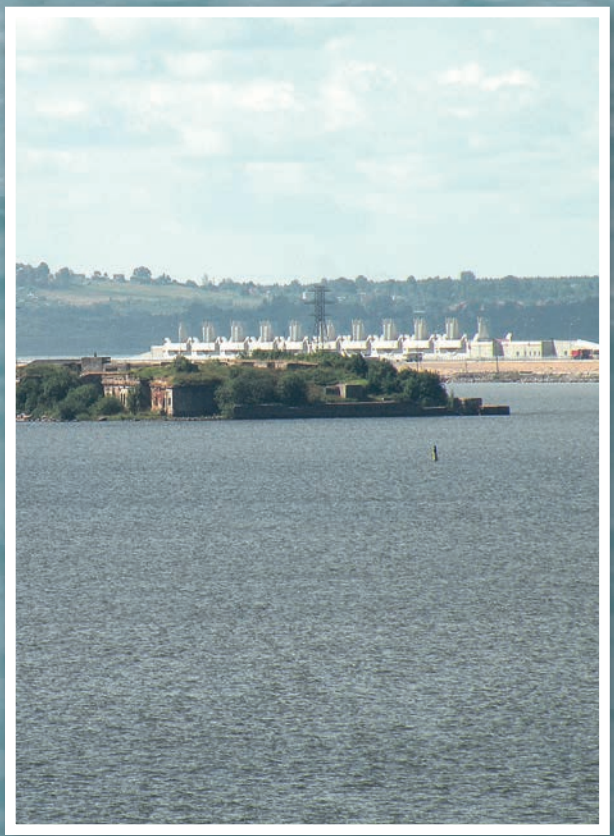
Второй пример – это музей-заповедник «Куликово поле», который был организован на месте, где, по преданиям, в 1380 году произошла битва между русскими войсками под руководством князя Дмитрия Донского и татарским войском, возглавляемым темником Золотой Орды Мамаем. Уже в середине XIX века были предприняты шаги по увековечению памяти об этом столь важном для России событии. В 1850 году в честь князя Дмитрия Донского на территории поля был установлен обелиск. Затем в 1917 году по проекту А.В. Щусева был построен храм Сергия Радонежского. В середине 1960-х годов на базе мемориального комплекса был организован филиал Тульского музея, а в 1996 году – музей-заповедник «Куликово поле». Таким образом, несмотря на то, что аутентичность этого ландшафта как места сражения до сих пор вызывает некоторые сомнения, именно этот ландшафт уже в течение многих лет идентифицируется как поле битвы. Более того, этот ландшафт начинает жить своей самостоятельной жизнью, уже не связанной с событиями XIV века.

Одним из примеров актуализации исторической памяти может стать предложение по организации музея-заповедника на базе ассоциативного культурного ландшафта, расположенного в Озерном крае на северо-западе Тверской области. Более ста лет тому назад, начиная с середины XIX века и кончая первой половиной XX века, в усадьбах, расположенных на берегах озер Удомля, Островно, Молдино и других, жили и работали замечательные русские художники: И.И. Левитан, А.Г. Венецианов, его ученик Г.В. Сорока, В.К. Бялыницкий-Бируля, А.А. Моравов и С.Ю. Жуковский, Н.П. Богданов-Бельский, К.А. Коровин, А.Е. Архипов, В.В. Рождественский, И.Э. Грабарь. Таким образом, есть все основания для создания совершенно особого бренда всего этого района, такого как «Русский Барбизон». Работа в этом направлении уже ведется. Сохранилась дача В.К. Бялыницкого-Бирули «Чайка». Там создан музей. Одновременно эта дача используется как творческая мастерская. Установлен памятный знак на месте гибели художника А.Г. Венецианова. Усилиями местных краеведов и властных структур памятные знаки установлены на местах усадеб деда ученого Д.И. Менделеева, путешественника В.И. Роборовского, писателя-натуралиста Н.А. Зворыкина. Таким образом воссоздается историческая память этого края.

Город должен хранить память обо всех событиях своей биографии
Фото: Олег Фоткин







Форты Кронштадта: конверсия во имя сохранения

Военно-морские крепости – особый раздел культурного наследия России, в котором кронштадтские форты держат первенство как по архитектурной ценности, так и по времени строительства, по совершенству военно-инженерной мысли и... по острой необходимости приспособления к современному использованию. В случае успешной «конверсии» их пример может сослужить добрую службу другим аналогичным памятникам архитектуры.

Форты Кронштадта – это уникальная система морских фортификаций, защищающая Финский залив и подступы к Санкт-Петербургу, благодаря которой в течение двухсот лет враг ни разу не прорвал оборону города. Сегодня их оборонительное значение утрачено. А вот культурно-историческое еще не вполне оценено и осознано.

Ансамбль складывался с начала XVIII до начала XX века, и сегодня он состоит из 21 объекта, включая береговые укрепления и форты на искусственных островах. Многие форты были декорированы в традициях петербургского классицизма. Гранитные цоколи и карнизы, фронтоны, лопатки, пилястры, рустовки создавали строгий облик фасадов.

Форты Кронштадта – это памятник фортификационного искусства мирового значения, сравнимый с морскими укреплениями Великобритании, Дании, Нидерландов. В 1990 году форты Кронштадта вошли в состав объекта Всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников».

На сегодняшний день 14 фортов Кронштадтской крепости находятся в оперативном управлении АУИПИК. Некоторые из них (береговой форт «Риф», форт «Тотлебен», форт «Обручев», батарея «Граф Милютин») переданы арендаторам, которые в соответствии с договором обязаны выполнить работы по восстановлению и приспособлению памятников. Четыре форта выставлены на аукцион по федеральной программе «Аренда за 1 рубль».

Индустрия наследия

Памятники культуры как драйвер развития российских регионов

Павел Шульгин,
кандидат экономических наук, заведующий Центром комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики»

Перспективная стратегия культурного развития страны должна осуществить важный структурный сдвиг. Современные реалии позволяют поставить следующую стратегическую задачу: культура и культурное наследие – это особый экономический ресурс, он может и должен стать основой экономической специализации для ряда городов и территорий, одним из новых факторов развития их экономики и социальной сферы. Такой путь пройден многими развитыми в экономическом отношении странами.

Россия обладает значительным потенциалом наследия. Количество объектов культурного наследия в стране может быть оценено примерно в 150 тысяч. Кроме памятников, стоящих на государственном учете, огромный массив (около 120 тысяч) составляют выявленные объекты культурного наследия.

В мировой практике идет активная работа по выявлению объектов нематериального культурного наследия, культурных ландшафтов. ЮНЕСКО включило категорию нематериального культурного наследия (обычаи, традиции, фольклор, исторические технологии и др.) в Список Всемирного наследия. Однако в нашей стране учет подобных объектов наследия ведется пока только неофициально.

Помимо максимально полного выявления культурного наследия, позволяющего грамотно выстраивать перспективную стратегию его использования, важно знать и оценку его состояния. Данные 2012–2013 годов свидетельствуют, что в неудовлетворительном состоянии находилось примерно 15 % объектов и еще 5 % – в аварийном и руинированном состоянии. Отсутствовали сведения о состоянии почти 30 % памятников (что является тревожным показателем). Эксперты считают, что в удовлетворительном состоянии находится не более трети объектов культурного наследия.

Презентационные возможности российского культурного наследия снижаются под воздействием этого фактора. Следует отметить одну из важнейших причин неудовлетворительного состояния объектов наследия – отсутствие собственника или пользователя. Более половины памятников, стоящих на государственном учете, не используется (для выявленных памятников этот показатель еще выше).

Проблема определения эффективных форм организации использования памятников истории и культуры является важнейшей с точки зрения реализации потенциала культурного наследия в качестве драйвера развития местной экономики. Зарубежный опыт показывает эффективность создания государственной системы национальных парков, включающей различного вида территории и объекты как культурного, так и природного наследия. Система национальных парков в США объединяет несколько тысяч объектов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, различных по размеру территории и по своей типологии (национальные заповедники, исторические парки, военные парки, мемориалы, зоны отдыха и пр.). Их посещаемость превышает 300 млн человек в год.

Зарубежный опыт показывает эффективность государственной системы национальных парков

В ряде стран получила развитие система негосударственных структур сохранения и использования наследия. Показательной является работа National Trust в Англии – независимой от правительства благотворительной организации, принцип работы которой состоит в выкупе, владении на определенных условиях объектами культурного наследия и историческими землями или принятием их в доверительное управление. В настоящее время таким образом сберегаются многочисленные имения, исторические поселения, парки, места археологических раскопок, промышленные объекты, уникальные природные ландшафты страны.

Общим для всех этих организационных форм является территориальный подход к сохранению и использованию наследия – выделение не отдельных объектов, а историко-культурных территорий и создание на их основе своего рода культурного каркаса.

Пейзаж национального парка «Плещеево озеро»

В России формы использования культурного наследия, зарекомендовавшие себя в мировой практике, оказались невостребованными. В стране существует сеть национальных парков (примерно пятьдесят), однако они в основном являются природоохранными объектами, связанными с обеспечением сохранности экологических комплексов и природных систем. Из них только небольшая часть (менее десяти) ведут активную работу по социально-культурным формам использования наследия, активному привлечению туристов.

В то же время в стране возникла достаточно оригинальная (и в некоторой степени аналогичная зарубежным территориальным подходам к сохранению наследия) система музеев-заповедников. Специфика музеев-заповедников как учреждений культуры заключается в том, что в их ведении находятся не только музейные предметы и коллекции, но и недвижимые объекты культурного наследия (здания, сооружения, археологические объекты), а также окружающая их территория. Музеи-заповедники являются комплексными по своим функциям учреждениями, они призваны сохранять не только архитектуру, археологию или мемориальные памятники, но и собственно историческую территорию, в том числе уникальные культурные и природные ландшафты, исторические поселения.

Отдельные музеи-заповедники смогли стать реальными экономическими лидерами в своем регионе. Так, например, в Пушкинских Горах, районном центре Псковской области, благодаря деятельности музея-заповедника «Михайловское» обеспечивается занятость примерно 600 человек, а в совокупности с сезонным привлечением работающих и косвенной занятостью в сопряженных отраслях сфера культуры формирует свыше трети рабочих мест района. Прямые и косвенные поступления в местный бюджет в связи с «культурной специализацией» составляют до 30–40 % его объема. Подобную социальную и экономическую роль культуры можно видеть и в ряде других мест: в Кирилловском районе Вологодской области в связи с деятельностью Кирилло-Белозерского музея-заповедника, в Тульской области на примере музеев-заповедников «Ясная Поляна» и «Куликово поле», в Белинском районе Пензенской области (музей-заповедник «Тарханы») и др. Обобщенные показатели по нескольким крупным музеям-заповедникам сведены в таблице. В целом музеи-заповедники,

> Музеи-заповедники смогли стать реальными экономическими лидерами в своих регионах

В Центральной России еще можно найти практически нетронутые культурные ландшафты

Значение ведущих музеев-заповедников для развития региона (усредненные показатели по нескольким крупным музеям-заповедникам)

Показатель	Оценка
Посещаемость	200–300 тысяч человек в год
Занято в работе музея-заповедника	300–600 человек В совокупности с сезонным привлечением работающих и занятостью в сопряженных отраслях обеспечивается от 1/3 до 2/5 рабочих мест в районе
Собственные доходы музея-заповедника	50–80 млн рублей
Поступления в бюджет региона	Прямые и косвенные поступления в районный бюджет в связи с «культурной специализацией» составляют до 30–40 % его объема

составляя менее 5 % музейных учреждений страны, обеспечивают 35 % музейной посещаемости.

Грамотное и рациональное использование культурного наследия позволяет создать такие формы организации и музеефикации, которые создают условия не только для развития музейного и туристского дела, но и дают импульс активному развитию иных видов деятельности, включая производственные отрасли. Например, создание в рамках музея-заповедника нескольких экспозиций, а также использование исторической территории и культурных ландшафтов в качестве своеобразного музея под открытым небом позволяют сформировать насыщенное и разнообразное туристское предложение, которое дает возможность посетителю задержаться в историческом месте, остаться на ночлег. Благодаря этому формируются предпосылки для более эффективной в экономическом смысле организации обслуживания (экономическая отдача от туриста, остающегося на ночлег, в 20–30 раз превышает эффективность обслуживания обычного экскурсанта).

Круг формирующихся вокруг музея-заповедника видов деятельности можно представить в виде следующей совокупности: собственно учреждения музейной сферы – экскурсионные учреждения и туристские гостиницы – объекты торговли и общественного питания – другие инфраструктурные элементы, связанные с обслуживанием посетителей – производство сувениров и возрождение местных промыслов, стимулирование развития традиционных производств, художественных школ – производство местных продуктов питания – транспортное обслуживание и транспортная инфраструктура – реставрационная и строительная деятельность и иные

Музей-заповедник в Старой Ладоге: туристов привлекают не только памятники архитектуры, но и красоты природы

производства. Функционирование всей этой группы учреждений обязано использованию объектов культурного наследия.

Для небольшого города совокупность экономических субъектов, обеспечивающих функционирование и использование объектов культурного наследия, обслуживание туристов и экскурсантов, может стать основным источником экономического развития, наполнения местного бюджета. Наследие становится катализатором этих изменений, а культура фактически становится отраслью специализации, одним из перспективных направлений развития местного социально-экономического комплекса. Для многих небольших городских поселений, для сельских территорий именно культурное наследие может стать на сегодняшний момент единственным реальным импульсом социального и экономического развития, который при этом не вызывает отрицательных социальных и экологических последствий.

Значителен и социальный эффект от деятельности по использованию наследия. Он связан с созданием новых рабочих мест, возможностями временной занятости для пенсионеров, молодежи, с формированием новых местных учебных заведений по подготовке кадров. Музей-заповедник становится реальным культурным центром для окружающей территории, действенна его роль в содействии образовательным программам, в экологическом, патриотическом воспитании. Очень важны также изменение общей социальной атмосферы в регионе, выход из депрессивного состояния, появление чувства социальной уверенности.

К сожалению, успешные примеры функционирования подобных комплексных учреждений наследия являются единичными, и далеко не каждый регион может их продемонстрировать. Успешная реализация проблемы встраивания культурного наследия в современную экономическую реальность требует решения следующих основных задач:

- выявление полного спектра наследия данной территории;
- улучшение состояния наследия;
- формирование ведущих узлов культурного каркаса (в форме музеев-заповедников, либо в какой-то иной форме) и выработка стратегии их развития.

Перспективная культурная политика сохранения и использования наследия, на наш взгляд, должна опираться на создание своеобразного культурного каркаса на всем пространстве Российской Федерации на базе разнообразных историко-культурных территорий (исторические города, исторические сельские поселения, усадебные и монастырские комплексы, поля битв, исторические пути и дороги, производственные территории, этно-экологические территории, археологические территории и др.). Подобный каркас позволяет сформировать общий

> Развитие на основе наследия не вызывает отрицательных социальных и экологических последствий

Музей-заповедник в Кириллове: живая натура для исторических киносъемок

многогранный культурный образ региона, он становится основой развития местного культурного комплекса и социальной инфраструктуры и одновременно основой организации региональных и межрегиональных туристских маршрутов.

Такой подход создаст новые экономические условия для возрождения российской провинции. Он нацелен именно на активизацию экономической деятельности небольших региональных центров и сельских территорий, находящихся в настоящее время в депрессивном состоянии по сравнению с крупными городами. Развивая различные формы использования наследия, привлекая туристов и экскурсантов, новые культурные центры будут способствовать формированию инфраструктуры, сети учреждений сферы обслуживания, смогут стимулировать развитие производственных отраслей, обеспечивать создание новых рабочих мест. Например, при развитии музея-заповедника количество сопряженных с ним рабочих мест в обслуживающих предприятиях и производствах в два раза выше, чем собственно занятость в структуре самого музея-заповедника.

В рамках культурного каркаса страны мы в перспективе видим до 400 небольших региональных центров наследия. Благодаря формированию такого каркаса удастся создать в российской провинции дополнительно до 300 тыс. новых рабочих мест.

Смогут быть реализованы новые возможности в социальном развитии. Будущие узлы культурного каркаса, сформированные, например, на базе малых исторических городов, возьмут на себя функции центральных мест обслуживания для окружающей территории и местного населения. Эти центры смогут решать основные задачи развития культуры: музейного, выставочного, библиотечного, театрального дела, кинопроката, различных форм современного искусства. В них будут формироваться учебные заведения, учреждения сферы обслуживания, осуществляющие услуги для жителей нескольких соседних административных районов.

Благодаря формированию культурного каркаса может быть решена задача достижения уровня развитых стран по использованию культурного наследия. Общая посещаемость историко-культурных центров достигнет величины 250–300 млн человек в год (в настоящее время общая посещаемость всех музеев страны составляет примерно 100 млн человек в год). За счет этого фактора будет обеспечено почти трехкратное увеличение внутреннего туристского потока и будут созданы новые возможности для увеличения и территориального разнообразия потока зарубежных туристов (в настоящее время он в основном охватывает только Санкт-Петербург и Москву).

Индустрия наследия – одно из перспективных направлений формирования глобального валового продукта в будущем. Эта общемировая тенденция неизбежно будет распространяться и на нашу страну. Существующая российская ситуация в сфере наследия, пока не отвечающая в полной мере интересам страны и ее регионов, должна кардинальным образом измениться.

Фото: Олег Фочкин, Олег Кораблин, Евгения Твардовская

Приспособление объектов наследия к современному использованию часто внушает опасения за сохранность подлинника
На фото: главный дом усадьбы Монрепо близ Выборга

Москва как точка сборки

Ник Перумов,

писатель-фантаст

Моя малая родина – Санкт-Петербург, уже много лет я живу в Америке, но Москва для меня тоже очень важный город, без которого просто нельзя представить нашу страну и всех нас. В Москве долго жила и продолжает жить часть нашей большой семьи, многие мои предки здесь похоронены. И Москва для меня больше историческое понятие.

Я слишком хорошо знаю русскую историю и поэтому понимаю, что это не просто город, а исторический центр русского государства. Точка сборки, город, вобравший в себя физический и духовный труд многих-многих поколений и выдающихся деятелей русской истории, начиная с Ивана Калиты, Сергия Радонежского, митрополита Алексия, положивших начало объединению Руси вокруг Москвы. В отличие от Санкт-Петербурга – города, возникшего гением и волей одного человека.

Сейчас я вижу, как Москва изменилась, и «пожар способствовал ей много к украшенью», хотя старую городскую застройку очень жалко. Махание ковшом бульдозера просто очень неумно. Мэр Сергей Собянин делает хорошую большую работу, и я вижу как нейтральный наблюдатель, приезжая сюда периодически, благоустройство города: вместо мусора и обгрызенных стен появляются парки со скамейками и дорожками, вымощенными гранитной плиткой, и все в итоге очень красиво.

Но у нас еще не научились бережно относиться к тому, что делает Москву Москвой. Я не настолько хорошо знаю столицу, чтобы выбирать между любимым и нелюбимым местом, но часто бываю в районе Пятницкой улицы, в Замоскворечье, там, где жила моя семья, там, где оставалась настоящая московская застройка, которую, как я считаю, возвращаясь к наболевшему, надо просто восстанавливать.

Французы приходят на руины замка девятого века, расчищают фундамент, восстанавливают по каким-то сохранившимся гравюрам, а потом говорят: это замок девятого века. Без малейших сомнений и колебаний. А то, что мы его восстановили – так это мы его отреставрировали.

Я бы сносил жуткую застройку и восстанавливал по старым чертежам и планам, гравюрам и фотографиям, да и просто бы строил дома в старом московском стиле, чтобы это действительно была Москва, которую легко узнать, просто кинув взгляд на фото.

И, конечно, парк «Зарядье» – это полный диссонанс, это инфернальный ужас, который я пережил, впервые его увидев. Возможно, со временем это пройдет, как было с неприятием Эйфелевой башни парижанами. Но пока это полное несоответствие с историческим пространством города. И в итоге в число нелюбимых мной районов города теперь неожиданно попало Зарядье. Хотя изначально идея была неплохая: не строить на этом месте очередной торгово-развлекательный центр, а сделать парк.

Другое место, которое я воспринимаю как важную и неотъемлемую часть города, связывающую его районы воедино, – это набережные, которые приводят к намоленным старым московским храмам. Хотя я и не религиозный человек, но ощущение уюта возникает возле старых московских церквей. Мне очень нравится храм Симеона Столпника на Новом Арбате. Но то, что вокруг, эту «вставную челюсть» города, я бы просто взорвал и восстановил старую застройку.

Да, в последнее время нельзя не отметить большие перемены в городе, которые замечаешь, только если долго здесь отсутствуешь. Прежде всего, это транспорт, особенно в сравнении с другими столицами мира. Московское метро, хотя это и банальность, поражает воображение. Зайдите в нью-йоркскую подземку, и при всем ее удобстве и возможности попасть в нее почти на каждом углу города, она – тесная, низкая, грязная, опасная. Это место, в которое заскакиваешь, а потом стараешься поскорее выбраться наружу. Московское метро рядом даже не поставишь. По нему водят экскурсии, и люди смотрят в изумлении на настоящие подземные дворцы. Это ведь тоже городская среда, создающая атмосферу места.

> В идеале я хочу видеть центр Москвы начала XX века со старым трамваем, куда нет въезда другому транспорту

Московский центр, даже при наличии негативных явлений, сейчас просто дает сто очков вперед Манхэттену. Наша столица в сравнении – почти идеальный коммунистический город: чисто, безопасно и удобно. В Нью-Йорке, в «столице мира», ты чувствуешь себя в центре непонятного торта, сотворенного каким-то безумным кондитером. Он выпечен без какого-либо плана и стиля. Вы делаете шаг в сторону от Пятой авеню и попадаете в мир угрюмых и мрачных кирпичных домов, в грудах мусора прямо на тротуаре. Контраст огромный, несмотря на все фантастические идеи, которые есть в Нью-Йорке. Нашей упорядоченности в Америке нет. И это тоже определенные пространственно-цивилизационные признаки.

Нам же не хватает удобств для туристической среды, без которой крупный город, равно как и любой другой, не привлечет внимание тех, кто приехал потратить свои деньги и отдохнуть, посмотреть достопримечательности.

Сан-Франциско сохранил свой кабельный уникальный трамвай, и это фича (особенность – **Ред**.). Москва пропускает через центр чудовищные автомобильные транспортные потоки, затрудняя восприятие и прогулки по центру. Создание пешеходных зон – замечательно. В идеале я бы хотел видеть в центре Москвы начало XX века со старым трамваем, куда нет въезда другому транспорту или присутствует только электрический. Это был бы центр города, полностью отданный человеку. Во время недавнего мундиаля был прекрасный эксперимент, который распространялся на все города, где играли в футбол, и следовало бы его продолжить, потому что именно такое восприятие дает возможность иначе взглянуть на давно знакомое и существующее.

Зачем мы штурмуем «Орловскую крепость»

Культурное наследие и туризм: взаимная интеграция

Станислав Абакумов,
председатель Орловского областного отделения ВООПИК

Виктор Ливцов,
зампредседателя Центрального совета ВООПИК

Роман Богатырев,
зампредседателя Орловского областного
отделения ВООПИК

Сохранение культурного наследия через его популяризацию, посредством включения объектов истории и культуры в туристский оборот, сегодня становится одним из главных мировых трендов государственной политики в области культуры. Можно привести несколько ярких примеров взаимной интеграции культуры и туризма.

Успешной практикой можно назвать формирование сети межрегиональных туристских маршрутов, объединяющих по тематическому принципу объекты историко-культурного наследия. Каждый из таких маршрутов призван не только привлечь внимание туристов к памятникам истории и культуры, но и заработать достаточный объем финансовых средств, часть из которых может быть направлена на реконструкцию и реставрацию объектов показа. Такой метод финансирования сохранения объектов культурного наследия давно взят на вооружение в европейских государствах, в том числе и частными владельцами памятников. Так, в Чехии владельцы замка Штернберг ежедневно принимают сотни туристов, а деньги, выручаемые от приема посетителей, направляют на содержание объекта и реставрационные работы.

Межрегиональные маршруты выведут туризм в стране на новый уровень

У нас подобная практика успешно реализуется в брендовом туристском маршруте «Золотое кольцо России», известном далеко за пределами страны. К сожалению, до последнего времени в России действовал лишь один такой крупный туристский маршрут. Однако в 2014 году Министерство культуры РФ объявило о создании в России новых межрегиональных туристских маршрутов, которые смогут вывести внутренний и въездной туризм в стране на новый уровень. Сегодня уже запущен ряд новых туристских маршрутов: «Серебряное ожерелье России», «Жемчужное ожерелье России», «Русские усадьбы», «Елизаветинский маршрут», «Красный маршрут» и другие. Обновлены и перезапущены в новом формате такие маршруты, как «Великий шелковый путь» и «Золотое кольцо России».

Еще одной практикой, интегрирующей культуру и туризм, можно назвать формирование в субъектах РФ туристских кластеров, которые предполагают целенаправленное сосредоточение на определенной территории предприятий туристской индустрии, а также строительство туристской инфраструктуры. Важно понимать, что подобные практики могут быть реализованы на территориях с богатым туристско-рекреационным потенциалом, а также историко-культурным наследием, способным привлечь туристские потоки. К регионам, в которых уже сформированы туристско-рекреационные кластеры, можно отнести Ярославскую, Ивановскую, Рязанскую, Псковскую, Липецкую, Вологодскую, Калужскую, Костромскую, Брянскую, Тульскую области и ряд других субъектов РФ.

Подобная практика позволяет, с одной стороны, восполнить недостаток необходимой инфраструктуры, а с другой – вывести на качественно новый уровень туристско-экскурсионную составляющую историко-культурного наследия. Прекрасным примером высокого уровня реализации туристско-рекреационного и культурного потенциала региона является Суздаль. Статистика свидетельствует, что он входит в топ-5 самых популярных у туристов малых городов России. В октябре 2018 года Музей деревянного зодчества в Суздале продал миллионный с начала года билет, что свидетельствует о колоссальном интересе посетителей и значительных поступлениях от туризма в региональный бюджет.

Минкультуры РФ формирует перечень исторических поселений и малых городов, развитие в которых туризма позволит в будущем решить задачу сохранения их исторической идентичности и культурного наследия. Получение статуса исторического поселения будет способствовать повышению в таких городах конкурентоспособности, что должно сопровождаться значительными капиталовложениями, направляемыми на формирование необходимой инфраструктуры и туристского имиджа таких историко-культурных центров. Туризм должен позволить таким городам развиваться как в культурном, так и в экономическом плане. Объединение усилий Минкультуры РФ, Минэкономразвития РФ и Ростуризма в этой сфере приведет к формированию на таких территориях уникальной среды, привлекающей сотни тысяч туристов.

Осознавая необходимость развития туристской отрасли, регионы России, не включенные в действующую Федеральную целевую программу (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018)», активно предлагают себя для вхождения в новую ФЦП, в которой, как известно, будет продолжен курс на создание сети туристских кластеров.

Некоторые регионы сформировали свои концепции развития туристских кластеров, финансируемые в рамках программы Минэкономразвития по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства. Такие стратегии не подразумевают строительство инфраструктуры, но предусматривают объединение предпринимательских структур туристской сферы с целью формирования инновационного туристского продукта и услуг на основе единого бренда территории. Сегодня в России создано восемь таких кластеров: в Ростовской, Вологодской, Новгородской, Орловской, Смоленской, Рязанской, Мурманской областях и Республике Саха (Якутия).

Хорошим примером развития туристского кластера служит Орловская область, богатая культурным и историческим наследием, но сильно уступающая другим областям в объемах туристских потоков. Принятие в 2016 году стратегии развития туристского кластера в Орловской области на период до 2020 года способствовало подъему интереса туристского сообщества к вопросам сохранения культурного наследия в регионе, а также увеличению финансовых поступлений от туризма. В Орловской области был создан современный туристский интернет-портал, на котором размещена информация об историко-культурных достопримечательностях и событиях региона. В будущем модернизация портала предполагает внедрение конструктора туров, позволяющего посетителям сайта самостоятельно планировать свой отдых в Орловской области. Участники туристского кластера – наиболее успешные предприятия сферы питания, гостеприимства, развлечений, а также компании, предлагающие сопутствующие услуги. Одним из авторов действующей стратегии развития туристского кластера Орловской области является Орловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Руководство кластера – Центр кластерного развития при Фонде поддержки предпринимательства Орловской области, который на постоянной основе участвует в международных и всероссийских выставках, проводит конференции, тренинги и мастер-классы, направленные на создание нового туристского продукта, объединяющего культурное наследие региона. В 2018 году в Орле успешно состоялся первый литературно-гастрономический фестиваль «Тургеневский бережок», приуроченный к празднованию 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева. Уже сегодня интерес к Орловской области как туристскому центру привлек внимание крупных экспертов и предпринимателей сферы туризма. Возможно, активная политика в области туризма будет способствовать не только повышению интереса к Орловской области со стороны туристов, но и увеличению

в дальнейшем денежных отчислений на сохранение объектов культурного наследия в регионе.

Важным стимулом к увеличению туристских потоков служат событийные мероприятия: фестивали кино и театра, театрализованные шоу, исторические, культурные, гастрономические и музыкальные фестивали, спортивные события. Значительное количество посетителей, в том числе иностранных, таких мероприятий позволяет местным компаниям формировать группы для посещения объектов культурного наследия, включенных в обзорные и тематические экскурсии.

На 2019 год в Орле запланировано проведение образовательного историко-этнографического фестиваля «Орловская крепость», организатором которого станет областное отделение ВООПИК. Основная идея мероприятия – проведение однодневного образовательного историко-этнографического фестиваля под открытым небом на территории Орловского детинца, памятника истории и культуры регионального значения.

Тургенева в Орловской облости можно увидеть и на пьедестале, и на торте

Содержательная часть праздника предусматривает показ в разных частях территории Орловского детинца этапов формирования города, военно-исторических сюжетов, связанных с развитием города, с момента основания Орла до настоящего времени. Предполагается создание следующих интерактивных площадок: «Основание Орла и борьба с набегами крымских татар», «Смутное время на Орловщине», «Орловские военачальники и воинские подразделения в кампаниях XVIII века», «Орловцы в войнах XIX века», «Участие орловцев в Первой мировой и гражданской войнах», «Великая Отечественная война на Орловщине», «Участие орловцев в локальных военных конфликтах новой и новейшей истории». Каждая площадка подразумевает проведение мастер-классов с участием 10–30 детей и взрослых, общей продолжительностью каждого мастер-класса по 20 минут, повторяющегося через 10 минут.

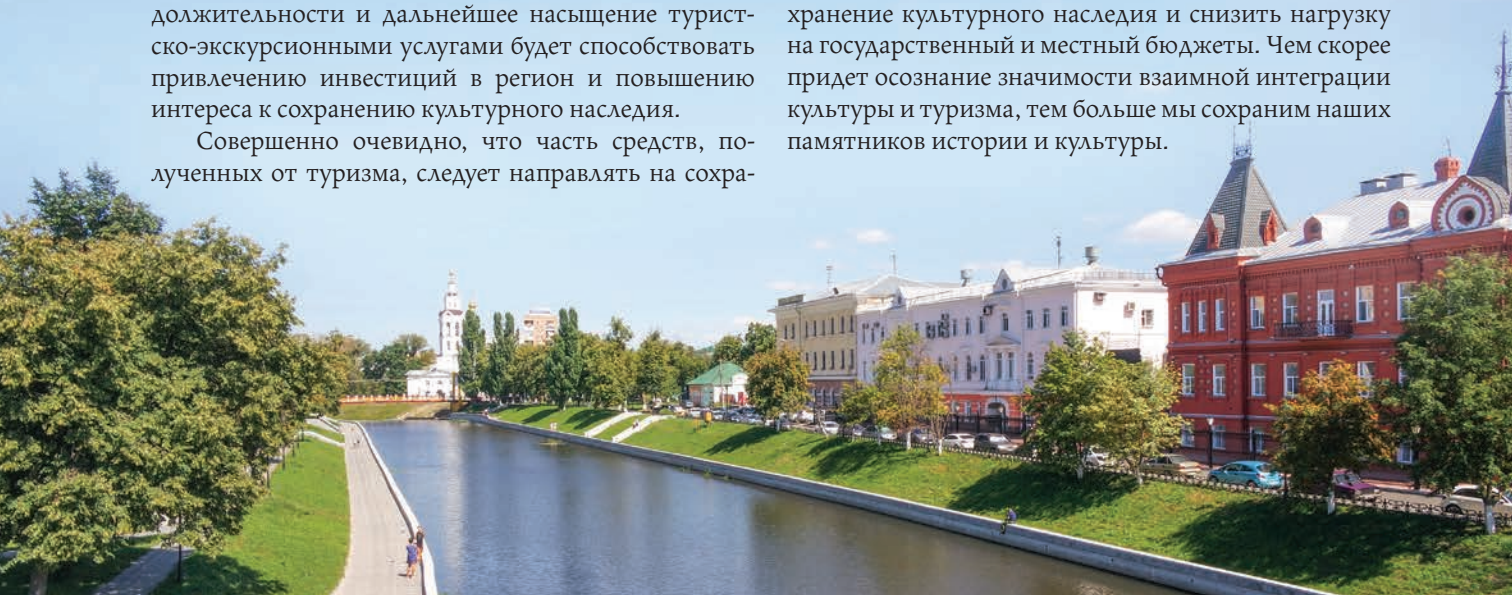
В программе фестиваля – ряд интерактивных мероприятий с участием гостей и зрителей: спортивные соревнования и единоборства с использованием снаряжения и оружия различных эпох; демонстрация оружия, военного обмундирования и доспехов; мастер-классы армейской кухни разных эпох с дегустацией; кузнечная оружейная мастерская; историческая ярмарка «Город мастеров» и т. д. Образовательная часть фестиваля включает проведение для нескольких групп школьников и студентов специальной экскурсионной программы с целью знакомства с военной историей Орловской области.

Данное событие сможет привлечь инвесторов и туристов из соседних регионов только при ежегодном проведении фестиваля. Увеличение его продолжительности и дальнейшее насыщение туристско-экскурсионными услугами будет способствовать привлечению инвестиций в регион и повышению интереса к сохранению культурного наследия.

Совершенно очевидно, что часть средств, полученных от туризма, следует направлять на сохранение и реставрацию объектов культурного наследия, что будет соответствовать общим интересам государства и бизнес-сообщества. Но прямая зависимость финансирования государством и регионами реставрационных работ на памятниках истории и культуры от размера доходов от туризма сегодня практически отсутствует. Если произвести несложные расчеты, можно убедиться, что увеличение туристских потоков в конкретном регионе на 50 тыс. чел. в год позволит пополнить доходную часть бюджета области в среднем на 50 млн рублей. Направив лишь 1/5 часть этих средств на сохранение культурного наследия, можно отреставрировать ряд памятников регионального значения. Похожая система взята за основу в сфере экологического туризма, специфика которого предполагает направление денежных средств, вырученных от посещения заповедников и национальных парков, на охрану окружающей среды.

> На сохранение наследия в регионах необходимо направлять часть доходов от туризма

Таким образом, именно межрегиональные туристские маршруты, создание сети туристских кластеров и систематическое проведение событийных туристских мероприятий позволят привлечь десятки и сотни миллионов рублей на развитие туристской инфраструктуры, а также реставрацию объектов культурного наследия. Увеличение ассигнований из региональных бюджетов на сохранение памятников истории и культуры за счет туристских доходов позволит усилить визуальный эффект от осмотра достопримечательностей туристами, а значит, увеличить их посещаемость. Взаимная интеграция культуры и туризма в России просто необходима. Это должно дать возможность в будущем ежегодно направлять значительные финансовые средства на сохранение культурного наследия и снизить нагрузку на государственный и местный бюджеты. Чем скорее придет осознание значимости взаимной интеграции культуры и туризма, тем больше мы сохраним наших памятников истории и культуры.



В Россию к Мао

«Красный» туризм набирает популярность

Владимир Гнездилов

Подмосковная усадьба Старо-Никольское – ныне музей VI съезда Коммунистической партии Китая

Китайский «красный» туризм ворвался в российскую действительность так же быстро, как и все китайские продукты, когда-либо штурмовавшие отечественные рынки. На территории России китайцы открывают собственные рестораны для своих туристов, договариваются об открытии филиалов банков, а теперь и вкладываются в развитие туристических мест, например в музей VI съезда КПК в Новой Москве. Словом, все говорит о том, что китайцы пришли надолго и всерьез. Объясняем, в чем заключается культурологическая особенность «красного» туризма, и рассказываем его историю.

Коммунистическое паломничество

Что же такое «красный» туризм? В широком смысле слова – это посещение любых мест, хотя бы отдаленно связанных с коммунистической идеологией. Утверждается, что изначальным посылом такой формы досуга было вовсе не развлечение, а высокая и благородная цель: дабы проникнуться духом первых китайских коммунистов, паломники совершали путешествие по местам события, в истории получившего название «Великий поход».

Случилось оно еще в 1934 году, во времена гражданской войны в Китае. В течение двух лет армия китайских коммунистов в тяжелейших условиях отступала через всю центральную часть страны. В этот период сложились основные связи в руководстве партии, произошло окончательное формирование идеологии и появились те самые места, в которые нынешний китайский турист едет охотнее всего.

В самом Китае «красный туризм» процветает уже давно. В 2004 году была принята «Национальная программа развития красного туризма». Она описала более 100 объектов бывшего революционного движения, которые легли в основу 30 маршрутов. И количество последних год от года растет. Постепенно «красные туры» стали одним из главных направлений внутреннего туризма в Китае. Соответствующие объекты набирают более 700 млн посещений в год.

Теория потребления коммунизма

Со временем одухотворенный идеологизм «красного» туризма начал иссякать. Причин этому сразу несколько. Во-первых, на волне открытости Китая у местных жителей начался спад интереса к коммунизму. Во-вторых, посетив основные места исторической славы маоистского движения в Китае, любой турист задастся вопросом – куда дальше? Здесь-то и возникает экономический интерес для государства: нужно создавать интересные точки для «красного» туризма в самых неожиданных местах, порой лишь косвенно связанных с историей коммунизма. Например, особой популярностью пользуются небольшие уезды, в которых провели свое детство лидеры разных эпох. И речь не о «лидерах нации» Мао Цзэдуне, Дэн Сяопине или Си Цзиньпине – китайцы с удовольствием посещают музеи крупных государственных деятелей, чьи имена не настолько отпечатались в истории страны, например бывшего председателя Китайской Народной Республики Ли Сяньняня.

> Россия для китайца – это источник современной истории собственной страны

Еще одной причиной развития «красного» туризма, несомненно, является рост потребительского спроса в Китае, который проистекает из роста покупательной способности населения. Но кто этот неожиданно разбогатевший покупатель? Это получивший высокий достаток вместе с резким ростом ВВП страны в начале 80-х аграрий. То есть человек от народа, зачастую малообразованный и воспитанный на базовых идеологических ценностях. Для него путешествие по коммунистическим местам – это путешествие в детство и не более.

Именно по этой причине современные «красные» маршруты все чаще стали называть на родине «парком коммунистических развлечений». Это нечасто можно встретить в открытую, поскольку угрожает основным скрепам единства нации, зато это отличное подспорье для развития бизнеса и сферы услуг. Важно отметить, что такое бездуховно-потребительское отношение китайского туриста к своей истории не ограничивается коммунистическим периодом: китаец с таким же удовольствием потребляет и буддизм с конфуцианством, то есть разделение туристического потока здесь идет разве что по параграфам учебника истории.

«Красный» туризм в России

Желание «потреблять» коммунистическое прошлое страны китайцами открыло уникальные возможности для развития «красного» туризма в России. Ведь Россия для китайца – это источник современной истории собственной страны. Используя эту идеологему, в России можно построить огромную систему по привлечению китайского туриста, важно правильно расставить акценты.

За последние три года рост числа китайских туристов в России просто внушителен. Если в 2016 году аналитиков поражала цифра в полмиллиона человек, то, по словам главы Ростуризма в интервью

«Карнеги», в 2017 году в Россию приехало уже порядка полутора миллионов китайцев.

Для китайцев в России создаются особые «красные» маршруты по местам коммунистической славы. В основном они включают в себя четыре города: Москву, Санкт-Петербург, Казань и Ульяновск. При этом есть целый ряд городов, которые не меньше привлекают китайского туриста, – например, это Самара и Тверь. Большая часть китайцев естественным образом посещает столичные города, но и Ульяновск привлекает их ничуть не меньше: родина Ленина – достаточно сильный туристический ориентир.

В рамках российских «красных маршрутов» гостям из Китая предлагают посетить мавзолей Ленина в Москве, мемориальный музей-заповедник «Горки Ленинские» в Подмосковье, подземный музей «Бункер Сталина» в Самаре, историко-мемориальный музей «Смольный» в Петербурге, Казанский университет, где учился Ильич...

Китайского туриста вполне можно назвать капризным. Его привычный жизненный уклад сильно не совпадает с российским, и важно понять, что, даже приезжая на неделю или две, китаец не готов что-то в себе менять. Именно поэтому необходимо продолжать внедрять такие проекты, как China Friendly, то есть системы добровольной сертификации гостиниц, ресторанов и прочих сегментов туристического бизнеса. Как выясняется, китайцы ориентируются на это при выборе поездки.

Абстрагируясь от коммунистических маршрутов, как-то раз знакомые китайцы были счастливы попасть в Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН, потому что с детства мечтали там оказаться. Как вообще они о нем узнали – загадка, которую еще предстоит разгадать специалистам по составлению маршрутов для китайских туристов. Без понимания основ культурологического интереса китайских туристов к достопримечательностям невозможно сформировать маршрут, который действительно выстрелит.

Китайского туриста можно назвать капризным. Он не готов что-то в себе менять

Музей VI съезда КПК

Понимает значимость формирования предложения и китайское правительство. С целью создать крупный ориентир для китайского туриста руководство КНР в 2013 году приобрело в аренду на 49 лет усадьбу Старо-Никольское в подмосковном Наро-Фоминском районе – здесь в 1928 году прошел единственный зарубежный съезд Коммунистической партии Китая.

Это имение было основано в XVII веке боярином Ф.М. Ртищевым, при котором на территории действовала приходская церковь, оставшаяся от монастыря. В конце XVIII века имение перешло к Мусиным-Пушкиным, при которых было выстроено основное трехэтажное здание, сохранившееся и по сей день. После революции на территории имения располагался госплемзавод «Первомайское». В 1924 году здание перешло во владение НКВД.

Для китайцев это место имеет магическое значение. В 1928 году лидер Китая Чан Кайши начал жестоко репрессировать противоборствовавших его режиму коммунистов. В один из самых трудных в своей истории периодов компартия приняла решение тайно собраться на территории союзного государства. Во время съезда

партии с 18 июня по 11 июля здесь, в Старо-Никольском, фактически укрепились основные догмы коммунистической идеологии Китая, а Мао Цзэдун объявил о начале контрреволюционных мер в Китае. В съезде принимали участие более 80 делегатов и 34 кандидата в делегаты. С этого момента теоретически можно отсчитывать начало «красного» Китая. Что интересно, можно сказать, что это неназванная отправная точка для всего «красного» туризма, ведь именно эти события привели в итоге к «Великому походу».

Для самой усадьбы китайское регентство в XXI веке в большей степени положительная история. После Великой Отечественной войны здание было передано в жилой фонд. В постсоветское время почти развалившуюся усадьбу использовали для самых разных нужд. Там размещались столовая, парикмахерская, магазин. А в 2011 году здание и вовсе сгорело. Усадьба, в которой проходил съезд, была передана правительству КНР в аренду в рамках специальной программы, предусматривающей предоставление в аренду объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии, по льготной цене один рубль за квадратный метр в год.

Реставрация здания началась в ноябре 2015 года. За год российским реставраторам удалось вернуть зданию облик конца XIX – начала XX века. После реставрации китайскими властями по проекту российских архитекторов усадьба стала выглядеть, словно на картинке. Сейчас она состоит из главного дома, флигеля, ворот въезда, ледника, прачечной, конторы и действующей восстановленной церкви. Представители КНР разбили парк, проложили дорожки, оборудовали детскую площадку, поставили современные тренажеры, высадили газонную траву и деревья. При этом исторический облик архитектурного ансамбля не был нарушен. В основном помещении по будням проводятся экскурсии по Музею съезда компартии, на которых китайские туристические группы сменяются одна за другой. В основе экспозиции – документы на русском и китайском языках. В большом зале на втором этаже воссозданы интерьеры съезда: деревянные скамейки, красный транспарант и старая пишущая машинка в президиуме. Две комнаты вверх по лестнице показывают, в каких условиях ночевали делегаты.

Сохраненный фрагмент интерьера усадебного дома в Старо-Никольском до реставрации

В Ростуризме говорят, что на территории России находится множество объектов, которые потенциально возможно включить в «Красный маршрут». В частности, речь идет о заводах на Урале, на которых трудились китайские граждане.

«Красный» туризм – полусерый бизнес

Совершенно естественно, что, арендуя помещение усадьбы, китайское правительство, за вычетом налогов, забирает всю выручку от музея себе. Они и так сделали достаточно для района, теперь местным жителям нужно вкладываться в развитие инфраструктуры вокруг имения.

К сожалению, зачастую китайские деньги проходят мимо бюджета и в не имеющих отношения к Китаю объектах, но в этом туристов сложно упрекнуть. Китайцы редко путешествуют поодиночке или неорганизованно, это заложено в культурном коде социальной центростремительной силы нации. Китайские туристы покупают путевки в Россию пакетами в своих туристических агентствах, то есть едут в Россию со свободными деньгами только на сувениры.

Как формируется пакет? Во-первых, жилье бронируется на группу и заранее, что сильно сбивает его цену. Во-вторых, китайцы предпочитают питаться в собственных кафе, которые с этого практически ничего не платят в бюджет. В-третьих, китайцы пользуются услугами китайских гидов, которых нанимают в Китае, а это значит, что они не платят налоги здесь, в России.

Иными словами, почти все деньги от китайского туризма остаются в Китае. Постепенно работа по удержанию денег от китайского туризма в России ведется. Например, создана система сертификации гидов, но сделать в этом направлении предстоит еще много. Главным при этом остается вопрос, как удержать китайского туриста.

Манеж в Дворцовых конюшнях Петергофа

Манеж является смысловым и композиционным центром знаменитого грандиозного комплекса, построенного по проекту Николая Бенуа в 1848–1854 гг. Сохранился великолепный ажурный резной потолок. Он выполнен из мореного дуба и липы и органично вписывается в готический стиль здания.

Крытый манеж имеет прямоугольную форму. С одного торца был устроен предманежник, где хранилась амуниция для лошадей и через который их выводили на манеж. С этой же стороны располагались галереи для гостей и музыкантов. Во время тренировок играл духовой оркестр, и таким образом лошади привыкали к громкой музыке и сверкающим инструментам. С другой стороны здания располагалась ложа императора, который не только наблюдал за упражнениями в манеже, но и давал распоряжения их участникам.

В период оккупации во время Великой Отечественной войны часть помещений немцы использовали под госпиталь, благодаря чему историческое здание уцелело. После войны там было общежитие, потом в Императорских конюшнях работал санаторий «Петродворец», а непосредственно в манеже разместили столовую.

Сегодня планируется вернуть жизнь в Петергофские конюшни, приспособить манеж к современному использованию. В период с 2015–2018 гг. АУИПИК выполнен ряд консервационных и реставрационных работ, главными критериями которых стало бережное отношение и минимальное внедрение в историческую ткань здания, а также соблюдение принципа обратимости. Реализованные архитектурное и объемно-планировочное решения помещений манежа максимально приближены к историческому облику и задумке Н.Л. Бенуа.

Активно идет процесс подготовки Агентством документации для передачи входящих в ансамбль Императорских конюшен зданий, прилегающих к манежу, в коммерческую аренду с обязательным условием сохранения памятника архитектуры.

Вопросы и ответы пограничья

Мультикультурное пространство и общее наследие

Евгения Твардовская

Выборгский замок - объект инвестиций МБРР

Говоря о пространстве, мы непременно столкнемся с понятием его границ. А раз есть границы, значит, есть и пограничные территории. И если политические пределы четко описаны, определены и закреплены, то как быть с границами культурными, с атмосферой и общим духом территорий, которые за свою историю неоднократно меняли государственную принадлежность? Они так и остаются территориями неспокойными, многослойными – территориями взаимодействия разных пространств. В какой-то момент эти пространства сотрудничают. В следующий – настороженно отстраняются друг от друга. Потом начинают выяснять свое первенство. И все эти движения неизбежно проецируются на состояние облика городов, ландшафтов, сохранность памятников, отношение к прошлому, трактовке истории.

Особенно это чувствуется на Северо-Западе России, в Ленинградской области. Выборг в 1944 году получил практически полностью новое население, финские жители ушли, унеся с собой быт и уклад, культуру строительства, архивы. Сегодня финские специалисты готовы сотрудничать в сфере сохранения городских памятников, прекрасный пример – знаменитая реставрация Библиотеки Аалто. Но дальше – ситуация в усадьбе Монрепо, исторических кварталах Выборга выглядит неоднозначной и тревожной. Конечно, их сохранение – уже наша ответственность. Пространство – на нашей стороне. Но насколько наша сторона открыта и дружелюбна? Те же вопросы – в отношении Ивангорода и Нарвы, которые возрождаются параллельно, но при этом вопрос доступности нашей крепости становится все злободневнее.

В октябре 2018 года в Выборге прошла IX конференция «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы. Комплексные программы развития».

Читальный зал Библиотеки Аалто в Выборге после реставрации

Удачно – в одном месте в одно время оказались представители с разных сторон границы. И «ОГ» удалось получить ответы на вышеприведенные вопросы. Не всегда прямые. С известной долей дипломатии. Но – со вполне отчетливым вектором мысли.

Нетта Бёэк,
член правления
Национального комитета
ИКОМОС, Финляндия

– Как вам кажется, в чем специфика пограничного пространства в принципе и в Ленинградской области России в частности?

– Сложный вопрос. Я пишу докторскую диссертацию по очень древнему селу Куркиеки в Карелии. И через историю этого места я поняла многое о мультикультурности пространства и характере таких территорий. В Куркиеки жили карелы, затем шведы оккупировали этот район и многие карелы бежали в Россию, и там осели финны. Следующий этап – когда пришел Советский Союз. Население в этом местечке, как в Выборге, полностью менялось каждый раз. И для меня было интересно и важно найти слои разных этапов.

Конечно, очень мало осталось с карельских времен, только археологические следы. От шведского времени также осталось немного, так как пришел Петр Великий – но, кстати, тогда население не бежало, финны там остались. То есть культура остается в основе неизменной с XVII века, и в таком состоянии все переходит Советскому Союзу. Жители каждый раз должны были приспосабливаться к новым обстоятельствам и условиям. А во времена СССР туда приехали люди из разных уголков вашей страны, с разным культурным и образовательным уровнем, со своей историей; и они стали думать, как здесь жить и как приспособить пространство. И это очень важный фактор. Когда люди переезжают, они начинают делать новое пространство «своим», перекраивать, осваивать. И это происходило много раз в Ленинградской области.

И сейчас, я говорю это как финка и как исследователь, мы видим в Выборге и в Ленинградской области структуру, объекты, которые напоминают нам о финских людях, которые здесь жили, но есть и следы более ранние. Всегда в физическом пространстве есть присутствие других культурных слоев,

людей других обществ, взглядов, жизненного уклада. И другие слои замещают прежние. В течение последних ста лет мы видим больше российское влияние.

– Как работать с этими слоями, сохранять все?

– Конечно, это идеал, к которому надо стремиться, но это нереалистично. Ни в России, ни в Финляндии. Вы должны выбрать. И это происходит сейчас в Выборге. Государство выделило деньги на то, чтобы крупные организации могли подготовить свои проекты и свой взгляд на дальнейшее развитие, на осознание того, что важно в пейзаже и пространстве. Но теперь масштаб больше, деньги федеральные.

– Почему финнам интересно то, что происходит здесь?

– Не могу говорить за других. Скажу за себя. У меня нет русских корней. Когда я ходила в школу, а затем училась в Технологическом университете, который является предшественником Университета Аалто, я увлекалась историей, но нам практически ничего не рассказывали об этих территориях, только то, что они были переданы Советскому Союзу. Они оставались белым пятном на карте, абсолютной terra incognita. Нам только говорили: «Здесь такие-то области, здесь был Выборг, до войны был в составе Финляндии». И все.

Капелла-усыпальница Людвигсбург в Монрепо не вошла в программу реставрации и официально закрыта для посещения

Когда в 1990-е стало легче посещать эти территории, наши педагоги по архитектуре решили: «Давайте поедем и посмотрим». Это действительно была поездка в неизвестность. Сначала мы поехали в Петрозаводск и карельские деревни, потому что мы сотрудничали с Петрозаводским университетом, Вячеславом Орфинским и его коллегами. Нам показали в том числе Кижи. И я по Карелии сделала свой дипломный проект.

И побывав в Карелии, делая свою работу, я начала спрашивать себя: «А что там дальше, что произошло с пространствами, которые финны покинули?» И я стала много путешествовать в 2000-е годы. Это было очень интригующе, полная неизвестность: как развивались эти земли, особенно сельские. Развитие городских территорий, как известно, идет по-другому, более предсказуемо. Есть здания, думают о том, что с этими зданиями делать, развитие идет через новое строительство. Огромная разница между капиталистическим финским путем и социализмом особенно повлияла на сельскохозяйственные территории. Финская хуторная система расселения с небольшими дворами оказалась неподходящей для совхозов и колхозов, и приспособление этого пространства стало жестким процессом.

Так вот, я начала изучать русский, стала членом правления ИКОМОС, Финляндия, в 2014 году была приглашена подготовить международный семинар по сохранению культурного наследия в Выборге. Кроме того, я долго следила за реставрацией Библиотеки Аалто; мой педагог Майя Кайрамо и Тапани Мустонен, в чьем офисе я раньше работала, активно занимались реставрацией библиотеки как члены Объединения реставрации библиотеки г. Выборга в Финляндии.

– Российское пространство дружественно настроено к вашим инициативам?

– Сложный вопрос. Нас всегда встречают очень гостеприимно. Нам много помогают. Но... на деле мы можем много говорить и обсуждать, что считаем нужным, но это не выражается в конкретных делах и решениях. Повлиять на уровень реализации у нас не получается.

Нас приглашают на разного рода дискуссии. Но мне не кажется, что они имеют в конечном итоге какое-то значение. Иногда такое ощущение, что

нас приглашают, но не знают, что с нами делать. Как использовать наши рекомендации, наш опыт на каком-то конкретном уровне.

Я с пониманием отношусь к этой ситуации. У вас огромная страна и сложная иерархия, возможно, трудно через нее пробиться. Возможно, решение уже принято где-то наверху, а мы в самом низу.

Мы теперь иностранное государство. Мы не можем диктовать. Но нам бы хотелось иметь какой-то голос. Ведь на бывших финских территориях у нас общее наследие. И у нас много информации, архивных данных, возможностей, мы знаем культуру этого наследия. Мы знаем, как эти здания были построены. У нас есть архивы, документы – по историческому поселению, объектам, – которыми мы можем поделиться. И мы и вы заинтересованы в том, чтобы была правильная реставрация. А потому хочется быть в реальном конструктивном диалоге с теми, кто принимает решения, определяет меры и методы, подходы к сохранению. Случай с реставрацией Библиотеки Аалто редкий. Директор – мудрая женщина, которая организовала сотрудничество «Спецпроектреставрации», местной администрации и Объединения реставрации в Финляндии. И вышла замечательная реставрация здания модернизма, одна из лучших в мире. Конечно, этот опыт трудно распространить на все здания, но уроки надо извлечь. И главный – это сотрудничество.

– Возможно, это то, чему нас хочет научить пространство, к чему призывает. Как вам кажется, какой урок нам хочет оно преподать?

– А можно вас спросить – вы впервые в Выборге, какой это город для вас?

– Это финский город, похожий на Хельсинки и Тампере. Больше скандинавского типа.

– Многие именно так и отвечают, что неудивительно, ведь большая сохранившаяся часть города была построена финнами. И оттого это сегодня уникальное пространство. Мультикультурное, многослойное. Вы приезжаете и думаете: «Я не ожидал такого увидеть. Это отличается от того, что я видел раньше». И вы начинаете понимать историю и ценность. Пространство вас к этому призывает.

Нужно ценить эту атмосферу. Особое место с особым духом. И возможно, именно это нам пространство и хочет показать и этому нас научить. Тому, что мы видим, но пока еще не очень понимаем.

Александр Сакса,
начальник Выборгской археологической экспедиции, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН

«Еще 10–15 лет назад, когда выборжане спрашивали у меня, русский наш город или финский, многие из них считали, что финский. Все изменилось, когда начались активные археологические раскопки. Я привлекал к ним много местных ребят. И получилось так, что они выкопали собственными руками историю своего города. И вопрос был снят: выборжане почувствовали город своим, российским. И выразилось это в первую очередь в том, что стали уважать и ценить историческое наследие города, перестали лазить в раскопки, перестали грабить, перестали кидать туда мусор.

Центр Выборга реставрируется в том числе и на средства Нового банка развития БРИКС

Я много общаюсь с финскими коллегами и могу сказать, что их тоже нервировало то, что новые местные жители здесь все никак не могли укорениться. Финны были заинтересованы в том, чтобы новые выборжане наконец-то начали считать город своим. Потому что они в таком случае будут беречь финское наследие, как свое. В этом был очень болезненный вопрос.

Выборг – город четырех культурных традиций: карельской (на нашей территории были рыбацкие деревни, которые сохранялись в шведские времена), шведской, финской, русской... Здесь всегда было российское присутствие. В Средние века Выборг процветал как посредник в торговле между Русью и ганзейскими городами. Иногда во время торговых войн и запретов пути по Неве здесь было больше российских судов, чем в Нарве или Любеке. То есть здесь был «мост», выход российским купцам на Запад через Финский залив.

И он сейчас остается таковым. Президенты наши дружны, регулярно встречаются. И зачастую справки по истории Выборга для них готовим мы. Выборг может быть площадкой для нового российско-финляндского диалога – политического и в сфере наследия. Я часто высказываю идею создания этакого «российско-финского облака», в котором будут аккумулироваться реставрационный опыт, технологии, проекты.

Многое зависит от отношения конкретных должностных лиц, личностного фактора. На уровне специалистов дружба и сотрудничество есть. Но выйти на новый уровень ему не позволяет некоторая настороженность российских чиновников.

А ведь я верю в то, что Балтийское море станет общим пространством, морем дружбы и мира. Долгое время линия границы известного нам мира исторических городов Балтийского региона проходила по линии Таллинн – Турку. Восточная часть была неизвестна. И когда мы произвели раскопки в Выборге, выяснилось, что эта восточная часть получила продолжение и завершение, это балтийское пространство стало цельным. И вот тут можно объединить не только русское и финское: финны могут принести сюда то, что у них наработано с поляками, немцами, прибалтами. Мы можем предложить что-то свое. Сама ситуация, находки, само пространство ведет нас к открытости и объединению».

Минна Сильвер,
председатель
Национального комитета
ИКОМОС, Финляндия

«Пограничное пространство – это точка встречи, которая имеет много исторических и культурных слоев. Выборг имеет историю не только российскую, но и финскую, и шведскую. Мы должны сделать видимыми все слои. Искусственно выделяя или подавляя какой-либо один, мы либо обесцениваем, либо теряем сложную память места.

Стиль исторического центра Хельсинки называют российско-прусской неоклассикой и относят к царскому времени Российской империи. Если вы приедете, скажем, в финский город Хамина, что недалеко от современной границы с Россией, то у вас будет полное ощущение, что находитесь в России: город относился к Старой Финляндии, которая внедряла российское архитектурное планирование XVIII века. В западной же части Финляндии сильнее влияние Швеции.

Ивангородская крепость и Нарвский замок участвуют в международном проекте реставрации

В Финляндии есть те, кто помнит парк Монрепо, кто гулял там в детстве и юности. У людей сохранились чувства и любовь к Выборгу, было даже создано общество Pro-Monrepos, которое финансировало реставрацию храма Нептуна. Наконец, сама коллекция библиотеки из Монрепо находится в Финляндии, в то время как здание – в России. Поэтому, несмотря на то что сегодня Выборг – российский, мы не можем оставаться равнодушными к тому, что здесь происходит. Мы включили Выборг в программу ICOMOS Heritage-Alert, и, надеюсь, это возымело некоторый эффект.

Мы готовы советовать с профессиональной точки зрения, как ИКОМОС мы всегда отстаиваем аутентичность, а не реконструкцию, поэтому нас тревожит происходящее – в частности, в Монрепо: парк принимает облик французского регулярного, хотя всегда был пейзажным английским... Конечно, критика со стороны всегда страдает некоторой ограниченностью, мы не знаем ситуации от и до, не в курсе планов. Поэтому мы обратились к Министерству культуры Финляндии и надеемся, что наше ведомство вступит в диалог с российским министерством и попросит всю документацию и планы по проекту Монрепо».

Леся Колесникова,
директор Музейного агентства Ленинградской области

«В 2012–2015 годах Музейное агентство Ленинградской области выступило партнером международного эстонско-латвийско-российского проекта «Развитие уникального приграничного ансамбля крепостей Нарвы и Ивангорода как единого культурного и туристического объекта». Целью проекта стало развитие туристической инфраструктуры Нарвы и Ивангорода: реставрация исторических крепостных сооружений (бастиона «Виктория» в Нарве и Малого порохового амбара и Четвероугольной крепости 1492 года в Ивангороде), а также улучшение доступности туристической информации. Программа финансировалась из бюджетов Европейского Союза, Российской Федерации, Ленинградской области и средств ГБУК ЛО «Музейное агентство».

Мы надеемся, что совсем скоро второму этапу проекта «Развитие уникального приграничного ансамбля крепостей Нарвы и Ивангорода как единого культурного и туристического объекта» будет дан старт.

Проект предполагает реставрацию Большого порохового амбара на территории Ивангородской крепости и новые архитектурные решения для территории Нарвского замка. Неотъемлемым условием проекта является партнерство. Нам представляется это очень важным, поскольку исторические, архитектурные памятники Ивангородской крепости и Нарвского замка составляют уникальный ансамбль, обладающий потенциалом формирования единой туристической среды.

Немногие знают, что на территории Ивангорода и Нарвы располагаются также памятники промышленной архитектуры XIX века – район Парусинка и Кренгольмская мануфактура. Эти объекты также могут и должны стать частью туристических маршрутов.

Сегодня много делается для развития культурного наследия Ивангорода, но, к большому сожалению, остается много нерешенных вопросов, среди которых пограничный режим, который осложняет доступ в Ивангородскую крепость для туристов».

Мадис Туудер,
инспектор Департамента архитектуры и городского планирования (Нарва, Эстония)

«Если обобщить и упростить, то можно сказать, что Нарва и Ивангород – это советское пространство. После войны Нарва фактически была построена заново, и сегодня это фактически музей советского периода и пространства, быта.

Сейчас мы оказались на границе Евросоюза и России. И отличия становятся все более ощутимыми. Да если говорить откровенно, были они и во времена СССР, хоть и говорили на одном языке, и границы как таковой не было, мост можно было спокойно пересекать.

В Нарве еще достаточно просто попасть в замок, и все осмотреть, и остановиться. В Ивангороде больше закрытости, стало еще строже. Хотя это транзитный город, приграничный. Однажды я гулял по Ивангороду, и ко мне подходили и спрашивали, что вы снимаете, что здесь делаете. В Нарве такого нет. А ведь было бы идеально, если наши два города предлагали бы себя как единый туристический маршрут. История, география, архитектура – все к этому располагает».

Фото: Алена Головач, Мадис Туудер

Каркас, ткань и плазма

Алексей Крашенинников,

директор Научно-образовательного центра «Урбанистика»,
профессор МАрхИ

В первой половине XX века в градостроительстве восторжествовал принцип жесткого зонирования, закрепляющий строго определенные функции за участками городской территории. В ответ на упрощенный подход к архитектуре и в поисках утраченной городской среды проявились запросы на гуманность, человеческий масштаб, сохранение исторического наследия и формирование «публичных пространств».

Но и эти «нефункциональные» зоны в условиях централизованного городского хозяйства получили нормативные требования, их стали «прописывать» во всех случаях. В результате общественные пространства превратились в псевдообщественные, работающие по специально организованным праздникам, и оказались невостребованными большую часть времени. И вот в последние пять – десять лет мы опять наблюдаем возвращение интереса к «динамичным, инклюзивным традиционным общественным пространствам», поскольку стала очевидной их роль в решении важных социальных, экономических и экологических вопросов.

В профессиональной культуре архитектурного проектирования интерьер города строится как пространственная композиция – с целью получить содержательный, выразительный, запоминающийся строй образов, состоящий из отдельных кадров. Кадры видовых точек собираются в «фильм», обладающий содержанием и сюжетом. В ходе проектирования важно выявить особенности территории, устройства визуальных коридоров, панорам, воспринимаемых с дальнего расстояния.

Реальное использование территории объясняется комплексом культурных парадигм, которые имеют пространственное выражение в архитектуре зданий и облике открытых пространств. В процессе социальной практики городские пространства трансформируются и составляют телесный каркас городской среды. Пространство города объединяется транспортно-коммуникационным каркасом, который играет роль несущего остова для городской ткани. Коммуникационный каркас является наиболее устойчивой к изменениям частью планировочной структуры города. Как и в биологических объектах, каркас градостроительной системы формирует условия развития для «ткани», а «ткань» создает условия для подвижной и изменчивой «плазмы» городской среды. Структурная дифференциация градостроительных систем на каркас, «ткань» и «плазму» может быть использована для анализа и понимания строения городской среды. «Плазма городской среды» образована микропространствами мест нахождения людей; «ткань городской среды» соткана из мезопространств площадей и бульваров, окруженных кварталами зданий и инфраструктурой улиц; «каркас городской среды» представляет опорную структуру из магистралей, набережных и других пространственных разделителей, внутри которых территория подразделяется на макропространства анклавов, районов и округов.

Обитаемое пространство города включает как места повседневной активности, так и локусы уникальных событий, в том числе ярмарок, фестивалей, маскарадов, праздников и т.п. Городская среда пешеходных ареалов формирует соединительную ткань культурного ландшафта, которая «потребляется» горожанами на основе сочетания субъективных психологических факторов (принадлежности, открытости, воспоминаний) и объективных критериев: доступности, связанности. Планировщики изучают градостроительную ситуацию при помощи структурного анализа. Схема природного комплекса в масштабе города обычно выглядит, как дерево из рек и притоков, объединяющих участки с живой природой. Схема транспортной и инженерной инфраструктуры в градостроительных планах обычно выглядит, как сеть или решетка, образованная дорогами и улицами. Структурная схема общественных пространств будет выглядеть, как губка, состоящая из анклавов, районов и округов, обладающих различной доступностью и связанностью для населения.

> Пространства трансформируются и составляют телесный каркас городской среды

На уровне генерального плана структурными элементами губки выступают макропространства; на уровне проектов планировки важно представление о переплетении мезопространств с различным социальным статусом; на уровне городского дизайна и благоустройства микропространства подскажут оптимальные параметры элементов благоустройства и озеленения.

Когнитивная урбанистика исследует то, как человек оперирует знаниями о городской среде – усваивает их, запоминает, извлекает, передает другому человеку, использует при проектировании. В когнитивной урбанистике, в дополнение к классическим приемам градостроительного проектирования, предлагается учитывать различные модели поведения и восприятия городской среды, обусловленные когнитивными особенностями различных социальных групп. Имеют значение людность, оживленность, связанность мест и людей, отношения собственности и социальный статус участков территории. Люди оценивают, представляют, структурируют смыслы, опровергают, переворачивают замыслы, добавляют мифическое содержание и оспаривают логику градостроительного планирования.

Культурный ландшафт всегда принадлежит определенной социальной общности (группе, обществу, этносу и т. д.). Передающиеся от поколения к поколению уклад жизни и принятые нормы средового поведения интегрированы с городским пространством и вместе составляют средовые комплексы, которые являются застывшим выражением городской культуры. Развитие и гармонизация общественных пространств с высоким градостроительным потенциалом места, сохранение аутентичных объектов наследия позволит трансформировать городскую среду, существенно повысив ее узнаваемость.

От Выборга до Дербента

Итоги Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях – 2018

Ольга Грицан, руководитель аналитического отдела
Агентства стратегического развития «ЦЕНТР»

Конкурсное предложение города Елабуги (Республика Татарстан)

Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях был инициирован Минстроем России в рамках приоритетного проекта Правительства РФ «Формирование комфортной городской среды» во исполнение поручений Президента России по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления 5 августа 2017 года.

Цель конкурса – инициирование или активизация процесса формирования комфортной городской среды посредством развития общественных пространств, способствующего повышению качества жизни горожан, привлечению в город посетителей, развитию индустрии услуг, что в совокупности должно обеспечить долгосрочный социально-экономический эффект для города в целом. В случае исторических поселений это означает использование имеющегося потенциала историко-культурной составляющей города, уникальных особенностей объектов культурного наследия, сохранившейся средовой застройки и привлекательных ландшафтов.

Конкурс проводился в апреле – мае 2018 года при стратегическом партнерстве в проведении конкурсной процедуры с агентством стратегического развития «ЦЕНТР».

По сути, конкурс стартовал на Форуме малых городов и исторических поселений, состоявшемся 17 января 2018 года в Коломне, в котором приняли участие 460 человек из 71 субъекта Российской Федерации, в том числе 244 руководителя малых городов и исторических поселений. С участниками форума встретился Президент России Владимир Путин. По итогам решений, принятых на форуме, было принято постановление Правительства РФ от 7 марта 2018 года № 237 «Об утверждении Правил предоставления средств государственной поддержки из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для поощрения муниципальных образований – победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды», которым было установлено, что в результате конкурса в качестве поддержки лучшим проектам по созданию комфортной городской среды будут выделены дотации из федерального бюджета, общая сумма которых составит 5 000 000 000 рублей.

В соответствии с постановлением, в конкурсе вправе участвовать населенные пункты, имеющие статус города, с численностью населения до 100 тыс. человек включительно (малые города), а также населенные пункты, которые полностью или частично включены в перечень исторических поселений федерального значения или в перечень исторических поселений регионального значения, за исключением городов федерального значения и исторических поселений, являющихся административными центрами субъекта Российской Федерации (исторические поселения). Этим же постановлением был определен порядок проведения конкурса, в частности, процедура определения победителей.

Определение победителей конкурса осуществлялось федеральной конкурсной комиссией. Для организации оценки конкурсных заявок участников конкурса в рамках межведомственной рабочей группы были созданы экспертные рабочие группы по пяти категориям и подгруппам (категория «Исторические поселения» и четыре подгруппы категории «Малые города»), в которые вошли эксперты в области архитектуры, градостроительства, охраны культурного наследия, экономики или иных сфер.

Оценка конкурсной заявки участника конкурса осуществлялась в категории «Исторические

Конкурсное предложение города Касимова (Рязанская область)

Федеральной комиссией были выбраны 20 лучших проектов в категории «Исторические поселения», которые получат дотации из федерального бюджета на их реализацию:

1. Республика Татарстан. Елабуга.
2. Республика Татарстан. Село Билярск.
3. Республика Дагестан. Дербент.
4. Владимирская область. Суздаль.
5. Московская область. Зарайск.
6. Ивановская область. Плес.
7. Московская область. Сергиев Посад.
8. Владимирская область. Гороховец.
9. Ярославская область. Тутаев.
10. Московская область. Коломна.
11. Тульская область. Село Крапивна.
12. Ярославская область. Ростов Великий.
13. Нижегородская область. Арзамас.
14. Тверская область. Торжок.
15. Ленинградская область. Выборг.
16. Рязанская область. Касимов.
17. Псковская область. Опочка.
18. Архангельская область. Каргополь.
19. Ростовская область. Азов.
20. Новгородская область. Старая Русса.

поселения» и в категории «Малые города» в соответствии с критериями оценки конкурсной заявки на основании Методики оценки конкурсных заявок участников Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды, включая процедуру проведения оценки, предусматривающей дифференциацию критериев применительно к двум категориям – «Исторические поселения» и «Малые города».

В категории «Исторические поселения» оценка заявок производилась по критерию «Решение в проекте задачи сохранения историко-градостроительной и природной среды исторического поселения, составляющей его предмет охраны, обеспечение взаимосвязи с объектами культурного наследия, культурными ландшафтами, туристскими маршрутами, местами массового отдыха населения», в то время как для прочих малых городов применялся критерий «Формирование/выявление идентичности территории», исходя из возможности участия городов, на территории которых отсутствуют или документально не зафиксированы обладающие историко-культурной ценностью объекты. Тем не менее, независимо от того, в какую категорию подавались заявки, предлагаемые решения должны были учитывать не только нормативно-правовые ограничения по использованию территории, но и наличие и особенности объектов, имеющих важное культурное значение или обладающих нераскрытым культурным потенциалом, а также объектов, обладающих архитектурно-пространственной, мемориальной или общественной ценностью, и элементов нематериального культурного наследия.

Поданные на конкурс проекты прошли три уровня экспертизы

Поданные на конкурс проекты прошли три уровня рассмотрения:

- техническая экспертиза, результатом которой являлся допуск или отклонение конкурсной заявки от участия в конкурсе;

- экспертный отбор конкурсных заявок, оценка проектов Межведомственной рабочей группой (МРГ), в состав которой вошли специалисты в сфере архитектуры, дизайна городской среды, городской экономики. Результатом экспертной оценки стал допуск проекта к публичной презентации перед Федеральной комиссией (ФК) с целью определения финалистов конкурса;

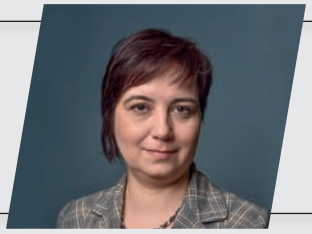
- публичная презентация проекта членам Федеральной комиссии, по результатам которой были выбраны лучшие проекты, которые получат дотации из федерального бюджета на реализацию.

На сайт конкурса было подано 455 заявок из 82 регионов. К экспертному отбору были допущены 434 заявки, в том числе в категории «Исторические поселения» – 53 заявки, чуть менее одной восьмой от общего количества заявок. Тем не менее, если сопоставить общее количество заявок в соответствующей категории с количеством исторических поселений федерального и регионального значения (173), более трети исторических поселений РФ участвовали в конкурсе.

Количество заявок, которое мог подать субъект Российской Федерации, не имело ограничений, в связи с чем ряд регионов, как правило, с сильным административным ресурсом, направили несколько заявок, а некоторые регионы, имеющие исторические поселения на своей территории, ни одной. Регионы – лидеры по количеству поданных заявок в категории «Исторические поселения» – Московская область (восемь), Вологодская область (семь), Псковская область и Республика Татарстан (по четыре), Тверская и Владимирская области (по три).

P.S. Минстрой России определил дату старта конкурса малых городов и исторических поселений 2019 года. Правительством РФ утвержден национальной проект «Жилье и городская среда», в рамках которого будет осуществляться финансирование конкурса в течение шести лет. Общий объем составит 30 млрд рублей. Муниципалитетам, которые захотят принять в нем участие в 2019 году, необходимо до 1 декабря 2018 года принять соответствующее решение и начать сбор предложений от жителей, до 1 апреля 2019 года подать заявки в федеральную комиссию. Победители будут объявлены к 1 июня 2019 года.

Как рассказала директор департамента городской среды Минстроя России Оксана Демченко на Всероссийской конференции малых городов и исторических поселений, которая прошла в Выксе 5–7 октября 2018 г., с 2019 года от каждого региона России в одной номинации будет приниматься не больше пяти заявок, а преимуществом будет считаться синхронизация с другими проектами.



Ольга Рыжко,
руководитель одной из экспертных рабочих групп конкурса, член Экспертного совета ВООПИК

– Целью конкурса является поддержка проектов по созданию привлекательных и комфортных городских пространств, которые способствуют повышению качества жизни, привлекают посетителей, развивают индустрию услуг. Для исторических поселений это означает в том числе соблюдение обязательных условий по использованию историко-культурного потенциала планировочных решений, возможность сохранения уникальных объектов наследия в характерной для них средовой застройке и природном ландшафте. Реализация проектов-победителей должна способствовать началу процесса развития комфортной городской среды.

«Программа-минимум» для участников конкурса – создать в своем поселении, городе локальные участки с благоустроенной комфортной средой. Экспертные комиссии оценивали, как в этих проектах производилась работа по привлечению населения к проектированию; использование так называемого механизма соучастного проектирования было одним из обязательных критериев. У исторических поселений были несколько иные критерии, главными из которых были приоритет сохранения их историко-культурной ценности и выявление исторической и культурной идентичности.

На участие в конкурсе было подано 455 заявок из 82 регионов. Как ни странно, в категории исторических поселений было подано не так уж много заявок (55), и шансов выиграть в этой номинации было значительно больше. Возможно, потому что сумма финансирования в этой подкатегории была не самая большая – всего 50 миллионов рублей. Некоторые города, являющиеся историческими поселениями, побоялись подать заявку в номинации «Исторические поселения», хотя у них были все шансы победить! Например, проект из города Новозыбкова (Брянская область) мог бы легко победить в этой категории. Но заявка была подана в номинации «Малые города», где была очень серьезная конкуренция.

На мой взгляд, среди самых удачных в представленных проектах среди исторических поселений – это, несомненно, проекты комфортной среды для городов Дербент, Выборг, Бугульма, Елабуга и ряда других. Интересны проектные предложения, разработанные для Осташкова. В экономической части проекта даются предложения, как привлечь потенциальных инвесторов к сохранению исторического города. По мнению авторов, для того чтобы реанимировать улицу, а вместе с ней всю центральную часть города, надо обязательно создать благоприятные условия для появления новых хозяев.

Первый этап конкурса, связанный с рассмотрением заявок и объявлением победителей, завершился, но активная работа продолжается – победители перешли к реализации проектов. Сейчас идет рабочее проектирование. Надеемся, что все участники успеют реализовать свои проекты к декабрю 2019 года.

Купцы и «зеркало Дракулы»

Особняк купцов Брусницыных в Санкт-Петербурге – эталонный образец эклектического стиля. Свой нынешний облик он получил в 1884 году после капитальной перестройки уже существовавшего здания, впервые упоминаемого еще в 1844 году.

Примечательно, что особняк на протяжении всей своей биографии рос и видоизменялся вслед за бизнесом своих хозяев, а также все время сохранял отношение к кожевенному производству. Династия Брусницыных превратила скромную мастерскую в фабрику с 600 рабочими. А после революции особняк передали кожевенному заводу имени А.Н. Радищева, в доме разместили заводоуправление.

Особняк знаменит своими роскошными, хорошо сохранившимися интерьерами: парадной столовой, Красным кабинетом, Белым залом. Как и положено старинному дому, есть у него и своя легенда. С особняком связана тайна «зеркала Дракулы», очень любимая петербуржцами. Действительно, в начале XX века в особняк доставили из Италии зеркало, которое якобы когда-то висело в одном из венецианских палаццо, где хранился прах графа Дракулы. После того, как в доме появилось зеркало, члены семьи стали чувствовать постоянные недомогания. Зеркало спрятали в кладовую. После революции оно оказалось во Дворце культуры имени С.М. Кирова, а позже, по решению КГИОП, снова вернулось в особняк, в кабинет заместителя директора завода.

В 2016 году особняк купцов Брусницыных был передан в оперативное управление Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК). Сейчас Агентство обеспечивает подготовку научно-проектной документации на проведение первоочередных противоаварийных работ (срок – начало 2019 года). Одновременно идет оценка рыночной стоимости арендной платы, чтобы впоследствии включить дом в имущественный оборот.

Восстанавливая связь времен

Сегодня мы становимся свидетелями возрождения преемственности истории

Конный памятник императору Александру III у входа в Мраморный дворец в Санкт-Петербурге – самая известная работа Паоло (Павла) Трубецкого. С проектом этого монумента автор победил в конкурсе, объявленном накануне завершения строительства Великого Сибирского пути (Транссибирской магистрали). Памятник был торжественно открыт в присутствии императора Николая II в 1909 году.

Мало кто знает, что первый тур конкурса проектов был объявлен еще 25 ноября 1899 года. К участию в нем приглашались ведущие скульпторы и архитекторы: Александр Опекушин, Матвей Чижов, Владимир Беклемишев, Артемий Обер, Роберт Бах, Федор Шехтель, Антоний Томишко. Паоло Трубецкой тогда представил эскиз «Сидящего на троне Александра III». Государь предстает восседающим на троне, который словно вырастает из глыбы постамента. Так автор стремился передать традиционализм императора, его верность устоям Российской державы.

Ни один из предложенных проектов не был одобрен: комиссия решила продлить конкурс, результатом которого и стала знаменитая конная скульптура у Мраморного дворца. Модель первого памятника работы Паоло Трубецкого сохранилась в коллекции Русского музея. Российское военно-историческое общество (РВИО) совместно с Российским историческим обществом предложили воплотить этот проект в жизнь и объявили конкурс на создание памятника Александру III. Монумент планируется установить в 2019 году в Арсенальном каре Большого Гатчинского дворца: в годы правления Александра III в Гатчине располагалась императорская резиденция.

Есть примеры воссоздания памятников и в Москве. В 2017 году в сквере у Никольской башни Кремля был открыт памятник-крест великому князю Сергею Александровичу, установленный на месте его гибели. Первый памятный крест был изготовлен на народные пожертвования в 1905 году. Благословение на его создание дала вдова погибшего князя великая княгиня Елизавета Федоровна. Над композицией работал выдающийся русский художник Виктор Васнецов. Символ памяти и скорби был в одночасье уничтожен в 1918 году.

После революции подобная участь постигла несчетное количество памятников по всей стране. Символично, что в год 100-летия русской революции историческая справедливость восторжествовала. По поручению главы государства и при поддержке Министерства культуры РФ Российским военно-историческим обществом и Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» были проведены работы по восстановлению креста. Прерванная нить времен соединилась.

«Сегодня мы видим, как возрождаются храмы, открываются монастырские обители, обретаются утраченные святыни, восстанавливается единство российской истории, в которой нам дорога каждая страница, какой бы трудной она ни была. Это наши национальные духовные корни», – сказал на церемонии открытия Президент России Владимир Путин.

Еще одна важная тема – увековечивание памяти жертв и героев Первой мировой войны, 100-летие окончания которой мир отмечает в ноябре 2018 года. Жизни более 10 млн человек навечно записаны на этой трагической странице истории. О массовом героизме наших воинов свидетельствуют награждения Георгиевским крестом. Около 1,2 млн нижних чинов стали георгиевскими кавалерами, из них 30 000 получили полную степень. Из всех стран – участниц этой войны Российская армия понесла самые большие потери: свыше 885 000 погибших и без вести пропавших солдат и офицеров и около 2,7 млн раненых.

> Усилиями РВИО установлено 233 памятника и свыше 2 600 мемориальных досок

Первый общенациональный памятник героям и жертвам Первой мировой войны был открыт РВИО в Москве на Поклонной горе в 2014 году (к 100-летию начала войны). Затем памятники героям Первой мировой были созданы и в ряде регионов России – Волгограде, Гусеве, Калининграде, Кирове, Пскове, Липецке, Саранске, Туле и других городах, а также во Франции, Словении и Сербии.

Большая работа ведется и по воссозданию памятников защитникам Отечества, павшим на полях сражений Великой Отечественной войны. Начиная с 2014 года РВИО установлено 42 монумента в разных регионах России. Памятники советским воинам появляются не только на месте композиций, «утративших вид» в силу времени, но и на территории братских воинских захоронений. Усилиями РВИО установлено 233 памятника, стелы и бюста в России и за рубежом и свыше 2 600 мемориальных досок Героям Советского Союза и полным кавалерам орденов Славы.

Обретают новую жизнь и московские усадьбы. Так, долгое время находившаяся в плачевном состоянии усадьба Тургеневых – Боткиных превратилась в уникальный музей. Возродить ее удалось Агентству по управлению и использованию памятников истории и культуры в сотрудничестве с РВИО.

Усадьба Тургеневых – Боткиных возникла в Петроверигском переулке в середине XVIII века. С 1803 по 1807 год она принадлежала директору Московского университета Ивану Тургеневу (отцу знаменитых братьев Тургеневых – Александра и Николая), став одним из блестящих литературных салонов Москвы. Здесь часто бывали Карамзин и Жуковский. После смерти Тургенева имение не раз меняло владельцев. В 1812 году здания комплекса сильно пострадали от пожара. Спустя два десятилетия усадьбу приобрел московский купец и предприниматель Петр Боткин. Дом снова стал одним из центров культурной и общественной жизни, где бывали Герцен, Огарев, Белинский, Гоголь, Толстой.

В 1918 году усадьба была национализирована. Сначала в доме были устроены коммунальные квартиры, а после Великой Отечественной войны здесь поочередно размещались детский сад, ясли, склад. В постсоветское время старинные здания усадьбы сдавались в аренду и субаренду. Многочисленные постояльцы не отличались бережным отношением к памятнику, зачастую груды мусора сваливали прямо на прилегающую территорию.

Былое величие дома в Петроверигском возродилось в 2017 году, когда в отреставрированной усадьбе открылся Музей военной формы одежды. На прилегающей территории создана «Аллея правителей», где установлены бюсты 42 лидеров страны: от великих князей периода образования Древнерусского государства до руководителей периода новейшей истории России.

«Экспозиция "Аллеи правителей" будет постоянной. Мы открывали эту аллею в три этапа: первый этап – правители дореволюционной России от Рюрика до 1917 года, второй этап – правители советские. Третий – правители современной России. Деятельность Российского военно-исторического общества направлена на то, чтобы помнить героев всех эпох. Мы выступаем за непрерывность и единство истории, за то, чтобы каждая эпоха заняла свое место в исторической памяти», – подчеркнул министр культуры РФ, председатель РВИО Владимир Мединский.

Евгения Евграфова
Фото: пресс-служба Администрации Президента РФ, пресс-служба РВИО

Ярославль. Храм Николы Мокрого после бомбардировки 1918 года

Ярославский протокол № 7

Первая масштабная реставрация Советской России как эхо гражданской войны

Константин Михайлов

В 2018 году в России можно отмечать множество круглых юбилеев – столь много исторического творилось ровно сто лет назад. Но поскольку мы верны теме охраны памятников, то вслед за столетием государственного первого декрета на эту тему и созданием системы госорганов охраны наследия (см. статью историка Александра Лебедева в № 5, 2018 «ОГ») – не можем обойти вниманием 100-летие первой советской масштабной реставрации памятников архитектуры Ярославля, начинавшейся осенью 1918 года.

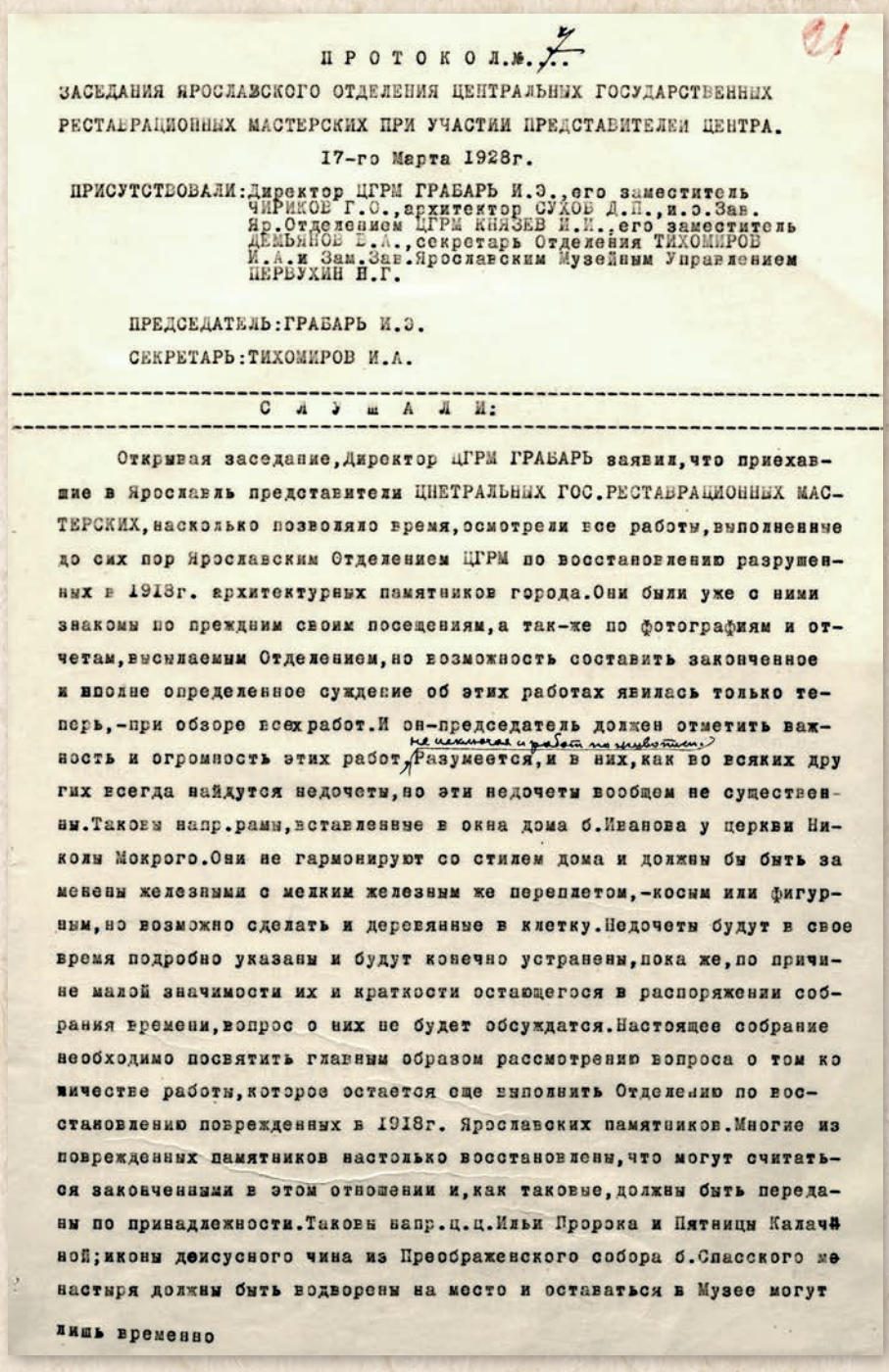
Строго говоря, первой реставрационной кампанией советской власти следовало бы считать восстановление памятников Московского Кремля после осеннего артобстрела 1917 года (см. интервью историка архитектуры Андрея Баталова в № 6, 2017 «ОГ»). Однако по размаху ремонтно-реставрационные работы на десятках памятников Ярославля, растянувшиеся более чем на десять лет, намного превосходят кремлевские.

Как и в столице, ярославская реставрация 1918 года стала эхом и прямым следствием разгоравшейся гражданской войны. Памятники города на Волге жестоко пострадали во время подавления в июле 1918 года т.н. «ярославского мятежа» против советской власти. Тем более удивительно, как в разоренной стране, где ощущался недостаток любых ресурсов и только складывалась система государственного управления, за считанные недели была организована работа по восстановлению поврежденных от артобстрелов и бомбежек памятников, найдены средства и рабочие руки.

Боевые действия в Ярославле в июле 1918 года. Карта. Источник: Галкин В.А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 году. Ярославль, 1939

Трудно даже представить, что если бы, не дай Бог, сегодня экстренного вмешательства одновременно потребовали бы более 20 пострадавших от какого-нибудь стихийного бедствия объектов культурного наследия – сколько лет заняла бы организация операции по их спасению у нынешней государственной системы охраны наследия...

События антисоветского восстания в Ярославле 6-21 июля 1918 года, в общем-то, хорошо известны, не станем пересказывать. Меньше известны детали и последствия



ПРОТОКОЛ №. 1

ЗАСЕДАНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕСТАВРАЦИОННЫХ МАСТЕРСКИХ ПРИ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА.

17-го Марта 1928г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Директор ЦГРМ ГРАБАРЬ И.Э., его заместитель ЧИРИКОВ Г.О., архитектор СУХОВ Д.П., и.о.Зав. Яр.Отделением ЦГРМ КНЯЗЕВ И.И., его заместитель ДЕМЬЯНОВ Б.А., секретарь Отделения ТИХОМИРОВ И.А. и Зам.Зав.Ярославским Музейным Управлением ПЕРВУХИН Н.Г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ГРАБАРЬ И.Э.

СЕКРЕТАРЬ: ТИХОМИРОВ И.А.

С Л У Ш А Л И:

Открывая заседание, Директор ЦГРМ ГРАБАРЬ заявил, что приехавшие в Ярославль представители ЦНЕТРАЛЬНЫХ ГОС. РЕСТАВРАЦИОННЫХ МАСТЕРСКИХ, насколько позволяло время, осмотрели все работы, выполненные до сих пор Ярославским Отделением ЦГРМ по восстановлению разрушенных в 1918г. архитектурных памятников города. Они были уже с ними знакомы по прежним своим посещениям, а так-же по фотографиям и отчетам, высылаемым Отделением, но возможность составить законченное и вполне определенное суждение об этих работах явилась только теперь, - при обзоре всех работ. И он-председатель должен отметить важность и огромность этих работ. Разумеется, и в них, как во всяких других всегда найдутся недочеты, но эти недочеты вообщем не существенны. Таковы напр. рамы, вставленные в окна дома б.Иванова у церкви Николы Мокрого. Они не гармонируют со стилем дома и должны бы быть заменены железными с мелким железным же переплетом, - косым или фигурным, но возможно сделать и деревянные в клетку. Недочеты будут в свое время подробно указаны и будут конечно устранены, пока же, по причине малой значимости их и краткости остающегося в распоряжении собрания времени, вопрос о них не будет обсуждался. Настоящее собрание необходимо посвятить главным образом рассмотрению вопроса о том количестве работы, которое остается еще выполнить Отделению по восстановлению поврежденных в 1918г. Ярославских памятников. Многие из поврежденных памятников настолько восстановлены, что могут считаться законченными в этом отношении и, как таковые, должны быть переданы по принадлежности. Таковы напр. ц.ц. Ильи Пророка и Пятницы Калачной; иконы деисусного чина из Преображенского собора б.Спасского монастыря должны быть водворены на место и оставаться в Музее могут лишь временно

войсковой операции по его подавлению. Красные войска, окружившие кольцом центр города (в том числе всю нынешнюю «зону ЮНЕСКО»), поначалу вели прицельный артиллерийский огонь по штабу восстания и местам сосредоточения повстанцев. Однако поскольку быстрого эффекта это не принесло, решено было перейти к тотальному погрому Ярославля.

Гражданскому населению дали срок и «коридор» для выхода из города, после чего красная артиллерия и бронепоезда приступили к его обстрелу «по площадям», последовательно уничтожая целые улицы и кварталы. Артобстрел дополняли бомбардировки с аэропланов. Несколько дней Ярославль пылал, поскольку тушить пожары было некому, а пожарная часть и водонасосная станция были разрушены.

По подсчетам историков, в занятом повстанцами центре города было уничтожено до 80 % всех зданий и сооружений. Сгорело 20 заводов и фабрик, было уничтожено 2147 домов, без крова остались 28 тыс. жителей. О памятниках архитектуры и культурных учреждениях Ярославля красные командиры, естественно, не думали. В огне погиб известный на всю страну Демидовский лицей с его знаменитой библиотекой, пострадали Большой и Малый Гостиные дворы, десятки храмов XVI–XIX вв., без малого 70 зданий общественного назначения. Наиболее сильные разрушения понесли городской Успенский собор и памятники в районе Стрелки, Спасо-Преображенский монастырь и храмы на набережной Которосли, храм Николы Мокрого, а также занимавшая «стратегическую позицию» у моста через Волгу церковь Петра и Павла.

Сведения о разрушении Ярославля быстро дошли до Москвы, и действовавшие уже органы охраны памятников стали принимать срочные меры. Уже через несколько дней после подавления мятежа отдел охраны памятников Наркомата имуществ направил в Ярославль для обследования состояния памятников архитектуры художника Аникиту Хотулева. Вернувшись из командировки на гражданскую войну, тот представил отчетный доклад с полным списком разрушений. Вот что сказано, например, в «мониторинге» Хотулева о церкви Николы Рубленый Город: «Она так разрушена,

ПЕРВУХИН выразил мнение о преждевременности передачи Ильинского храма Губ.Музейному Управлению,т.к. признать этот храм законченным он не может.Как известно присутствующим,не смотря на произведенные в 1914г.укрепительные работы по фундаменту,колокольня храма продолжает крениться,что вызывает увеличение трещин в сводах галлереи.Еще в более худшем состоянии находится храм Рождества Хр.Южный придел его и западная стена самого храма находятся почти в катастрофическом состоянии.Частично он передан Музейному Управлению и используется им в некоторой степени.Что касается собственных средств Управления,то по смете таковых на ремонтные работы предусмотрено около 4000руб.,но их хватит только на мелкий текущий ремонт собственно Музеев.Таким образом Управление лишено всякой возможности потдерживать указанные памятники, а следовательно передача их Управлению равносильна обречению их на разрушение.Кроме того нужно иметь ввиду полное отсутствие в Управлении необходимого для ремонтно-реставрационных работ технического персонала.

ГРАБАРЬ указал,что его поняли не достаточно верно.Он поставил вопрос о ликвидации лишь тех повреждений Ярославских памятников,которые причинены им во время подавления мятежа 1918г.,а не о ремонте и реставрации этих памятников вообще.В указанном же разрезе восстановление Ярославских памятников для большинства случаев можно считать законченным.Раз же восстановление кончено, то вместе с ним кончается и право Отделения держать за собой памятник в дальнейшем.

СУХОВ высказался в том же смысле и согласился с необходимостью передачи Ильинского храма Музейному Управлению с оставлением наблюдения за состоянием как этого,так и других памятников на обязанности Отделения.

ЧИРИКОВ указал на необходимость в ближайшее же время укрепить икону Михаила Архангела и северную дверь в Ильинском храме.

БРЯГИН сообщил,что летом 1927г.им уже укреплено там до 25 икон, но что для обеспечения сохранности икон указанного храма их необходимо все перечистить заново ,т.к.одно укрепление не устранят причину порчи-перегоревшую олифу.

что смотришь и как-то не веришь, что когда-нибудь можно будет ее восстановить из этих развалин... нет, кажется, ни одного целого местечка». Другой отрывок, о состоянии храмового ансамбля Николы Мокрого: «Часть замечательной шатровой колокольни высотой

Успенский собор (внизу) и Соборная колокольня в Ярославле после обстрела красной артиллерией. Колокольня не была признана реставраторами ценной и разобрана в 1929 году. Успенский собор, отреставрированный к середине 1920-х гг., взорван в 1937-м. На его месте в 2004–2010 гг. выстроено здание нового собора

22

П О С Т А Н О В И Л И:

В тех случаях когда памятники древней живописи окажутся нуждающимися в укреплении и других охранных работах-брать их в Ярославское Отделение ЦГРМ для произведения этих работ за счет владеющих памятником организаций. Наблюдение за памятниками древней живописи путем периодических обходов храмов и музеев поручить Н.И.БРЯГИНУ, а наблюдение за состоянием архитектурных памятников и принятие нужных для этого мер /наложение маяков и т.п./поручить И.И.КНЯЗЕВУ.

С Л У Ш А Л И:

КНЯЗЕВ прочел список тех зданий, числящихся за Отделением, которые Отделение находило бы возможным довольно безболезненно передать Коммунальному хозяйству в первую очередь, а именно: кроме ранее переданных домов №1 по Октябрьской ул., №22 на Советской площ. еще б. Ххххххх Толгский м-рь, дом №38 на площади Нобельского, №33 и 35 по Срубной ул., жилые корпуса б. Афанасьевского м-ря и ряд церквей: Пятницкую, Спаса на Городу, Рождества Богородицы, Димитрия Солунского и Петра Митрополита.

СУХОВ заметил, что Толгский м-рь передавать нецелесообразно бы т.к. в противном случае его, всего вероятнее, ждет гибель: поддерживать и заботиться не будут, а обветшалый перестроят или совсем сломают.

ТИХОМИРОВ напомнил, что монастырь известен в западной Европе, что его собор отмечен в тамошней ученой литературе, хотя-бы напр. ученым и крупным архитектором-исследователем Виоле ле Дюк"ом, считающим его в конструктивном отношении одним из замечательнейших произведений зодчества. Одно это уже накладывает на владельца м-ря обязанность употреблять все меры к наилучшему его сохранению. Не меньших забот заслуживает так-же кедровый парк при монастыре, - единственный, насколько известно, во всей средней России. Он мог бы служить в качестве прекрасного питомника для разведения полезного вида деревьев в крестьянских и советских хозяйствах, как оно и было в прежнее время.

КНЯЗЕВ добавил, что на использование Толгского м-ря со стороны Главнауки может быть заключен договор.

ПЕРВУХИН выразил недоумение-куда или кому передавать? Музейному Управлению? но что оно будет делать с переданным? ведь, помимо остального наружная охрана переданного много превысит средства это-

Вслед за обследованием, благо законодательство о тендерах в России 1918 года еще не развилось до нынешнего блистательного состояния, Музейным отделом Наркомпроса была быстро, в сентябре 1918-го, организована Ярославская реставрационная комиссия. Ее деятельностью руководили Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), и она проработала до 1930 года на правах специального отделения ЦГРМ.

В Ярославль для организации ремонтно-реставрационных работ были направлены из Москвы видные специалисты: архитекторы П.Д. Барановский и Д.М. Агафьин, художник П.А. Алякринский. Барановский 4–5 августа 1918 года составил список 24 памятников архитектуры Ярославля, требовавших безотлагательного ремонта. В докладе, представленном в Наркомпрос, Барановский подчеркивал: «Во время бомбардировки и произошедшего от нее пожара много ценнейших памятников русского зодчества XVII века понесло такие сильные повреждения, что восстановить их в прежнем виде будет стоить громадных усилий

Церковь Николы Рубленый Город на набережной реки Которосли после артобстрела

в 11 саженей разрушена, колокола лежат на парапетах. Угловая часть шатрового придела также снесена снарядами. Купола почти все пробиты, барабаны также, во всем храме почти ни одного целого стекла не осталось. Стены тоже пробиты, масса следов пуль, как ружейных, так и шрапнельных. Так как эта церковь переходила в гражданскую войну из рук в руки, зимний храм хотя и поврежден, но значительно меньше пострадал, так как лежит он значительно ниже летнего».

го Управления.10 храмов-10 сторожей по 20руб.в месяц каждый,две смены-это уже 400руб.в месяц,да страхование,спец-одежда и проч. и итого 5000руб.в год.Откуда взять эти деньги? А есть памятники, место-нахождение которых не позволяет ставить одного сторожа,например ц.Николы Мокрого,находящаяся рядом с "Калинами" Ярославской Вяземской лавры ,-там и двое-то не в состоянии что либо сделать.Вообще положение с охраной стоит чрезвычайно остро и уже давно и настоятельно требует своего разрешения.Тут требуется сделать что то решительное и основательное,что бы вывести этот вопрос раз навсегда из области вопросов,ибо все разговоры на месте решительно никчему не приводят.Ответ один-нет денег.Между тем не только со стороны публики,но и со стороны власти постоянно раздаются нарекания на Музейных деятелей за нерадение и недостаток внимания к памятникам.Имея сказанное ввиду ПЕРВУХИН просит совещание предпринять что нибудь такое,что имело бы более реальную почву,чем одни пожелания.

П О С Т А Н О В И Л И:

Возбудить совместно с местными музейными учреждениями ходатайство перед центральными органами об урегулировании указанного вопроса. В отношении передачи Горкомхозу части владений,предложенных КНЯЗЕВЫМ согласиться за исключением быв.Толгского м-ря,вопрос о котором разрешить в Центре,дело о передаче предварительно решить в местной комиссии с Г.К.О.

С Л У Ш А Л И:

В связи с рассмотренным вопросом ПЕРВУХИН ставит вопрос о временном перемещении резных клиросов или т.н."царских мест"из ц.Николы Мокрого в Ильинский храм,ввиду того,что никаким образом нельзя ручаться за то что эти клиросы не изуродуют или даже вовсе не уничтожат просто ради хулиганства.

ГРАБАРЬ и СУХОВ высказались против перемещения:это нарушает правило сохранения памятников в полном их составе,такая перевозка обезценит один памятник и их загромоздит.

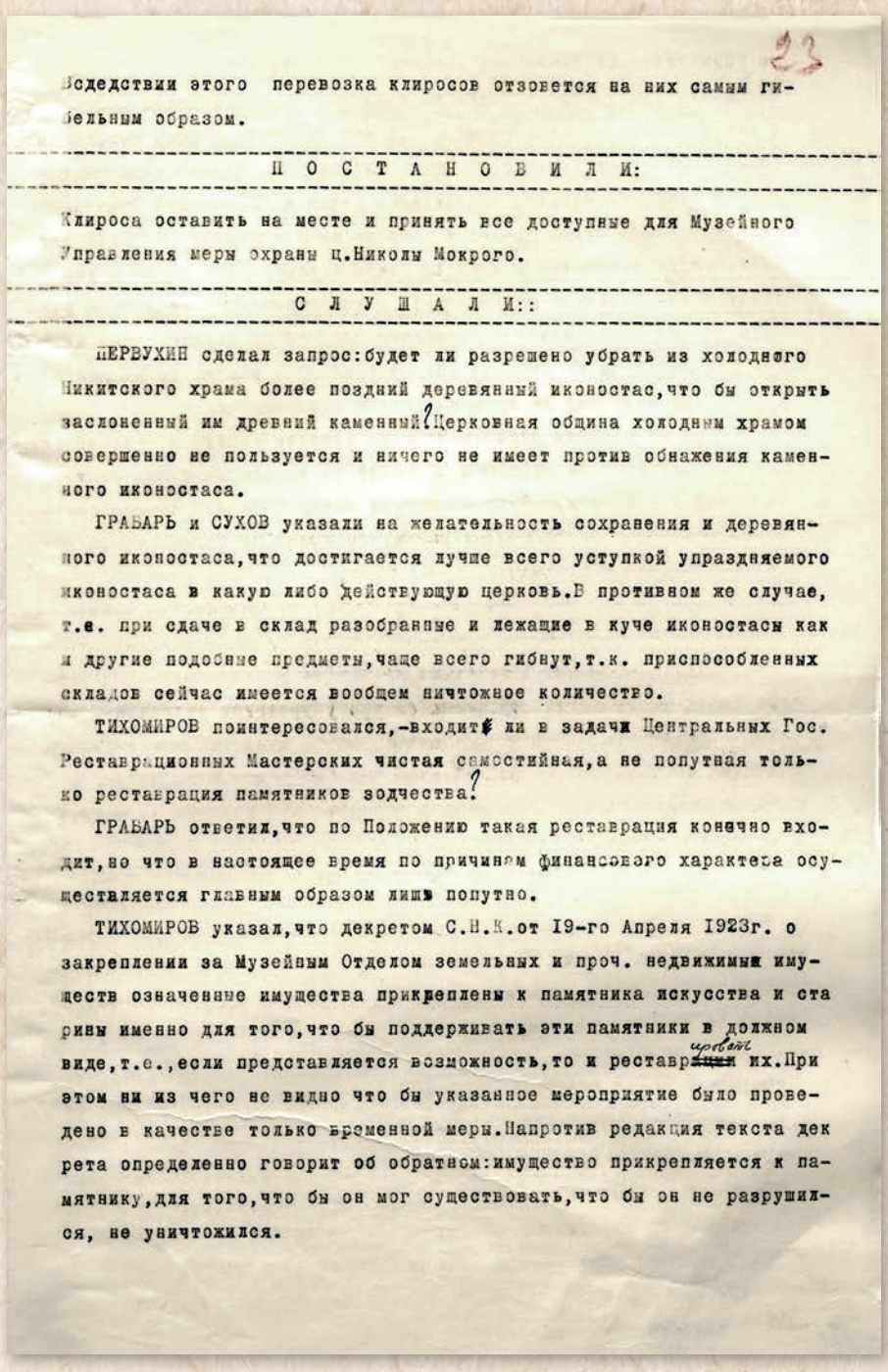
ТИХОМИРОВ указал на опасность перемещения для целости клиросов. Они клееные на деревянных гвоздях за свое долгое существование пересохли и рассохлись,расщелялись,покоробились и вообще обветшали. Для перевозки их нужно разобрать,а всякая разборка неизбежно связана с поломками и утратами.

Храм Николы Мокрого. Последствия артобстрела и начало реставрационных работ

и средств... Спешить с этой работой необходимо, так как некоторые памятники имеют повреждения в конструктивных частях и непринятие экстренных мер грозит им полным разрушением... По дивным стенописям вот уже несколько дней течет дождевая вода, разрушающая их; своды также промокают... Особенно сильно от обстрела пострадали храмы Петра и Павла, Николы Мокрого, Богоявления и постройки Спасского Монастыря».

Интересные подробности, в том числе и о «политической оценке» В.И. Лениным ярославской реставрации, рассказывает в своих дневниковых записях видный архитектор-реставратор Н.Д. Виноградов, руководивший в 1918 году Комиссией Моссовета по охране памятников искусства и старины:

«31 июля 1918 г. День до половины четвертого работал в комиссии, а с половины четвертого до шести – в заседании коллегии отдела, где был весьма интересный доклад по Ярославлю. Докладчиком был Хотулев, привезший массу фотографий и даже куски черепицы...



Вследствии этого перевозка клиросов отзовется на них самым гибельным образом.

П О С Т А Н О В И Л И:

Клироса оставить на месте и принять все доступные для Музейного Управления меры охраны ц.Николы Мокрого.

С Л У Ш А Л И::

ПЕРВУХИН сделал запрос:будет ли разрешено убрать из холодного Никитского храма более поздний деревянный иконостас,что бы открыть заслоненный им древний каменный? Церковная община холодным храмом совершенно не пользуется и ничего не имеет против обнажения каменного иконостаса.

ГРАБАРЬ и СУХОВ указали на желательность сохранения и деревянного иконостаса,что достигается лучше всего уступкой упраздняемого иконостаса в какую либо действующую церковь.В противном же случае, т.е. при сдаче в склад разобранные и лежащие в куче иконостасы как и другие подобные предметы,чаще всего гибнут,т.к. приспособленных складов сейчас имеется вообщем ничтожное количество.

ТИХОМИРОВ поинтересовался,-входит ли в задачи Центральных Гос. Реставрационных Мастерских чистая самостийная,а не попутная только реставрация памятников зодчества?

ГРАБАРЬ ответил,что по Положению такая реставрация конечно входит,но что в настоящее время по причинам финансового характера осуществляется главным образом лишь попутно.

ТИХОМИРОВ указал,что декретом С.Н.К.от 19-го Апреля 1923г. о закреплении за Музейным Отделом земельных и проч. недвижимых имуществ означенные имущества прикреплены к памятника искусства и старины именно для того,что бы поддерживать эти памятники в должном виде,т.е.,если представляется возможность,то и реставрация их.При этом ни из чего не видно что бы указанное мероприятие было проведено в качестве только временной меры.Напротив редакция текста декрета определенно говорит об обратном:имущество прикрепляется к памятнику,для того,что бы он мог существовать,что бы он не разрушился, не уничтожился.

9 августа. Утром Малиновский, зайдя ко мне, заявил, что я должен буду выехать в Ярославль, где мне придется вести главную политическую работу по организации ревизии. Я не возражал, но и согласия не давал. Погодя разговаривал с Лениным. Он требовал, чтоб я оживил местные художественные силы. Я сказал ему о моем назначении в Ярославль, на что получил такую реплику: «Ярославскими древностями заинтересованы сильно ученые-саботажники, и все это они сделают, а я должен работать здесь»...

27 августа. Из Ярославля прибыл П.Д. Барановский, который сообщает поразительные вещи. Ему буквально без денег удалось организовать работы в большом масштабе, и было страшно досадно, что все это было теперь без почвы, так как у меня нет денег для этой работы, а идти в Комиссариат просвещения не хочется. Все же... я переговорил с Нат. Ивановной Троцкой, прося ее прийти на помощь. Она просила сделать доклад в музейной коллегии, и тогда деньги будут выданы».

И деньги на ярославскую реставрацию – в разгар гражданской войны – действительно были выделены. В 1918 году Наркомпрос выдал специальную ссуду в 5 тысяч рублей на «предварительные работы», в 1919 г. – 1 млн рублей, в 1920 г. – 20 миллионов.

Ярославская реставрационная комиссия разделила около 40 городских памятников на три категории (по ценности и степени разрушения) и наметила первоочередные меры, говоря современным языком – консервацию и противоаварийные работы. На носу была зима, и для спасения храмов и фресок все средства были хороши, в том числе и временные. В ход пошли деревянные подпорки, для заделки многочисленных дыр от снарядов и шрапнели в стенах и кровлях допускалось использование фанерных щитов и даже брезента. До зимы «консервация» была закончена: силами 90 рабочих и 9 реставраторов кровли ярославских храмов были залатаны, аварийные участки кладки укреплены или подперты, окна вставлены.

С 1919 года на пострадавших памятниках развернулись ремонтно-реставрационные работы, в основном сводившиеся к восполнению утрат кладки стен, раскрытию фресок из-под поздних записей.

Документ, который мы публикуем сегодня,

Если же это так,то даже только и частичное отчуждение приписанного к памятнику владения,а тем более еще и национализированного является уже незаконным в прямом смысле этого слова и по этому дальнейшую передачу,недавано переданных Коммунотделом владений и законно закрепленных за Ярославским Отделением ЦГРМ,делать не следует.

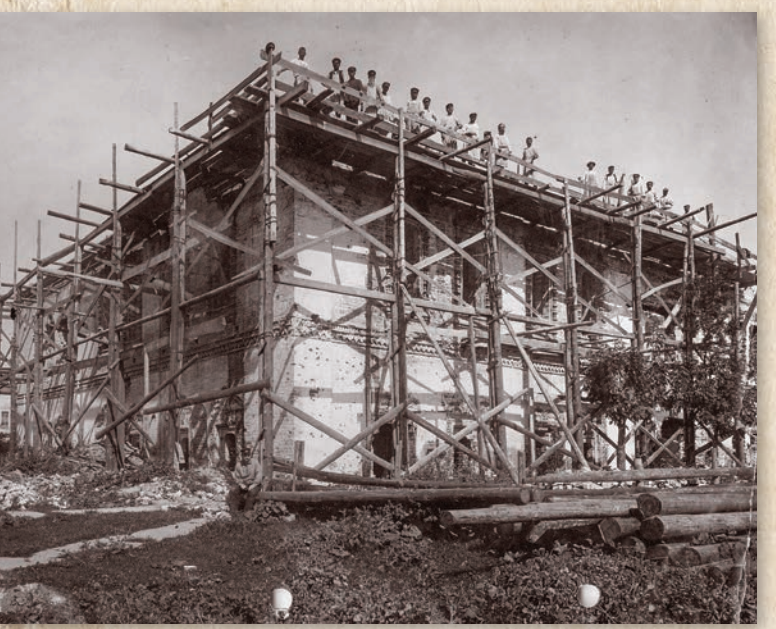
П О С Т А Н О В И Л И:

Устранение деревянного иконостаса в холодном Никитском храме разрешить,но лишь под условием перемещения его в какую либо другую церковь или в склад,но в собранном виде.Все остальное принять к сведению и руководству.

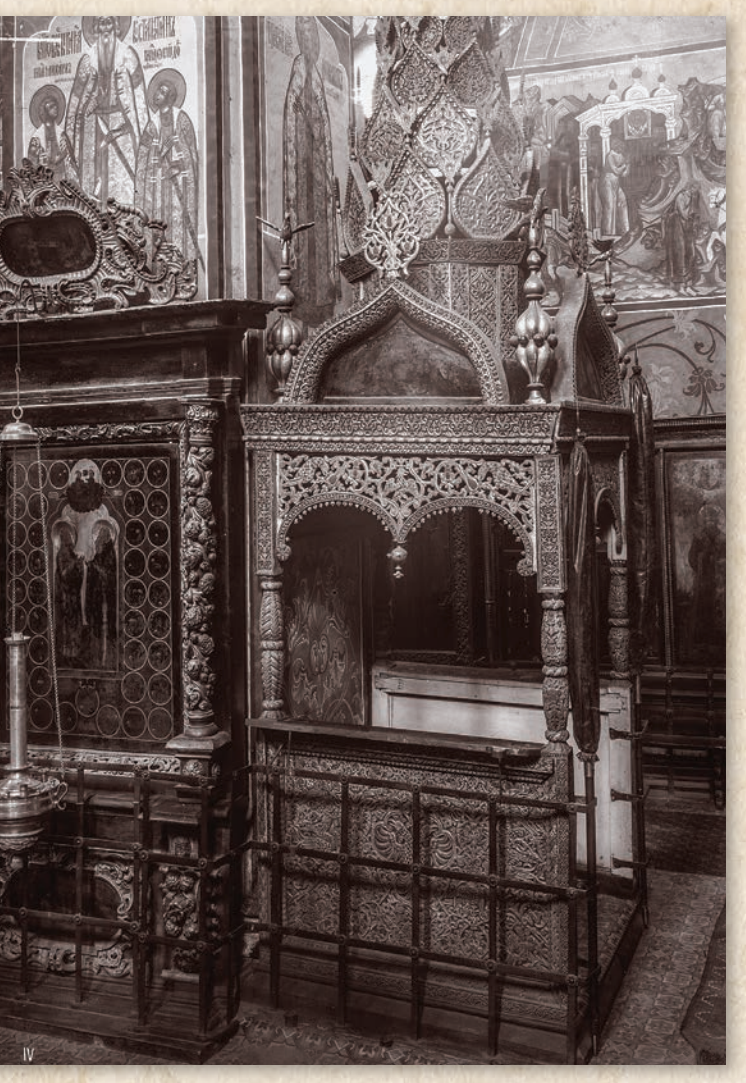
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

ЧЛЕНЫ:

СЕКРЕТАРЬ:



Вверху: разбитая снарядами колокольня церкви Петра и Павла на Волжском берегу. Храм был восстановлен в 1922 году. Снесен в 1937 году; на его месте построена дамба для въезда на автомобильный мост через Волгу. Внизу: восстановление Митрополичьих палат в Ярославле; реставрация древнего декора фасадов



подводил предварительные итоги 10-летней реставрации памятников Ярославля. В марте 1928 года в Ярославль прибыли такие корифеи отечественной реставрации, как директор ЦГРМ И.Э. Грабарь, его заместитель художник Г.О. Чириков, архитектор Д.П. Сухов. После осмотра объектов и родился на свет «Протокол № 7 заседания Ярославского отделения Центральных государственных реставрационных мастерских при участии представителей Центра».

Обратим внимание, насколько скрупулезны корифеи 1920-х: подводя общие итоги ярославской реставрации за десять лет, намечая планы на будущее, они не упускают из виду рисунок оконных переплетов в доме Иванова или судьбу резных клиросов из церкви Николы Мокрого. Нельзя не отметить и тщательное взвешивание судьбы памятников после реставрации: кому и когда передавать, за чей счет содержать, как не отдать в те руки, которые драгоценные памятники быстро похоронят...

Возможно, тогда, в 1928-м, даже корифеям казалось, что гражданская война уже позади и за судьбу памятников, восстановленных Республикой, в общем и целом можно не беспокоиться, главное приискать подходящих арендаторов. Увы, буквально через год гражданская война, на самом деле не прекращавшаяся в умах, вспыхнула с новой силой под вывеской классовой борьбы – и привела к быстрому краху и сложившейся уже первой системы охраны памятников Республики, и разгрому реставрационных и краевед-

Вверху: резное «царское место» из церкви Николы Мокрого. Внизу: храм Петра и Павла на Волжском берегу. Последствия обстрела и начало восстановительных работ

ческих организаций. И, конечно, к личным репрессиям хранителей национального наследия (см. интервью историка Ирины Кызласовой в № 1, 2018 «ОГ»), к уничтожению отреставрированных было памятников – и в Москве, и в Ярославле, и по всему необъятному СССР. Достаточно напомнить, что в Ярославле были разрушены Успенский собор и Соборная колокольня, великолепная церковь Петра и Павла и десятки других памятников. Однако ярославская реставрация 1918–1928 гг. и особое внимание, оказанное городу «представителями Центра», не могли пройти даром. Вероятно, именно поэтому Ярославль, в отличие от многих областных центров, сохранил десятки древних памятников, которыми просвещенный мир любуется до сих пор.

* * *

Редакция благодарит за предоставление для публикации документов и фотоматериалов:

«Протокола № 7» – Государственный архив Ярославской области (фонд Р-1401, оп. 1. д. 7, лл. 21-23) и лично его директора Е.Х. Шайхудинова;

фотографий памятников Ярославля и ремонтно-реставрационных работ на них – Государственный музей архитектуры имени А.В. Щусева и лично его директора Е.С. Лихачеву.

Редакция благодарит также искусствоведа Александру Андрееву и археолога Ивана Фролова за помощь в подготовке этого материала.

Фотографии для публикации редакции помогала подбирать безвременно ушедшая из жизни в августе 2018 года зав. фототекой Музея архитектуры Мария Георгиевна Рогозина.

Вверху: глава церкви Петра и Павла на Волжском берегу, разбитая артиллерийским снарядом.
Внизу: ампирный Малый Гостиный двор, пристроенный к стенам Спасо-Преображенского монастыря, был поврежден настолько, что его решили не восстанавливать и разобрали

Ильич отмыт, но заржавел

Пока не наступили холода, в Москве отмывали памятники. После Пушкина и Тимирязева дошла очередь и до Ленина на Калужской площади.

Одновременно с помывкой Ильича обследовали на предмет коррозии. Оказывается, со времени установки его ни разу не реставрировали и не обследовали. И надо заметить, что итоговая оценка состояния памятника – неудовлетворительная. В ближайшее время его обязательно нужно реставрировать: металл не выдерживает московского смога, химикатов и грязи. Так что голуби в данной ситуации – меньшее зло.

Это самый большой памятник Ленину в Москве, его высота – 22 метра. Реставратор Юлия Логинова, которая и обследовала памятник, поднявшись в люльке выше головы вождя пролетариата вместе с корреспондентом журнала «Охраняется государством», рассказала, что Ленина моют нейтральным средством «Универсал-ПД».

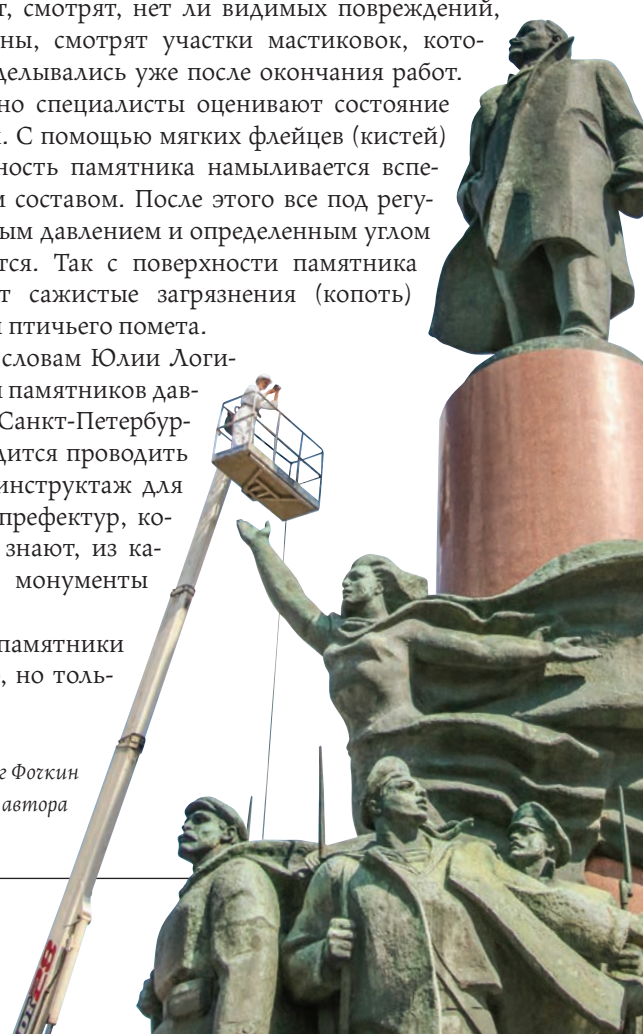
Очистка памятника прошла с применением особых моющих средств и спецтехники в соответствии со специально разработанной и утвержденной Департаментом культурного наследия Москвы методикой текущего ухода за памятниками.

Механизм работ следующий: сначала специалисты оценивают состояние сохранности, фотографируют, смотрят, нет ли видимых повреждений, ржавчины, смотрят участки мастиковок, которые доделывались уже после окончания работ. Отдельно специалисты оценивают состояние патины. С помощью мягких флейцев (кистей) поверхность памятника намыливается вспененным составом. После этого все под регулируемым давлением и определенным углом смывается. Так с поверхности памятника удаляют сажистые загрязнения (копоть) и следы птичьего помета.

По словам Юлии Логиновой, практика помывки памятников давно освоена и прижилась в Санкт-Петербурге, а вот в Москве приходится проводить обучающие семинары и инструктаж для соответствующих служб префектур, которые зачастую даже не знают, из какого материала сделаны монументы на их территории.

Теперь московские памятники обещают мыть регулярно, но только в теплое время года.

Олег Фоткин
Фото автора



ДОРОГАМИ РУССКОГО СЕВЕРА

«Архитектурный путеводитель по деревянному зодчеству Русского Севера». М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2018. – 380 с.

Нечасто встретишь книгу, авторы которой (а это Институт наследия и общественная организация «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Русского Севера») уже во введении четко отвечают на вопрос, о чем она и зачем написана. Этот путеводитель именно такой: «Авторы будут считать свою задачу выполненной, если каждый третий читатель отправится в путешествие по Русскому Северу или станет участником общественной организации “Общее дело”».

Со своей просветительской миссией книга справляется безупречно: Русский Север разбит на шесть секторов, рассказано про основные ценные постройки (храмы, дома, часовни), составлены варианты маршрутов с указанием расстояния между точками и предложением возможных мест для отдыха и питания, что немаловажно в самостоятельных поездках.

Но совершенно очевидно, что цель издания гораздо выше описательской функции. Гораздо выше желания привлечь внимание к ускользающей красоте. Цель – показать, что в силах каждого помочь ее спасению. Либо личным участием – став волонтером, либо финансовым – совершив путешествие или сделав прямой вклад. Неважно. Такой иллюстрированный и информативный путеводитель – это средство против пассивности, которое работает благодаря красоте, внутреннему чувству сопричастности к русскому, национальному. А потому слоганом издания и стали слова Д.С. Лихачева: «Главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский».

ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ РОССИЯ

Сергей Прокудин-Горский. Российская империя в цвете. Города. Губернии. Провинции. М.: АСТ, ОГИЗ, 2018. – 192 с.

Имя Сергея Михайловича Прокудина-Горского навсегда вошло в историю мировой и российской фотографии. Но, как правило, альбомы с его удивительными снимками, запечатлевшими фрагменты нашей истории, доступны избранным, способным заплатить круглую сумму за качественный и дорогой альбом. Издательство АСТ в этот раз сделало невозможное: удалось собрать и напечатать относительно недорогую и к тому же познавательную книгу, в которую вошли не только уникальные снимки профессора Прокудина-Горского, но и его заметки – столь же ценные, как и фотографии.

«Чем дальше уходит прожитое, тем выпуклее вырисовываются в памяти многие события и даже мелкие факты, и тем легче становится правильно понять их значение и отнестись к ним критически. На мою долю выпало изъездить задолго перед войной Россию во многих направлениях, побывать в отдаленных уголках ее, посетить местности, связанные с воспоминанием о крупных исторических событиях и притом проделать это в совершенно исключительных условиях, с совершенно исключительными задачами и возможностями… – писал профессор Сергей Михайлович Прокудин-Горский в 1932 году. – Занимаясь в течение многих лет научной и практической фотографией и фотомеханикой и специализировавшись в области цветной фотографии, я всегда интересовался возможностью применения ее к задачам воспитания и обучения и, в частности, главным образом к преподаванию отечествоведения».

Чуть более ста лет назад публика впервые увидела снимки российских просторов «в натуральном цвете», рукоплескала их автору – пионеру цветной фотографии Сергею Михайловичу Прокудину-Горскому. С 1903 по 1916 год он успел сделать около трех с половиной тысяч удивительных цветных снимков, которые и составили его уникальное наследие. Замысел Прокудина-Горского, поддержанный императором Николаем II, был куда как глобальнее: показать Россию от Балтийского моря до Тихого океана. Помешала революция. Но даже те снимки, которые успел сделать ученик Менделеева, подлинный подвижник и энтузиаст фотографии, – единственная на сегодня визуальная энциклопедия русской жизни на сломе веков, сломе империи. Дабы не нарушать авторского замысла, редакция сочла уместным организовать пространство этого альбома, следуя логике текстовой и визуальной, потому комментирующий текст не всегда успевает за колесным пароходом «Шексна», на котором Сергей Михайлович Прокудин-Горский путешествовал по просторам Российской империи. Прокудин-Горский уехал из России в 1918 году, после революции, и окончательно поселился в Париже. Умер в 1944 году.

«НЕВЕСТА ИВАНА ВЕЛИКОГО»: ИСТОРИЯ ЕЕ ЕЩЕ НЕ ЗАВЕРШЕНА…

Сухарева башня. Авторы-составители В. Ружейников, А. Филимон, Д. Ястржембский. Художник А. Капнинский. М.: Издательский дом «Лингва-Ф», 2018. – 96 с.

Книга, вышедшая в рамках издательской программы Правительства Москвы и при поддержке столичного Департамента средств массовой информации, предназначена прежде всего детям, однако в равной степени будет интересна и взрослым.

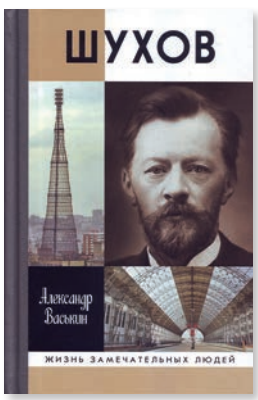
В доступной и увлекательной форме, без сюсюканья и скидок на детское «недомыслие», здесь повествуется об одном из самых замечательных памятников зодчества, два с лишним века бывшего зримым московским образом, соперничавшим с Кремлем, храмом Василия Блаженного, Красными воротами.

«В настоящем издании, – отмечают составители, – впервые представлены все этапы истории появления на карте города такого необычного архитектурного объекта, как Сухарева башня. Ее история неразрывно связана с именами Петра I, Леонтия Магницкого, графа Шереметева, многими прославленными русскими путешественниками и моряками. Рассказывается… и о “Святой дороге”, и о летописи московского водопровода, и о коммунальном музее, и о печальной истории разрушения башни». И вот данную обширную информацию «мальчишки и девчонки, а также их родители» смогут найти на страницах этой большеформатной и потому весьма удобной для чтения книги.

Нельзя не отметить и очень качественный стиль оформления. Рассыпанные на каждой странице яркие, характерные иллюстрации Алексея Капнинского (Капыча) словно переносят в тот или иной исторический период, создавая запоминающиеся городские «срезы времени». Кроме того, на форзацах представлены две весьма интересные художественные реконструкции панорам вокруг Сухаревой башни, выполненные В.А. Рябовым в 2015 году. Есть список уцелевших и снесенных окрестных объектов старины, есть карта географических открытий выпускников Навигацкой школы. Наконец, дополняют издание достаточно обширные ссылки на источники – книжные, периодические, электронные.

«Сухарева башня по-прежнему ждет своего часа. Восстановление ее – дело исключительной важности», – пишут составители в главке «Вместо послесловия». Возможно, когда-нибудь так и случится.

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ



Александр Васькин. Шухов: Покоритель пространства. М.: Молодая гвардия, 2018. – 415 с. – (Жизнь замечательных людей: вып. 1751).

В популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга, посвященная архитектору, творения которого знает каждый москвич, – Владимиру Шухову. И правда, его радиобашню на Шаболовке видели все. Но кроме нее Шухов сконструировал множество других зданий и придумал удивительные приспособления, благодаря которым и сегодня работают и держатся самые разнообразные конструкции.

Среди изобретений Шухова – первый российский нефтепровод, крекинг для получения бензина, гиперболоиды, паровые котлы, резервуары, сетчатые перекрытия, водопровод, мосты и нефтеналивные суда, мины и батопорт. Его изобретения покорили временные и географические пространства, определив развитие мировой научной мысли на много лет вперед.

Кстати, это первая печатная биография инженера и архитектора Шухова. Владимира Григорьевича Шухова (1853–1939) как только не называют – русский Леонардо, наш Эйфель, человек-фабрика, универсальный гений, рыцарь Серебряного века, а он был, прежде всего, русским инженером, обладавшим уникальными способностями и талантом. Каким он был в жизни, кого любил, чем увлекался, как жил и творил при царях и большевиках и почему, несмотря ни на что, остался в России, 60 лет проработав на одном месте, – об этом в книге писателя и историка Александра Васькина. Впрочем, нельзя не сказать о некоторых неточностях в книге, которые неспециалисту незаметны, но имеют место быть. Иногда автор просто увлекается и домысливает те или иные события, добавляя те, которые кажутся ему соответствующими действительности. Будем надеяться, что в переизданиях эти ошибки и недочеты будут исправлены. В целом же книга, несомненно, вызовет интерес к инженеру Владимиру Шухову и его творениям у самого широкого круга читателей, открыв его с самых неожиданных сторон и вернув нашей науке и истории.

Акценты

СКАЗАНО

Валерий Тишков,
научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН

«Нужны законы и более жесткая регламентация для корпораций, местных властей и граждан, которые охраняли бы не только экологию, но и историко-культурный ландшафт, даже право на пейзаж... Нужны государственно-правовое регулирование и массовое воспитание вкуса к природной красоте: так, чтобы владелец земельного участка рядом с уникальной шатровой церковью XVIII века в селе Уборы не смел сооружать личный псевдозамок, испортив уникальный вид, который радовал россиян несколько столетий».

Из выступления на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям

Владимир Путин,
Президент России

«По поводу самовольного или какого-то другого строения и псевдозамка, как вы сказали, рядом с церковью, нужно не только спросить, как он посмел, нужно спросить, как посмели дать разрешение? Ведь кто-то разрешил, правда? Вот с этой стороны надо смотреть на это. Сейчас в Сочи разбирают, кто какие разрешения давал, но так, к сожалению, не только в Сочи происходит, очень часто в других регионах России».

Из выступления на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям

СДЕЛАНО

В Выборге решали проблемы малых городов

При поддержке Российской ассоциации реставраторов в октябре в Выборге прошла IX Всероссийская конференция «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы. Комплексные программы развития». В ней приняли участие 180 делегатов из 30 регионов, а также представители ИКОМОС-Финляндия. Обсудили сотрудничество горадминистраций и волонтеров, «Том Сойер Фест», удачные и неудачные реставрации, а также итоги конкурса Минстроя на лучшие проекты создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Много внимания уделили «больной» теме – судьбе исторических домов, попавших в программу расселения и сноса как аварийные и ветхие. В итоговую резолюцию войдут рекомендации органам власти и предложения участников.

Туле вернули Кремль и набережную

Это результат проекта «Тульская набережная», который реализовывался в течение года при поддержке губернатора региона и был торжественно завершен 8 сентября. Проект охватил территорию, расположенную вокруг Тульского кремля: ул. Металлистов и ее исторический квартал, Крестовоздвиженскую площадь, часть улицы Советской, сквер имени Мосина. Площадь работ составила 21 га: Тульский оружейный завод пожертвовал родному городу на нужды культуры 12 га своей земли по левому берегу Упы. Расчищены и укреплены берега, спланирован рельеф, заменены инженерные сети, сделаны детские площадки и места для отдыха. Главную городскую жемчужину – Кремль – теперь можно спокойно обойти и обозреть со всех сторон.

СКАЗАНО

Ольга Голодец,
вице-премьер Правительства России

«Мы должны в кратчайшие сроки изыскать средства и восстановить церковь (Успения в Кондопоге - **Ред.**) Это дело нашей гражданской и государственной ответственности. Конечно, федеральная помощь будет. Все коллеги включены в эту работу».

Из интервью во время рабочей поездки в Карелию

Борис Вишневский,
депутат Заксобрания Санкт-Петербурга

«Ответов убедительных не получил. В том числе о том, что совершенно незаконно прорубание проемов в капитальной стене старого здания для перехода в новое.

И в той части, которая касается собственности,–новое здание будет принадлежать не городу, а фонду с тремя физическими лицами-учредителями, и в любой момент большинство из них может решить, что музей им не очень нужен. Или оставить музею пару комнат. При этом они хотят получить земельный участок бесплатно и без конкурса - как объект культуры. Неплохо, правда? Что будет дальше, я хорошо представляю. Плавали,– знаем».

На заседании по строительству нового корпуса Музея Ф.М. Достоевского

СДЕЛАНО

К спасению деревянного зодчества подключилась Общественная палата РФ

19 октября в Общественной палате России в Москве состоялись слушания на тему «Русское деревянное зодчество: перспективы спасения». Их организовали Комиссия по вопросам развития культуры и сохранению духовного наследия Общественной палаты РФ и ВООПИК. К разговору пригласили реставраторов, сотрудников госорганов, представителей общественности. Обсудили следующие вопросы: системные меры, которые необходимо предпринять государству для сохранения уникального, в том числе в мировом масштабе, пласта культурного наследия России – деревянного зодчества; мероприятия по сохранению «бесхозных» памятников деревянного зодчества; приоритеты реставрации памятников деревянного зодчества; многоканальное финансирование и государственно-частное партнерство в сохранении памятников деревянного зодчества; первоочередные меры противопожарной безопасности; организация работы волонтеров на памятниках деревянного зодчества и др.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ОСНОВАНО В 1966

ВООПИК вернул Тамбов и Кострому

В обеих областях ВООПИК практически бездействовал последние 20 лет. Но теперь активисты предпочли объединить усилия под эгидой авторитетной организации. В Тамбове после роспуска Общественного совета по наследию отделение станет единственной общественной площадкой для обсуждения проблем наследия города и области. В Костроме после ухудшения ситуации в музее деревянного зодчества, резонансных случаев с Торговыми рядами в Солигаличе и столице региона, разрушения ценных исторических объектов ВООПИК, как ожидается, станет созидательной и открытой площадкой.

СКАЗАНО

Сергей Цуканов,
председатель комитета жилищно-коммунального хозяйства г. Курска

«Мы приостановили аукцион, объявили всем: пожалуйста, возьмите его в аренду, восстановите, если кто-то есть желающий. Но никто не заявился. Только все посоветовали, посмотрели, пошумели - и все! Этот дом был расселен. Результатом окончания программы должен быть снос, если нет никакого запрета. На него запрета на снос никакого нет. В данный момент это мусорка, там плодятся крысы, ходят люди непонятного происхождения. Непонятно что в центре города! Какие последствия? Курская область может не войти в дальнейшую программу переселения, которая разрабатывается на 2019-й и последующие годы по той причине, что не выполнены условия предыдущей программы».

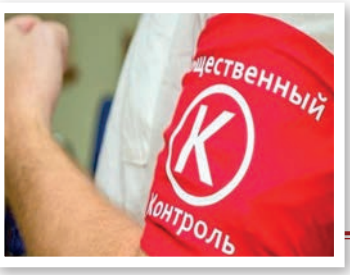
О возможном сносе Дома Беньковских

Анатолий Артамонов,
губернатор Калужской области

«К сохранению исторического наследия надо относиться предельно бережно. Но нам нужно в здравоохранении порешать, в образовании. Там куча проблем. И нужны средства. Дойдут руки - начнем заниматься деревяшками. И это тоже нужно делать, куда деваться. А пока - привлекать частный капитал».

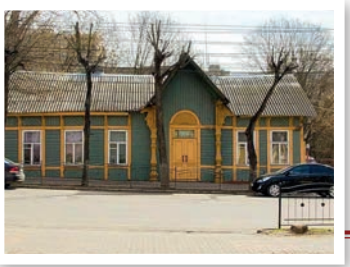
На заседании регионального правительства, по поводу сноса исторических домов в Боровске

СДЕЛАНО



В Ярославской области появятся первые в России общественные контролеры

Глава регионального департамента охраны объектов культурного наследия Александр Филяев 17 октября подписал приказ «Об общественном контроле за состоянием объектов культурного наследия на территории Ярославской области». Общественные контролеры будут содействовать департаменту в наблюдении за состоянием, содержанием, использованием и популяризацией объектов культурного наследия. К основным направлениям деятельности инспекторов отнесены фотофиксация, профилактика нарушений охранного законодательства и распространение правовой грамотности. Статус общественного контролера чиновники будут присваивать официально, с выдачей удостоверения, после обработки анкеты и собеседования.



В Калуге снесен Дом Яковлева – объект «Том Сойер Феста»

Все произошло 13 октября. С формальной точки зрения претензий, как обычно, нет: был выявленным, была отрицательная экспертиза, в реестр не вошел. Попытки активистов преодолеть ситуацию ни к чему не привели. Собственник дом расселил и снес. При этом в 2017 году дом восстанавливали в рамках первого в регионе «Том Сойер Феста». Дом Яковлева стал не просто символом, но реальностью гражданского общества: захотели – сделали, нашли спонсоров, собрали материалы и деньги, нашли единомышленников. Городской голова Калуги принес публичные извинения «Том Сойер Фесту» и взял ситуацию на прилегающей к дому территории под свой личный контроль.

СКАЗАНО

Елена Салеева,
председатель комитета по управлению имуществом г. Саратова

«У нас есть проблемы. Наличие памятников архитектуры. Из этих домов 28 являются объектами культурного наследия. Но мы договорились с управлением по охране объектов культурного наследия, десять из них можно исключить из объектов».

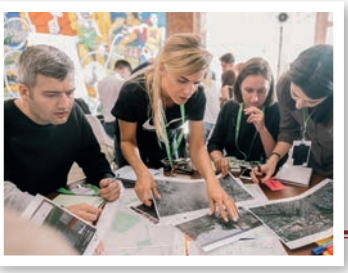
На совещании в мэрии

Елена Короткова,
руководитель центра городской экономики КБ «Стрелка»

«Классическая капиталистическая модель развития города не предполагает, что в его центре могут жить пенсионеры и люди с доходом ниже среднего. Это может прозвучать жестко, но объективно недвижимость в центре любого крупного города дороже жизни на периферии. В Москве же она без преувеличения слишком дорогая, и возможности самостоятельно содержать ее у такой аудитории нет, но в центре эта аудитория сохраняется благодаря серьезным механизмам социальной защиты. И пока мы можем говорить лишь об отдельных примерах джентрификации в России. Самый яркий из них - Остоженка... Масштабную территорию полностью заняли дома, ориентированные на платежеспособный спрос. Существуют примеры так называемой сельской джентрификации, когда на месте писательских кооперативов постепенно формируются поселки, состоящие из дорогих вилл. Похожий сценарий сейчас реализуется на Каменном острове в Санкт-Петербурге».

Из статьи в СМИ

СДЕЛАНО



Архитекторам предложили программу саморазвития

Осенью 2018 года в России стартовали «Архитекторы.РФ» – программа профессионального развития, направленная на раскрытие личного и профессионального потенциала каждого участника. Она реализуется Единым институтом развития в жилищной сфере «Дом.РФ» и Институтом «Стрелка» при поддержке Минстроя России.

Лучшие участники будут рекомендованы регионам на должности главных архитекторов.

Из 1377 человек, которые подали заявки, в финал вышли 100 профессионалов: практикующие архитекторы и градостроители, представители сферы государственного и муниципального управления, урбанистики и городской социологии.

Обучение состоит из четырех этапов. Первый прошел в Москве - за неделю состоялось более 30 мероприятий с участием ключевых российских и международных экспертов: лекций, докладов, тренингов, исследовательских поездок, дискуссий.

Второй образовательный модуль назывался «Города России»; участники посетили 12 городов с исследовательскими поездками: Калининград, Великий Новгород, Иваново, Белгород, Грозный, Новосибирск, Екатеринбург, Пермь, Тюмень, Казань, Якутск, Владивосток.

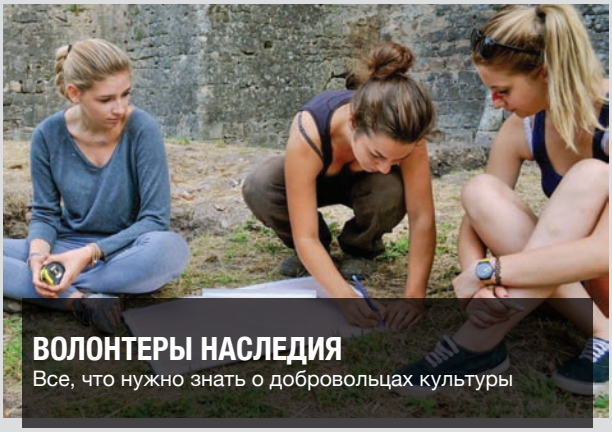
Изучили опыт работы с историческим наследием и познакомились с самыми актуальными проектами общественных пространств и жилых комплексов.

Третий модуль – «Современная архитектурная практика» – пройдет в ноябре 2018 года. Все участники посетят с исследовательской поездкой четыре европейских города: Берлин, Роттердам, Копенгаген и Барселону.

Четвертый модуль под названием «Будущее города» состоится в декабре 2018 года, он будет посвящен лекциям и тренингам от ведущих отраслевых экспертов.

ЧИТАЙТЕ В ЖУРНАЛЕ «ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ» В 2018–2019 ГОДАХ

КОПАЯСЬ В ПРОШЛОМ
Российская археология: «черная», белая, академическая



ВОЛОНТЕРЫ НАСЛЕДИЯ
Все, что нужно знать о добровольцах культуры

ЭЙ, ЯМЩИК, ГОНИ-КА К «ЯРУ»!
Архитектура и эстетика русской гастрономии

ПОЛНАЯ ВИДИМОСТЬ
Виртуальное наследие реальнее реального

Получить наш журнал можно бесплатно по следующим адресам в Москве:

- Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Гагаринский пер., д. 4/2.
- Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры. Дегтярный пер., д. 8/3.
- Музей архитектуры им. А.В. Щусева. Ул. Воздвиженка, 5.
- Государственная публичная историческая библиотека России. Старосадский пер., 9.
- Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева. Бобров пер., 6 стр. 2.
- Музей Москвы. Зубовский бульвар, 2.
- Московский театр «Тень». Октябрьская ул., 5.

Электронная версия: www.ohrgos.ru